Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Радамехскій Карликъ

Соч. А. Лори

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Дозволено цензурою Спб., 20 Января 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I. Въ Суакимѣ.

Обѣдъ пришелъ къ концу, и гости перешли въ гостиную, широко распахнутая стеклянная дверь которой вела на террасу, выходившую на море. Неподвижная гладь Краснаго моря заволакивалась понемногу прозрачнымъ январскимъ сумракомъ.

Г. Керсэнь, французскій консулъ въ Суакимѣ, принималъ у себя въ этотъ вечеръ Норбера Моони, молодаго астронома, особо рекомендованнаго ему Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ оффиціальномъ письмѣ консулу предлагалось оказать возможное содѣйствіе г-ну Моони въ выполненіи его ученой миссіи, а въ интимной припискѣ къ этому письму упоминалось, что эта миссія носитъ еще, кромѣ того, секретный характеръ. Вотъ почему г. Керсэнь пригласилъ сегодня къ обѣду, кромѣ молодаго ученаго, только одного лейтенанта флотской службы, г-на Гюйонъ, командира французскаго пакетбота „Lévrier“, плававшаго въ водахъ Суакима.

Консулъ былъ вдовъ, и роль хозяйки въ его домѣ выпадала на долю его дочери Гертруды. Исполнивъ эту роль привѣтливо и мило во время обѣда, она теперь тихонько подошла къ роялю и чуть слышно наигрывала одинъ изъ ноктюрновъ Шопэна. Ночь была тихая, теплая. Этотъ обѣдъ вчетверомъ, хотя и оффиціальный, прошелъ весело и оживленно, какъ это почти всегда бываетъ у парижанъ, гдѣ-бы и при какихъ-бы условіяхъ они ни встрѣтились. Говорилось и о послѣднихъ бульварныхъ новостяхъ, и объ общихъ зна-

комыхъ, которыхъ всегда не трудно найти людямъ, принадлежащимъ къ одному и тому-же кругу общества. За кофе бесѣда оживилась еще болѣе, стала болѣе дружественной и безцеремонной, и консулъ полагалъ, что это какъ разъ подходящій моментъ для того, чтобы сдѣлать своему гостю вопросъ, сильно задѣвавшій его любопытство.

— Мнѣ извѣстно, конечно, что вы пріѣхали въ Суданъ съ научной цѣлью, что на васъ возложена какая-то ученая миссія,—проговорилъ онъ, обращаясь къ Норберу Моони,— но скажите, не будетъ-ли это нескромностью съ моей стороны, если я спрошу васъ, какого рода эта миссія?

— Отнюдь нѣтъ,—отвѣтилъ улыбаясь молодой человѣкъ, — вопросъ вашъ вполнѣ естественный, но прошу извинить меня, если я въ данный моментъ не въ состояніи удовлетворить вашего любопытства, такъ какъ дѣло это, по возможности, должно оставаться абсолютною тайной для всѣхъ!

— Даже и для командира Гюйонъ, и для меня?—удивленно спросилъ г. Керсэнъ.—Надѣюсь, ваша миссія не имѣетъ ничего общаго съ политикой? Министръ говоритъ мнѣ въ своемъ письмѣ о васъ, что вы астрономъ, — астрономъ, состоящій при Парижской обсерваторіи — и, если не ошибаюсь, одинъ изъ самыхъ выдающихся молодыхъ ученыхъ нашего времени?

— Я астрономъ, въ качествѣ таковаго прибылъ въ Суданъ; ничего общаго съ политикой дѣло мое не имѣетъ; мало того, это чисто частное предпріятіе, осуществляющееся на англійскіе капиталы. Всѣ мои компаніоны, прибывшіе вмѣстѣ со мною на суднѣ „Dover-Castle“, иностранцы. Все, на что я могъ надѣяться отъ нашего правительства, это на чисто нравственную поддержку въ случаѣ надобности, и г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ былъ дѣйствительно на столько добръ, что не отказалъ мнѣ въ этомъ и увѣрилъ меня, что я встрѣчу въ васъ во всякое время полную готовность облегчить мнѣ, на сколько это будетъ въ вашихъ силахъ, мою трудную задачу!

Слушая эти объясненія Норбера Моони, консулъ и лейтенантъ внимательно приглядывались къ нему.

Это былъ высокій молодой брюнетъ лѣтъ двадцати-шести или тридцати; высокій, прекрасно-сформированный, открытый лобъ, ясные, полные жизни глаза, прямой красивый носъ, небольшой ротъ и энергичный, гордый подбородокъ,— все это вмѣстѣ взятое, дышало прямодушіемъ, смѣлостью и доброжелательствомъ и придавало его красивой наружности нѣчто особенно привлекательное. Это былъ прекрасный типъ француза, вѣрнѣе избраннаго француза, такъ какъ на немъ лежала несомнѣнная печать превосходства.

Теперь г. Керсэнь приложилъ все свое стараніе, чтобы умѣло и незамѣтно перевести разговоръ на другую тему. Это былъ дипломатъ стараго закала, весьма высоко цѣнимый своимъ начальствомъ, ему предстояла блестящая карьера, если-бы страсть къ изученію какихъ-то нубійскихъ древностей и слабое здоровье его дочери не привязали его на неопредѣленный срокъ къ берегамъ Краснаго моря.

Гертрудѣ было двадцать лѣтъ. Тонкая, гибкая, какъ тростникъ, она казалась хрупкой и нездоровой. Молочно-бѣлый цвѣтъ ея лица и удивительное обиліе роскошныхъ бѣлокурыхъ волосъ, казавшихся слишкомъ большою тяжестью для этой маленькой головки, подтверждало это. Стоило только взглянуть на нее, чтобы понять, какая тонкая нить связывала ее съ жизнью. Мать ея умерла отъ чахотки и эта потеря была самымъ тяжелымъ горемъ въ жизни г. Керсэнь. Теперь онъ ужасно боялся, чтобы та-же участь не постигла и его дочери. По временамъ слабый кашель и внезапно выступавшія на щекахъ дѣвушки красныя пятна пугали его, усиливая его тревогу. Гертруда мало думала объ этомъ: милая и кроткая, любимая всѣми, кто ее зналъ, она чувствовала себя счастливой и по натурѣ своей была склонна мечтать и надѣяться на лучшее будущее.

Но отецъ ея не могъ ошибаться на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что врачи предупреждали его не разъ, что вліяніе менѣе сухого и мягкаго климата было-бы безусловно па-

губно для Гертруды, и вотъ, такимъ образомъ изъ за нея, онъ рѣшилъ оставаться въ Суакимѣ, гдѣ, собственно говоря, и началась его консульская карьера. Онъ посвящалъ все свое свободное время заботамъ о своей дочери, о ея здоровьи, стараясь удовлетворять не только всѣ ея потребности и желанія, но даже и всѣ ея капризы, которыхъ у нея, къ счастію, было немного. Вопреки общему желанію, скрытность и утайки молодого астронома нарушили до нѣкоторой степени общее оживленіе и дружественную безцеремонность, какими отличался разговоръ этихъ четырехъ лицъ, а потому всѣ были чрезвычайно рады появленію новаго гостя, человѣка лѣтъ пятидесяти, румянаго, веселаго и словоохотливаго доктора Бріэ, дяди Гертруды Керсэнъ. Это былъ докторъ-путешественникъ, поселившійся вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Суакимѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы лѣчить свою племянницу, нуждавшуюся, по его мнѣнію, въ уходѣ.

Не проходило вечера, чтобы онъ не заходилъ въ посольскій домъ, гдѣ ему всегда были рады.

— Здравствуйте, дядя!—воскликнула Гертруда, идя къ нему на встрѣчу.

— Милый другъ, позвольте познакомить васъ съ нашимъ молодымъ соотечественникомъ, Норберомъ Моони... докторъ Бріэ!—добавилъ консулъ, представляя ихъ другъ другу.

Тѣ обмѣнялись поклонами и докторъ, со своей свойственной ему простотой и добродушіемъ, тотчасъ-же заявилъ:

— Я уже слышалъ о пріѣздѣ г-на Моони, и, конечно, знаю его отчасти по слухамъ. Никто, читающій отчеты академіи наукъ, не можетъ не знать о томъ, что г-нъ Моони представлялъ прекраснѣйшіе труды по спектральнымъ анализамъ и открылъ двѣ планеты Prescilla и..., какъ бишь ее зовутъ, другую-то?..

— Она до настоящаго момента не носитъ еще никакого названія, и обозначается просто нумеромъ!—смѣясь отвѣтилъ молодой ученый.

— Въ настоящее время открываютъ такое множество

планетъ, что право трудно прибрать всѣмъ имъ названія,— скромно добавилъ онъ.

— Назовите ее Gertrudia!—сказалъ командиръ Гюйонъ, взглянувъ на молодую дѣвушку.

— Ахъ, командиръ,—воскликнула она,—что вы говорите!

— Нѣтъ, почему-же, это прекрасная мысль,—возразилъ Норберъ,—я буду очень радъ воспользоваться ею, если только мадемуазель и ея батюшка не будутъ имѣть ничего противъ. Для этихъ маленькихъ планетъ именно и нужны такого рода отличительныя имена, которыя походили-бы какъ можно меньше на другія. Gertrudia—прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и я остановлюсь именно на немъ!

— Ахъ, папочка! Какое счастье, теперь у меня будетъ своя собственная звѣзда!—весело воскликнула молодая дѣвушка,—но вы вѣдь покажете ее мнѣ, чтобы я могла узнавать ее, мосье Норберъ?

— Очень охотно, когда ее можно будетъ видѣть. Мѣсяцевъ черезъ семь или восемь, если погода будетъ благопріятная вы ее увидите!

— О, значитъ ее нельзя видѣть каждый вечеръ?—спросила немного разочарованная Гертруда.

— О, нѣтъ! Иначе она давно была бы нанесена на карту и означена какимъ нибудь именемъ. Но мы теперь уже достаточно ознакомились съ нею, чтобы не дать ей пройти мимо, не шепнувъ ей словечка „до свиданья!"

— Вотъ, подношеніе, которое не въ состояніи поднести дамѣ каждый мущина!—засмѣялся докторъ Бріэ.—Вамъ, очевидно поручена какая нибудь астрономическая миссія? обратился къ Моони докторъ.

— Не совсѣмъ такъ!—возразилъ Норберъ, невольно улыбаясь,—я только вижу, что хранить тайну—дѣло не легкое,—въ особенности, если не хочешь врать и выдумывать небылицы. Я, конечно, могъ бы сказать вамъ, что пріѣхалъ въ Суданъ, гдѣ небо вѣчно ясно, для новыхъ интерпланетныхъ изслѣдованій, но предпочитаю сказать вамъ часть истины... Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью изучить пути, способы

и средства для задуманной довольно химерической экспедиціи, или вѣрнѣе для экспедиціи, которая многимъ показалась бы именно таковой. Тѣмъ болѣе, что даже и теперь уже я прослылъ въ Обсерваторіи за сумасброда; потому то я чувствую себя вынужденнымъ никому ничего не говорить о моемъ проэктѣ, раньше чѣмъ онъ мнѣ не удастся, изъ опасенія, чтобы меня не прозвали умалишеннымъ. Если я буду на столько счастливъ, что достигну своей цѣли, то это станетъ всѣмъ извѣстно, если же нѣтъ—то къ чему вызывать насмѣшки и нагромождать новыя препятствія сверхъ всѣхъ тѣхъ, какія уже и теперь встаютъ на моемъ пути!

— Впрочемъ, въ данный моментъ, главною моей цѣлью является просто устройство астрономической станціи на плоскогорьѣ Тэбали въ пустынѣ Байуда...

— Опытная станція въ пустынѣ Байуда!—воскликнулъ докторъ.—Нечего сказать, прекрасно выбрали время!... Неужели вы думаете, что господа Суданцы такъ и позволятъ вамъ устраивать безпрепятственно вашу опытную станцію?

— Да я не дамъ и ста копѣекъ за шкуру того европейца, который попробуетъ добраться до верховьевъ Нила, а вы мечтаете переправиться черезъ него и проникнуть въ самую глубь Дарфура!... Извините, но позвольте мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать вамъ, что это чистое безуміе!

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что съ перваго же слова меня назовутъ съумашедшимъ!—спокойно возразилъ Норберъ.—Вы сами видите, господа, что я не ошибался!

— Какъ хотите, а я отъ своихъ словъ не отказываюсь!—продолжалъ добродушно возмущаться докторъ Бріэ,—забираться теперь въ самое сердце Судана, это по крайней мѣрѣ также рискованно, какъ отправиться къ Туарэгамъ. Вы, вѣроятно, забыли, какая участь постигла всѣхъ, кто рѣшался проникнуть южнѣе Триполи:—Дурно—Дюпэре въ 1874 г., моего смѣлаго, добраго друга полковника Флаттерсъ въ 1881 г., капитана Массонъ, капитана Діану, доктора Гюгаръ, инжеперовъ Рошъ и Берингеръ и многихъ другихъ!

— Нѣтъ, я ничего этого не забылъ,—все такъ же спокойно отвѣчалъ молодой астрономъ,—но такъ какъ тѣ геологическія и астрономическія условія, которыя мнѣ необходимы, я могу встрѣтить только въ пустынѣ Байуда, на плато Тэбали, то мнѣ приходится отправляться именно туда.

— Смотрите, какъ-бы вы не нашли тамъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ то, чего вы ищете!—многозначительно воскликнулъ Г. Керсэнь,—повѣрьте старому африкандеру. въ настоящее время есть только одинъ способъ съ нѣкоторой безопасностью отправиться въ Дарфуръ, а именно, съ полкомъ алжирскихъ стрѣлковъ и конвоемъ въ три тысячи верблюдовъ,—не иначе!

— Я не могу даже вообразить себя во главѣ цѣлаго полка стрѣлковъ и такого множества верблюдовъ,—весело замѣтилъ Норберъ,—я, какъ и всякій изъ насъ, уже два раза отбывалъ воинскую повинность, но никогда не добирался выше чина капрала и не командовалъ болѣе, чѣмъ четырьмя человѣками. А потому мнѣ придется удовольствоваться слугой моимъ Виржилемъ, который служилъ когда-то въ африканскихъ стрѣлкахъ, и хорошимъ проводникомъ, если я съумѣю найти такого; это, мнѣ кажется, заставитъ суданцевъ понять, что я являюсь къ нимъ, какъ другъ, а не какъ непріятель!

— Какъ другъ?.. Гяуръ-то!.. Подите-же, спросите ихъ, что они на это скажутъ! Да разскажите мнѣ потомъ объ этомъ, если только они оставятъ вамъ языкъ для того, чтобы вы могли разсказать!

— Право, докторъ, вы заставите меня думать, что я предпринимаю нѣчто такое, что свыше силы человѣческой. Неужели эти суданцы въ самомъ дѣлѣ такіе свирѣпые?

— Не скажу—свирѣпые, но рѣшившіе не выпускать живымъ изъ своихъ лапъ ни одного европейца, кто бы онъ ни былъ; и ихъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ, три тысячи человѣкъ, прекрасно дисциплированныхъ, слѣпо повинующихся своему

начальству, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Развѣ вы не слыхали о Махди?

— Махди? Это—что-то въ родѣ мусульманскаго ясновидца, который устроилъ возстаніе на берегахъ Бахръ-эль-Газаля, въ двухъ или трехъ стахъ лье отсюда?..

— Ну, да, такъ вотъ этотъ самый Махди, если мы только не будемъ постоянно на сторожѣ, не позже, какъ черезъ годъ, скушаетъ всѣхъ насъ. Онъ изгонитъ насъ изъ Суакима, изъ Хартума и Ассуана. Мало того, онъ, быть можетъ, выгонитъ насъ и изъ Каира, и изъ Александріи!..

— Но если не ошибаюсь, противъ него выслали египетскія войска!

— Онъ ихъ проглотитъ разомъ и не поперхнется, если только они не встанутъ сами подъ его знамена. Объ этомъ я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, могу васъ въ томъ увѣрить. Начинается такъ называемая священная война. Черезъ какихъ нибудь полъ года, много годъ,—Махди будетъ въ Хартумѣ!

— Годъ—срокъ порядочный, быть можетъ, мнѣ понадобится меньше времени для осуществленія моей идеи!

Докторъ молча воздѣлъ руки къ небу.

— И такъ,—сказалъ лейтенантъ Гюйонъ,—вы все-таки хотите идти волку въ пасть?

— Да, командиръ!

Всѣ слушали этотъ разговоръ съ живымъ интересомъ, но никто не принималъ его такъ близко къ сердцу, какъ Гертруда Керсэнъ. Въ то время, какъ Норберъ Моони объявлялъ о своемъ намѣреніи, а докторъ излагалъ ему свои возраженія, она слушала молча съ широко раскрытыми глазами, блѣдная при мысли о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ будетъ подвергать себя молодой ученый и восхищаясь его спокойнымъ мужествомъ и непоколебимой рѣшимостью выполнить принятую на себя задачу. Волненіе ея было настолько замѣтно, что отецъ не на шутку встревожился за нее и знакомъ далъ понять доктору, чтобы тотъ перемѣнилъ разговоръ. Одновременно съ этимъ онъ позвонилъ, приказавъ подавать чай, а Гертруда по своему обы-

кновенію стала разливать его и угощать присутствующихъ. Пользуясь этимъ перерывомъ въ общемъ разговорѣ, консулъ взялъ Норбера Моони подъ руку и увелъ его на терассу.

— Серьезно,—сказалъ онъ,—мнѣ очень трудно рѣшиться поддерживать такого рода предпріятіе, какъ ваше, оно такъ безнадежно, такъ безразсудно, скажу и я, что мнѣ страшно за ту отвѣтственность, какую я этимъ принимаю на себя!

— Но что я могу сдѣлать?—просто возразилъ молодой человѣкъ,—я не одинъ, меня сопровождаетъ цѣлый наблюдательный комитетъ, доставившій меня сюда на „Dover-Kastle“. Затрачены весьма значительные капиталы. А то, что я хочу попытаться осуществить, возможно сдѣлать только въ Суданѣ. На сколько мнѣ извѣстно, я только тамъ могу найти совокупность всѣхъ тѣхъ физическихъ условій, которыя для меня необходимы. Даже самое состояніе анархіи, въ какомъ въ данный моментъ находится страна, удобно для насъ; это избавляетъ насъ отъ необходимости испрашивать различнаго рода разрѣшенія, какихъ намъ не дало-бы, можетъ быть, ни одно правительство. Мы будемъ дѣйствовать не только въ пустынѣ, но еще въ такой пустынѣ, которая въ данный моментъ принадлежитъ къ области никому не подчиненной, такъ какъ египетское правительство не въ состояніи водворить тамъ своего номинальнаго владычества. Все это такого рода выгодныя для насъ условія, которыми грѣшно было бы не воспользоваться!

— Но скажите мнѣ, чѣмъ вы думаете побѣдить явную, непримиримую враждебность къ вамъ, какъ къ европейцу, всѣхъ этихъ арабскихъ племенъ, съ которыми вамъ все время придется сталкиваться на вашемъ пути?

— Весьма просто: дѣлая ихъ своими союзниками вмѣсто того, чтобы имѣть врагами!

— И вы полагаете, это удастся вамъ?

— Надѣюсь!

— Мнѣ трудно раздѣлять ваши надежды... Но разъ, что рѣшеніе ваше непоколебимо, то надо, во всякомъ случаѣ, принять всевозможныя мѣры предосторожности. У насъ есть

здѣсь, въ Суакимѣ, человѣкъ, который можетъ быть вамъ весьма полезенъ своимъ знаніемъ нравовъ, обычаевъ и характера тѣхъ людей, съ которыми вамъ придется сталкиваться. Это старый Мабруки-Спикъ, негръ проводникъ, сопутствовавшій Буртону, Спику, Ливингстону и Гордону. Если желаете, я познакомлю васъ съ нимъ.

— Буду весьма обязанъ. Я, конечно, буду весьма радъ всему, что можетъ облегчить мою задачу... но мою экспедицію не такъ то легко будетъ организовать уже вслѣдствіе одного того, что я имѣю при себѣ очень грузные инструменты и матерьялы: прежде, чѣмъ я оставлю Суакимъ, мнѣ еще, вѣроятно, не разъ придется обратиться къ вамъ за помощью и содѣйствіемъ.

— Сдѣлайте одолженіе и не стѣсняйтесь!—сказалъ консулъ, дружески пожимая руку своего гостя, — я радъ служить всѣмъ, чѣмъ могу!

Они вернулись въ гостиную, гдѣ ихъ ожидалъ чай.

Гертруда тотчасъ-же подошла къ нимъ съ чашкой чая, которую предложила Норберу.

— Вы уѣзжаете, это рѣшено?—спросила она въ то время, какъ онъ запускалъ серебряные щипчики въ сахарницу.

И въ кроткомъ взглядѣ ея милыхъ глазъ было такое наивное чувство симпатіи, которое невольно тронуло сердце молодого человѣка. Ему вдругъ стало жаль оставить ее, такъ болѣзненно жаль, что самъ онъ этому удивился. Какъ будто онъ разставался съ горячо любимой сестрой или другомъ дѣтства. Онъ съ трудомъ подавилъ вздохъ и сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы сказать обычнымъ тономъ съ легкой полуулыбкой:

— Да, я уѣзжаю, но не сейчасъ еще—у меня двѣ, три недѣли на сборы и приготовленія, и я еще не прощаюсь съ французскимъ консульствомъ!

Гертруда ничего не сказала, но глаза ея затуманились слезами. Съ легкимъ наклоненіемъ головы она отошла въ сторону и вышла на террасу смотрѣть на звѣзды, которыми искрилось все небо.

II. Чай на морѣ.

— Г. Моони мнѣ очень нравится,—сказалъ французскій консулъ, садясь на другой день за утренній чай къ столу, за которымъ, какъ и всегда, хозяйничала его дочь.—Докторъ говоритъ, что это выдающійся ученый и при этомъ благовоспитанный человѣкъ, съ большимъ запасомъ энергіи. При томъ онъ чрезвычайно красивъ, что, во всякомъ случаѣ, не можетъ повредить ему.

— Словомъ, онъ васъ побѣдилъ, папа!—смѣясь воскликнула молодая дѣвушка, какъ бы желая скрыть легкое замѣшательство.—Впрочемъ, мнѣ кажется, онъ скорѣе былъ бы доволенъ, чѣмъ удивленъ вашей оцѣнкой, если бы онъ могъ ее слышать...

— Вотъ онѣ, молодыя барышни, вѣчно онѣ стараются подмѣтить какой нибудь недостатокъ въ своихъ самыхъ искреннихъ поклонникахъ!—смѣясь воскликнулъ консулъ.—Я успѣлъ уже замѣтить, что ты пришлась очень по вкусу этому молодому ученому; однако, если онъ не съумѣлъ тебѣ понравиться, то я очень радъ узнать объ этомъ теперь-же, потому что только что получилъ отъ него записку, въ которой онъ приглашаетъ меня, а также и тебя, сегодня на чай на свое судно Dover-Castle. Я, конечно, могу туда поѣхать и одинъ, и извиниться за тебя, придумавъ какой нибудь предлогъ.

— Придумывать предлогъ, чтобы не ѣхать на „Dover-Castle“? Вы шутите, папа; я скорѣе стала бы искать предлога, чтобы туда ѣхать въ случаѣ, если бы въ томъ представились надобность!... Я весьма благодарна г-ну Моони, что онъ упоминаетъ и о мнѣ въ своемъ приглашеніи. Повѣрьте, я не даромъ упомянула вчера за обѣдомъ о томъ, что это судно возбуждаетъ всеобщій интересъ въ Суакимѣ,—но признаюсь, думала, что мои слова пропадутъ даромъ, что молодой астрономъ слишкомъ занятъ своими научными сооб-

раженіями, чтобы принять во вниманіе слабый намекъ такой незначительной маленькой особы, какъ я!

— А, вотъ какъ вы изволите разсуждать, сударыня; ну прекрасно, въ такомъ случаѣ будь готова къ пяти часамъ, передъ закатомъ солнца шлюпка будетъ ожидать насъ у набережной.

Консулъ принялся за свои газеты; онъ имѣлъ привычку проглядывать ихъ за утреннимъ чаемъ; а Гертруда вскорѣ пошла къ себѣ готовиться къ предстоящей поѣздкѣ на судно, весело болтая со своей маленькой служанкой арабкой, по имени Фатимой. Уже за часъ до назначеннаго времени Гертруда была совершенно готова, а отецъ, придя за нею, засталъ ее даже въ перчаткахъ.

Суакимъ не великъ, и въ три минуты отецъ съ дочерью были уже на набережной, гдѣ Норберъ, повидимому, уже поджидалъ ихъ въ обществѣ какого-то незнакомца. Увидя гостей, онъ поспѣшно пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Мы едва смѣли надѣяться, что мадемуазель Керсэнь сдѣлаетъ намъ честь и согласится сопровождать васъ, г-нъ консулъ! — сказалъ астрономъ, пожимая протянутыя ему руки. — Позвольте мнѣ представить вамъ друга моего, сэра Буцефала Когхилль, состоящаго участникомъ нашей экспедиціи, который вмѣстѣ со мною будетъ имѣть честь принять васъ на Dover-Cartle'ѣ.

Сэръ Буцефалъ Когхилль, баронетъ, былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, высокій, стройный блондинъ, чрезвычайно изысканно одѣтый, типичный юный англосаксъ, казавшійся съ перваго взгляда болѣе пригоднымъ въ качествѣ зрителя на скачкахъ, чѣмъ въ качествѣ участника трудной научной экспедиціи. Тѣмъ не менѣе онъ уже очень много путешествовалъ, что дало ему тему для весьма оживленнаго и интереснаго разговора съ консуломъ и его дочерью.

Что же касается Норбера, то онъ казался весьма заинтересованнымъ тѣмъ, что происходило въ нѣсколькихъ шагахъ. Тамъ, среди кучки арабовъ и трехъ европейцевъ, сто-

ялъ старый негръ и оживленно переговаривался съ туземцами, очевидно, служа переводчикомъ гг. европейцамъ.

— Да это Мабруки-Спикъ! вы уже успѣли разыскать его? сказалъ г. Керсэнь молодому астроному, замѣтивъ, что тотъ смотритъ по направленію вышеупомянутой группы.

— Да, это онъ, онъ сговаривается теперь съ верблюжатниками, нанимаетъ верблюдовъ для нашей экспедиціи, но, кажется, никакъ не можетъ придти съ ними къ какому нибудь соглашенію...

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ тамъ кричали, гомонили, божились, ругались, словомъ, происходило все то, что происходитъ на востокѣ каждый разъ, какъ приходится рѣшать хотя-бы самое пустячное дѣло. Громадный тощій арабъ съ ястребинымъ взглядомъ, сильно крючковатымъ носомъ и длинной черной бородой, въ тюрбанѣ, горячился болѣе всѣхъ, увѣряя, что не можетъ сбавить ни единаго гроша, призывая въ свидѣтели своей добросовѣстности и самаго Аллаха, и всѣ нечистыя силы, клянясь сѣдинами своего отца и головами своего потомства, что въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ умереть съ голода со всей своей семьей. Но все его краснорѣчіе въ сущности мало дѣйствовало на европейцевъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ группы и, подойдя къ Норберу, безъ дальнѣйшихъ оконечностей произнесъ:

— Эти собаки просятъ по десяти піастровъ за верблюда и ни за что не хотятъ уступить...

— Господинъ Игнатій Фогель, одинъ изъ коммиссаровъ нашей экспедиціи!—холодно представилъ его Норберъ Моони.

Надо замѣтить, что коммиссаръ былъ человѣкъ вида весьма не привлекательнаго: увѣшанный брелоками, съ множествомъ колецъ на пальцахъ, въ клѣтчатомъ костюмѣ съ крошечной шапочкой, едва державшейся на макушкѣ, съ непріятной растянутой улыбкой надъ желтыми зубами и маленькими бѣгающими глазками. Субъектъ этотъ производилъ весьма не выгодное впечатлѣніе.

— Вы позволите мнѣ покинуть васъ на одну минуту, ради крайне важнаго дѣла? — сказалъ Норберъ, извиняясь

передъ своими приглашенными, которые утвердительно наклонили головы.

— По десяти піастровъ, говорите вы? — спросилъ онъ, отводя Фогеля всторону.—А сколько верблюдовъ?

— Двадцать пять, по десяти піастровъ, я нахожу, что это безобразная цѣна!

— О, нѣтъ!.. напротивъ это крайне дешево. Подумайте только, какое громадное разстояніе имъ надлежитъ пройти!.. я жалѣю только о томъ, что мы не можемъ достать за эту цѣну пятисотъ вмѣсто двадцати пяти! Соглашайтесь скорѣе и оставляйте ихъ за нами, но сдѣлайте это такъ, чтобъ эти люди не замѣтили, насколько они необходимы намъ.

— Прекрасно!—будетъ исполнено по вашему желанію— отвѣтилъ Фогель.—Я не прощаюсь съ вами, милостивый государь и милостивая государыня, — обратился онъ къ консулу и его дочери, — я буду имѣть удовольствіе въ самомъ непродолжительномъ времени увидѣть васъ на нашемъ суднѣ!

Затѣмъ, неуклюже шаркнувъ правой погой, онъ поспѣшно удалился въ группѣ верблюжатниковъ.

— Странный компаніонъ для господина Моони и его пріятеля, этого молодаго англичанина такого корректнаго и элегантнаго,—подумали г. Керсэнь и Гертруда.

Однако удовольствіе прогулки въ шлюпкѣ заставило ихъ вскорѣ позабыть непріятную физіономію Игнатія Фогеля. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ приглашенные были доставлены на Dover-Castle, гдѣ ихъ встрѣтилъ очень любезно и радушно капитанъ, предложившій имъ съ полной готовностью осмотрѣть судно.

Гости любовались порядкомъ, дисциплиной и необычайной чистотой и опрятностью, царившими на суднѣ. Конечно, гости разспрашивали, какъ водится, обо всемъ, интересовались рѣшительно всѣмъ, даже и тѣмъ, о чемъ до того не имѣли ни малѣйшаго представленія; когда-же все это было исполнено, то перешли и къ главнѣйшему, т. е. къ закускѣ, приготовленной подъ тэнтомъ на кормѣ.

На столѣ, украшенномъ цвѣтами и заставленномъ мороженымъ, фруктами, пирожнымъ и печеньями самаго изысканнаго вкуса, г. Керсэнь и Гертруда замѣтили множество драгоцѣннаго фарфора, массивнаго серебра и дорогаго хрусталя и невольно похвалили столь богатую и роскошную сервировку.

— Всей этой роскошью мы всецѣло обязаны серу Буцефалу, а отнюдь не мнѣ!—смѣясь замѣтилъ молодой ученый. Что-же касается меня, то я, повѣрьте, вовсе не привыкъ кушать на дорогомъ фарфорѣ и пить чай изъ китайскихъ чашекъ. Но теперь серъ Буцефалъ, гг. комиссары экспедиціи и я, мы кушаемъ за однимъ столомъ и, вы видите, къ какой роскоши насъ пріучаетъ баронетъ.

— Никакая роскошь не можетъ быть излишней, когда имѣешь честь принимать у себя такихъ гостей, какъ сегодня!—любезно замѣтилъ серъ Буцефалъ.—Но прошу вѣрить,— продолжалъ онъ, — что я отлично могъ-бы обходиться безъ всего этого, если-бы не находился въ этомъ отношеніи безотвѣтнымъ орудіемъ въ рукахъ моего тирана слуги.

— Серъ Буцефалъ имѣетъ при себѣ лакея, — пояснилъ Норберъ,—образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ, выросшаго и воспитаннаго въ наслѣдственномъ замкѣ баронетовъ. Этотъ слуга счелъ-бы величайшимъ изъ всѣхъ преступленій, если бы не устраивалъ жизнь своего господина согласно всѣмъ правиламъ фамильнаго этикета.

— За нимъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать заслугу умѣнья прекрасно украсить столъ!—сказала Гертруда.

Такъ какъ въ этотъ моментъ появился самъ Тиррэль Смисъ съ шампанскимъ, то и разговоръ перешелъ на другія тэмы. Вскорѣ веселый смѣхъ и острыя словца стали почти безъ перерыва разноситься надъ тихою поверхностью Краснаго моря.

Во время полнаго разгара разговора и веселья явился Игнатій Фогель въ сопровожденіи двухъ незнакомцевъ, которыхъ гости уже видѣли мелькомъ тамъ, на набережной. Норберъ поспѣшилъ тотчасъ-же представить ихъ:

— Г. Питэръ Грифинсъ... Г. Костерусъ Вагнеръ, коммиссары экспедиціи.

Всѣ трое безъ особыхъ церемоній присѣли къ столу.

— Охъ, еще коммиссары!— подумала Гертруда.—Они похожи на лакеевъ въ отпуску. Очевидно, г. Моони не особенно счастливъ въ выборѣ своихъ коммиссаровъ!

— Что же, вамъ удалось уладить ваше дѣло безъ новыхъ потерь?—освѣдомился консулъ, которому эти три физіономіи сильно претили. Но изъ любезности онъ счелъ нужнымъ заговорить и съ ними.

— Проклятье!—воскликнулъ, хлопнувъ себя по колѣну, Питэръ Грифинсъ, который, казалось, явился сюда прямо изъ конюшни въ своей поношенной курткѣ, брюкахъ, засунутыхъ въ голенища, въ бумажномъ бѣльѣ, съ физіономіей хорошо выбритаго конюха.

— Намъ едва удалось собрать тридцать пять верблюдовъ вмѣсто обѣщанныхъ пятидесяти.

— Эти подлецы сговорились и издѣваются надъ нами,—сказалъ Игнатій Фогель,—я сильно сомнѣваюсь, чтобы намъ удалось собрать нужное количество этихъ вьючныхъ животныхъ.

— А вамъ требуется много верблюдовъ и вожаковъ?—спросилъ консулъ.

— Да по меньшей мѣрѣ 800 верблюдовъ и соотвѣтствующее количество людей,—отвѣтилъ Норберъ—намъ необходимо выгрузить весь нашъ матерьялъ и перевезти его полностью на возвышенность Тэбали, т. е. приблизительно на разстояніе ста двадцати миль отсюда въ глубь страны по пустынѣ... Это штука не легкая, я это вполнѣ понимаю, но во всякомъ случаѣ это было бы возможно, если бы недовѣріе этихъ людей не создавало намъ ежеминутныхъ затрудненій.

— Что вы мнѣ раньше не сказали о вашихъ затрудненіяхъ,—воскликнулъ консулъ;—я бы избавилъ васъ отъ множества безполезныхъ хлопотъ!... Знайте, что для такихъ громадныхъ транспортовъ вы ничего не съумѣте сдѣлать

здѣсь, въ Суакимѣ, и прилежащей къ нему мѣстности, если только вы не обратитесь къ настоящему господину этой страны къ мѣстному „святому“ Сиди-Бэнъ-Камса, радамехскому могаддему, вождю могущественнаго племени Шерофовъ... Вы не только не найдете верблюдовъ безъ его разрѣшенія, но если бы даже вздумали привести ихъ изъ Сиріи или изъ Египта, то навѣрное подверглись бы нападенію и были бы ограблены въ пустынѣ!

— Неужели вы говорите серьезно?—спросилъ молодой астрономъ.

— Совершенно серьезно. Вамъ, во что бы то ни стало, слѣдуетъ или заручиться расположеніемъ этой великой персоны, или же совершенно отказаться отъ своей затѣи!

— Но какимъ способомъ, я, простой смертный, могу заручиться симпатіями этого святого Могаддема? Это кажется мнѣ еще болѣе труднымъ, чѣмъ собрать этихъ неуловимыхъ верблюдовъ!—сказалъ Норберъ.

— Вы забываете, что золотой ключъ отворяетъ почти всѣ двери!

— Неужели и этотъ святой мужъ доступенъ корыстнымъ чувствамъ?

— Между нами, будь сказано, господа, я полагаю, что никакихъ иныхъ чувствъ онъ и не знаетъ; Сиди-Бенъ-Камса одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ феноменовъ. Къ нему прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ жизни и совѣтуются обо всемъ. Онъ каждое утро съ восходомъ солнца даетъ аудіенцію приходящимъ къ нему за совѣтомъ, судомъ и защитой, какъ Глава Вѣрныхъ въ сказкѣ Тысяча и Одна Ночь. На пріемахъ этихъ бываетъ очень много и никто не является туда съ пустыми руками.

— Ну, за этимъ дѣло не станетъ!—весело воскликнулъ Норберъ.—Мы, всѣ до единаго, готовы отправиться къ нему съ полными руками, если онъ только можетъ помочь намъ. А далеко это отсюда?

— На разстояніи двухъ дней или вѣрнѣе двухъ ночей пути!—сказалъ Керсэнь.

— Мнѣ кажется, намъ-бы не мѣшало-бы завтра же отправиться къ этому великому могаддему. Что вы на это скажете, Когхилль?

— Я скажу, что это путешествіе будетъ истиннымъ наслажденіемъ, если г. Керсэнь и мадемуазель Керсэнь согласятся отправиться вмѣстѣ съ нами!—отвѣтилъ баронетъ, не сморгнувъ

— Какъ?! Мадемуазель Керсэнь?

— Моя дочь?

— Благодарю! очень благодарю васъ, баронетъ!—воскликнула горячо молодая дѣвушка.—Право, вы не могли бы предложить мнѣ ничего болѣе пріятнаго для меня. Если только отецъ мой будетъ столь добръ позволить мнѣ осуществить мое желаніе, я берусь доказать вамъ, господа, что и женщина можетъ путешествовать по пустынѣ, не будучи никому въ тягость. О, папа, согласитесь, прошу васъ. Вы знаете, что я давно давно мечтала видѣть этого знаменитаго Моггадема!... Обѣщаю вамъ, что буду совершенно здорова, что не буду нисколько утомляться; повѣрьте, это будетъ такимъ громаднымъ удовольствіемъ для меня!

— Слышу, слышу!—сказалъ г. Керсэнь, вовсе не желавшій отказывать дочери въ этомъ удовольствіи, но опасавшійся быть черезъ чуръ навязчивымъ.—Увѣрены-ли вы, господа, что мы не будемъ лишними?—обратился онъ главнымъ образомъ къ Норберу Моони.

— Ахъ, что вы говорите, господинъ консулъ!—воскликнулъ Моони,—вы слышали, что баронетъ рисуетъ это путешествіе, какъ истинное удовольствіе для всѣхъ насъ, если вы и дочь ваша согласитесь почтить насъ своимъ присутствіемъ.

— Трудно быть болѣе милымъ и любезнымъ,—сказалъ консулъ,—слѣдовательно, это дѣло рѣшенное. Мой шуринъ, докторъ Бріэ, давнымъ давно предлагаетъ намъ съ дочерью совершить эту интересную поѣздку, и если вы ничего не имѣете противъ, то и онъ присоединится къ намъ, и я

увѣренъ, что докторъ будетъ готовъ отправиться съ нами во всякое время, когда вамъ это будетъ угодно!

И баронетъ, и Норберъ почтительно склонили головы въ знакъ согласія; что же касается трехъ комиссаровъ, то, казалось, никто не принималъ ихъ въ соображеніе, какъ будто они вовсе не должны были участвовать въ этой поѣздкѣ. Однако, одинъ изъ нихъ, принадлежавшій, судя по его длиннымъ волосамъ и широкополой шляпѣ, къ типу неудачниковъ-ученыхъ, сказалъ:—а находите-ли вы необходимымъ, чтобы я и Фогель приняли участіе въ этой экспедиціи?

— Нисколько!—поспѣшно отвѣтилъ Норберъ.—Если вы полагаете, что вамъ необходимо будетъ остаться для наблюденія за выгрузкой матеріаловъ, то...

— Выгрузка—дѣло капитана!—довольно сердитымъ тономъ замѣтилъ Питэръ Грифинсъ. — А въ инструкціяхъ сказано, что мы обязаны не разставаться съ вами ни на часъ...

— Такъ какъ эти инструкціи, или постановленія, были вотированы по моему предложенію, то не мнѣ, конечно, противорѣчить имъ!—сказалъ Норберъ съ тонкой ироніей, которая не укрылась ни отъ консула, ни отъ коммиссаровъ, которые на это только поморщились.

— Я полагаю, что лучше всего поручить заботу обо всѣхъ необходимыхъ приготовленіяхъ Мабруки-Спику?— продолжалъ Норберъ, обращаясь къ консулу,—и если это для васъ удобно, то назначимъ отъѣздъ нашъ на завтра!

— На завтрашній вечеръ, понятно; такъ какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ этихъ странахъ путешествуютъ только вечеромъ и раннимъ утромъ... Если хотите, мы назначимъ сборнымъ пунктомъ посольскій домъ, а время—шесть часовъ вечера?

— Шесть часовъ? прекрасно!

— Ахъ, какъ я рада! Какъ я довольна!—весело воскликнула Гертруда.—Благодарю, папа! Благодарю васъ, господа! Серъ Буцефалъ, вы предложили мнѣ участвовать въ этой

поѣздкѣ, а потому я вамъ особенно благодарна за то удовольствіе, какого я ожидаю отъ нее!

Какъ ни естественно было это выраженіе благодарности, обращенное къ баронету, оно невольно вызвало въ душѣ Норбера чувство досады, которое онъ съ трудомъ могъ подавить въ себѣ.

— Чортъ побери этого Когхилля!—подумалъ онъ,—вотъ они уже совершенные друзья съ мадемуазель Керсэнь!.. Я никогда, кажется, не съумѣю расположить ее къ себѣ. Это такого рода даръ или талантъ, въ которомъ мнѣ совершенно отказано судьбой... Я, очевидно, такъ много бесѣдовалъ съ телескопами, что совершенно разучился бесѣдовать съ дамами!...

Г. Керсэнь, видя его немного опечаленнымъ и чѣмъ то озабоченнымъ, всталъ и началъ прощаться. Молодые люди настояли на томъ, что проводятъ гостей до самаго подъѣзда посольскаго дома.

Возвращаясь на “Dover-Kastle“, они застали на набережной Мабруки-Спика. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, они сообщили ему о своемъ намѣреніи и приказали позаботиться о необходимыхъ приготовленіяхъ. Старый проводникъ хорошо зналъ свое дѣло: внимательно выслушавъ Норбера Моони, онъ сказалъ, что завтра къ назначенному времени все будетъ готово.

III. Въ Нубійской пустынѣ.

Маленькій караванъ, подъ предводительствомъ Мабруки-Спика, сначала направился прямо къ востоку, по дорогѣ къ Берберу, а затѣмъ свернулъ къ югу, по направленію къ Радамехскому оазису. Дорога эта вначалѣ, по близости отъ Суакима, пролегала по мѣстности гористой и разнообразной, но, послѣ нѣсколькихъ часовъ пути, видъ совершенно измѣнился, постепенно переходя въ едва замѣтно волнистыя безплодныя дюны, сливавшіяся съ горизонтомъ. Дорога эта была проложена караванами и казалась простой тропой. Такого рода тропы, впрочемъ, постоянно заметаются самумомъ, и

если бы только остовъ какого нибудь павшаго въ пути верблюда или коня не служилъ, такъ сказать, путеводнымъ столбомъ, то подобная дорога совершенно бы исчезла. Такова нубійская пустыня на всемъ своемъ протяженіи между Ниломъ и Краснымъ моремъ. По виду она не имѣетъ ничего общаго съ собственно Сахарой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, быть можетъ, еще болѣе безотрадна, однообразна и печальна.

Послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ всѣ три „коммиссара": Костеріусъ Вагнеръ, Игнатій Фогель, и Питеръ Грифинсъ, единогласно рѣшили остаться въ Суакимѣ и, хотя Норберъ Моони заподозрѣлъ, что подъ этимъ рѣшеніемъ кроется какая-то недоброжелательная мысль, но общество этихъ людей было такъ нежелательно для молодого астронома, что онъ въ душѣ былъ радъ ихъ рѣшенію. И такъ, на этотъ разъ экспедиція состояла изъ г. Керсэнъ, его дочери, доктора Бріэ, баронета и Норбера Моони; всѣ они были верхами въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. Впереди всѣхъ ѣхала Гертруда въ бѣлой лѣтней амазонкѣ и маленькомъ англійскомъ полотняномъ шлемѣ съ синей вуалью, что чрезвычайно шло къ ней; подлѣ нея, на маленькомъ черномъ мулѣ, ѣхала ея служанка Фатима въ арабскомъ нарядѣ; кромѣ того Гертруду окружили со всѣхъ сторонъ ея четыре спутника, а старый Мабруки-Спикъ то шагалъ впереди, то сбоку, то немного позади ея.

Люди съ различными походными предметами и провіантомъ, распредѣленнымъ на семи верблюдахъ, составляли арьергардъ, придавая маленькому каравану еще болѣе живописный видъ. Впереди ѣхали пятеро арабовъ, ловко примостившихся на самой шеѣ своихъ верблюдовъ, среди тюковъ и всякой клади, высунувъ только часть мѣдно-коричневыхъ лицъ изъ подъ объемистыхъ бѣлыхъ покрывалъ. Далѣе слѣдовали двѣ совершенно разнородныя фигуры, то были Тиррель Смисъ, слуга сера Буцефала, который, очевидно, весьма неохотно знакомился съ тряской рысью верблюда, другой— громадный черномазый дѣтина, съ веселымъ и довольнымъ

лицомъ, одѣтый въ сѣрую коломянку съ алжирской феской на головѣ, былъ Виржиль, деньщикъ г. Моони.

Мы говоримъ „деньщикъ", потому что Виржиль никогда самъ не называлъ себя иначе, какъ деньщикомъ, когда кто либо интересовался его соціальнымъ положеніемъ. Бывшій алжирскій стрѣлокъ, онъ до сего времени никогда не служилъ никому, кромѣ французскихъ офицеровъ въ качествѣ деньщика или ординарца. Зная, чего стоитъ этотъ Виржиль, братъ г. Моони, капитанъ алжирской арміи, выбралъ именно его въ спутники Норберу, узнавъ о намѣреніи послѣдняго совершить путешествіе въ Суданъ.

Дѣйствительно, Виржиль былъ человѣкъ незамѣнимый во всѣхъ отношеніяхъ, хотя, конечно, не могъ претендовать на роль камердинера, повара или грума, какъ человѣкъ совершенно незнакомый даже съ самыми элементарными понятіями этикета и даже обычаевъ цивилизованной жизни. Это, дѣйствительно, былъ деньщикъ и не болѣе того, но деньщикъ незамѣнимый, находчивый, предусмотрительный, смѣтливый и догадливый.

Въ данный моментъ выраженіе крайняго недовольства, сказывавшееся на гладко выбритой физіономіи Тирреля, повидимому, ужасно забавляло Виржиля.

— Ну, что-же, другъ,—сказалъ онъ, безцеремонно похлопавъ его по плечу въ тотъ моментъ, когда верблюдъ Тирреля своими боками коснулся боковъ верблюда, на которомъ сидѣлъ онъ самъ,—вы бы предпочли, конечно, вагончикъ перваго класса на желѣзной дорогѣ? не такъ-ли, другъ?

Не говоря уже о томъ, что такого рода фамильярность вовсе не входила въ привычки корректнаго Тирреля Смиса, и что онъ плохо понималъ французскій языкъ, самый тонъ и манера обращенія Виржиля шокировали чопорнаго слугу, и тотъ отвѣчалъ презрительной миной, не проронивъ ни слова и мысленно рѣшивъ, что такого рода безмолвный отвѣтъ яснѣе всего долженъ показать неизмѣримо громадную пропасть, раздѣлявшую камердинера и мажордома баронета отъ деньщика простого астронома. Но Виржиль нимало

не смутился этимъ или вѣрнѣе вовсе не замѣтилъ презрительной гримасы и величаваго высокомѣрія Тирреля, да если бы даже и замѣтилъ, то, по простотѣ душевной, не съумѣлъ бы ни понять, ни оцѣнить ихъ. Снявъ съ шеи художественной работы флягу, висѣвшую у него на толстомъ шнуркѣ того же цвѣта, какъ и его феска, добродушный парень радушно протянулъ ее своему спутнику со словами:

— Попробуйте-ка этого, пріятель, и тогда вы скажите мнѣ спасибо!—При этихъ словахъ лицо деньщика озарилось широкой веселой улыбкой. Такого рода вѣжливость и любезность подоспѣла какъ разъ во время, чтобы тронуть уже наполненное негодованіемъ сердце Тирреля Смиса, затронувъ именно самую слабую его струну. Къ французской водкѣ Тиррель Смисъ питалъ особое уваженіе, и потому, не заставивъ долго просить себя, онъ поднесъ горлышко бутылки къ своимъ губамъ и возвратилъ ее Виржилю только послѣ довольно продолжительнаго наслажденія ею.

Это вліяніе Бахусу, очевидно, благотворно подѣйствовало на почтеннаго Тирелля Смиса, развязавъ ему языкъ и пополнивъ всѣ его познанія во французскомъ языкѣ.

— Въ которомъ часу мы прибудемъ въ отель?—освѣдомился онъ, дѣлая видимое усиліе казаться любезнымъ.

— Въ отель?!—воскликнуль Виржиль,—вы, конечно, не думаете, что отели, подобно грибамъ, выростаютъ на каждомъ шагу въ Нубiйской пустынѣ. Мы, вѣроятно, сдѣлаемъ привалъ около полуночи, чтобы отдохнуть часочка три, четыре, подъ сѣнью нашихъ походныхъ палатокъ и, закусивъ для подкрѣпленья силъ, двинемся дальше.

— Но... эти джентльмены... и лэди... возразилъ Тиррель Смисъ.

— Ну, и они, наши джентльмены и лэди, сдѣлаютъ точно такъ же, какъ мы: проспятъ часокъ другой на своихъ плэдахъ и одѣялахъ, съѣдятъ по коркѣ хлѣбца и тоже поѣдутъ дальше!

— О, я этого совсѣмъ не одобряю для сера Буцефала... совсѣмъ не одобряю...—Онъ не докончилъ своей фразы: на

столько былъ взволнованъ и негодовалъ на такой режимъ. У камердинера даже горло сдавило при одной мысли, что его господинъ, серъ Буцефалъ,—будетъ принужденъ ужинать и провести ночь такимъ страннымъ образомъ. Перспектива такого ужаснаго положенія повергла его въ такой сплинъ, что онъ покинулъ его лишь, когда маленькій караванъ по знаку Мабруки сдѣлалъ привалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога развѣтвляется, причемъ одна ведетъ въ Радамехъ, а другая— въ Берберъ. Всѣ безъ исключенія молодцами совершили этотъ первый переходъ; въ нѣсколько минутъ привычные арабы развели огни, зажгли факелы, вбили колья, раскинули палатки и разостлали ковры. Всѣ расѣлись кругомъ и съ аппетитомъ принялись за ужинъ. Шестичасовая прогулка на свѣжемъ, тепломъ воздухѣ сильно способствовала усиленію аппетита; всѣ были веселы и довольны.

Только Тиррель Смисъ былъ сильно опечаленъ совершеннымъ отсутствіемъ цѣннаго фарфора и серебра. Онъ даже счелъ долгомъ протестовать противъ такого нарушенія священныхъ правилъ этикета, стоя, безмолвный и неподвижный, во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ за спиной своего господина во все время, пока длился этотъ походный ужинъ, при чемъ лицо мажордома хранило выраженіе самаго мрачнаго унынія.

Закусивъ и подкрѣпивъ свои силы вкуснымъ ужиномъ, Гертруда и Фатима удалились въ особо приготовленную для нихъ палатку; ихъ примѣру послѣдовали трое французовъ и баронетъ, расположившіеся въ другой палаткѣ. Всѣ думали только объ отдыхѣ и снѣ.

Но отдыхъ этотъ былъ не продолжителенъ. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ наши путешественники успѣли заснуть, какъ внезапно были разбужены звуками голосовъ, шумомъ шаговъ и топотомъ конскихъ копытъ. Фатима крадучись выскользнула изъ палатки, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

— Это берберійское племя, отправляющееся на поклоненіе могаддему Радамехскому,—сказала она вернувшись.—

Ихъ, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ до ста, и всѣ верхами на ослахъ.

— Я хочу посмотрѣть на этихъ паломниковъ!—воскликнула Гертруда, встала и присоединилася къ отцу и остальнымъ путешественникамъ, вышедшимъ также изъ своей палатки посмотрѣть на пилигримовъ.

Берберы ѣхали верхами на мелкорослыхъ осликахъ, которыми управляли простыми недоуздками. Были тутъ и женщины, и совершенно нагіе дѣти, которые при видѣ лужи стоячей воды вблизи лагеря тотчасъ-же принялись барахтаться въ ней. Очевидно, вновь прибывшіе намѣревались также расположиться здѣсь.

Къ счастію, устраивались они не долго. Соскочивъ со своихъ муловъ, они улеглись прямо на землю и тотчасъ же уснули. Тишина и спокойствіе снова воцарились надъ спящей пустыней.

Но вдругъ странный звукъ снова нарушилъ сонъ нашихъ путешественниковъ.

— Что это?—испуганно воскликнула Гертруда, вскакивая на ноги.

— Это просто оселъ кричитъ,—сказала Фатима. Дѣйствительно, то кричалъ одинъ изъ осликовъ, вѣроятно, обрадованный тѣмъ, что ему посчастливилось найти клочекъ зеленой травы, и такимъ образомъ выражалъ свою радость. Крикъ этого ослика не былъ такъ рѣзокъ и пронзителенъ, какъ крикъ его европейскихъ собратьевъ, но продолжительность его заставило путешественниковъ сильно обрадоваться окончанію этого пѣнія.

— Ну, наконецъ-то!—воскликнула Гертруда, когда оселъ замолкъ,—онъ допѣлъ свою арію, а то я уже думала, что онъ пропоетъ такъ до самаго утра.

Однако, едва только одинъ пѣвецъ кончилъ свою партію, какъ другой началъ въ другомъ тонѣ.

— Увы!—восклинула Фатима,—теперь намъ не дождаться конца! Теперь всѣ они, одинъ за другимъ, будутъ продѣлывать то же самое. Я знаю ихъ привычку.

— Неужели?

— Да, непремѣнно; они всегда такъ дѣлаютъ: если только одинъ начнетъ, то всѣ послѣдуютъ его примѣру, а вѣдь ихъ болѣе шестидесяти... этотъ концертъ, навѣрное, будетъ продолжаться болѣе трехъ часовъ!

— Да ты увѣрена-ли въ этомъ?

— Вы сами услышите!... я не ошибаюсь!—жалобно сказала Фатима.

— Но, въ такомъ случаѣ, намъ нечего и думать о снѣ!

— Ну, конечно! какой тутъ сонъ!

— Такъ это весьма не весело!

Подобнаго-же рода разговоры происходили, вѣроятно, и въ сосѣдней палаткѣ. Отовсюду слышались раздраженные голоса, ропотъ и воркотня, а между тѣмъ третій, четвертый, пятый и шестой ослы протянули свои монотонныя серенады.

Наиболѣе гнѣвнымъ и нетерпѣливымъ слушателемъ этого ослинаго концерта являлся, конечно, Тиррель Смисъ.

— Замолчите-ли вы, скверныя, неблагородныя животныя! Вы не можете даже дать покоя такому джентльмену, какъ серъ Буцефалъ!..—яростно рычалъ онъ.

Схвативъ попавшуюся ему подъ руку палку, онъ устремился съ нею туда, гдѣ находились ослы и принялся тузить, что было мочи, очереднаго пѣвца.

Тогда ослами овладѣло какое-то музыкальное бѣшенство. Заслышавъ жалобные звуки истязуемаго товарища, всѣ они хоромъ завели такой громкій концертъ, что онъ сдѣлался положительно нестерпимымъ. А Тиррель Смисъ, ослѣпленный яростью и своимъ великимъ усердіемъ, принимая это crescendo за личный вызовъ, тузилъ несчастнаго концертанта все сильнѣй и сильнѣй, не взирая на крики и угрозы берберовъ, озлобившихся на англичанина до послѣдней крайности.

Виржиль также подоспѣлъ къ мѣсту происшествія.

— Оставьте! перестаньте!—кричалъ онъ мажордому,—вы только хуже раздразните ихъ такъ. Я знаю вѣрное средство успокоить ословъ и заставить ихъ замолкнуть. Пой-

демте со мной. Затѣмъ деньщикъ призвалъ и остальныхъ слугъ, сдѣлалъ имъ необходимыя указанія, и къ величайшему удивленію всѣхъ, черезъ нѣсколько минутъ водворилась полнѣйшая тишина послѣ ужаснѣйшаго шума и гама.

Мысль Виржиля и средство, примѣненное имъ, были весьма просты. Зная, что ослы, какъ это всѣмъ извѣстно, только тогда кричатъ съ полнымъ удовольствіемъ, когда задираютъ хвосты вверхъ, Виржиль придумалъ заставить ихъ опустить хвосты весьма остроумнымъ способомъ. Онъ пригналъ ихъ всѣхъ къ тому мѣсту, гдѣ были свалены тюки и съ помощью своихъ товарищей сталъ привязывать къ ихъ хвостамъ концы веревокъ, которыми были перевязаны товары. Ослы нашли такого рода аргументъ весьма убѣдительнымъ и перестали кричать, потерявъ всякую охоту концертировать при новыхъ условіяхъ. Посмѣявшись отъ души надъ средствомъ, примѣненнымъ находчивымъ Виржилемъ, всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ отправились отдохнуть еще немного передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь. Въ четыре часа утра голосъ Мабруки возвѣстилъ нашимъ путешественникамъ, что пора двинуться дальше. Наши друзья, одинъ за другимъ, выходили изъ своихъ палатокъ и весело оглядывались по сторонамъ, какъ вдругъ голосъ Виржиля привлекъ всеобщее вниманіе:

— Ахъ, проклятыя собаки арабы! этакіе висѣльники! Ужъ поплатитесь-же вы у меня за это!—восклицалъ онъ.

— Что тамъ такое, Виржиль? Что случилось?—освѣдомился г. Моони, выбѣжавшій на его крикъ.

— Да то случилось сударь, что эти канальи, эти черныя собаки, убрались отсюда раньше насъ и увезли съ собою всѣ наши запасы, всѣ ящики и тюки съ провизіей!

— Неужели? что-же мы будемъ дѣлать?

— Да вотъ, смотрите, эти черти все увезли, вѣдь ничего не оставили... И мясо, и всѣ консервы, и сухари, и печенья.. не исключая даже бурдюковъ съ водой, которая была имъ вовсе не нужна, потому что здѣсь больше воды, чѣмъ имъ

нужно. Нѣтъ, эти черти забрали нашу воду просто для того, чтобы досадить намъ; этакіе негодяи!

— Надо отправиться за ними въ погоню,—сказалъ Норберъ, — они, вѣроятно, не могли еще далеко уйти за это время!

— Какъ вы думаете, Мабруки?—обратился къ проводнику г. Керсэнь—что вы на это скажете?

— Я полагаю, что это будетъ безполезно,—сказалъ старикъ, — даже если мы ихъ нагонимъ, что, вѣроятно, вовсе не трудно, они уже во всякомъ случаѣ успѣютъ къ тому времени припрятать всю нашу провизію въ песокъ и, какъ только завидятъ насъ, тотчасъ-же бросятся всѣ въ разсыпную!

— Но, что-же намъ дѣлать въ такомъ случаѣ? — Вѣдь не умирать же намъ съ голода по ихъ милости!

— Горю помочь можно...—сказалъ Мабруки.

— Какъ?

— Можно отправиться въ зауіа Даисъ и купить тамъ съѣстныхъ припасовъ.

— А далеко это?

— Приблизительно около трехъ миль къ востоку отсюда,—сказалъ Мабруки, — но дорога слишкомъ плоха для лошадей.

— Если такъ, то какъ-же намъ быть?

— Я могу отправиться туда съ двумя верблюдами и ихъ вожаками и нагнать васъ на слѣдующей остановкѣ, если хотите. Сбиться съ дороги вы здѣсь не можете, вамъ слѣдуетъ идти все время прямо на югъ. Любой изъ этихъ арабовъ можетъ вамъ указать дорогу!

Предложеніе это было принято и тотчасъ-же приведено въ исполненіе. Мабруки отправился съ двумя арабами и двумя верблюдами, тогда какъ остальные принялись убирать палатки.

Въ этотъ моментъ появилось какое-то странное существо, въ которомъ очень трудно было узнать всегда столь безупречно корректнаго Тирреля Смиса. Тѣмъ не менѣе это

былъ онъ, мокрый, облѣпленный грязью съ головы до ногъ, въ самомъ жалкомъ видѣ.

Общій взрывъ хохота привѣтствовалъ его появленіе.

— Я положительно не понимаю, что со мной случилось. Надо полагать, что былъ настоящій проливень для того, чтобы я могъ пробудиться въ такомъ видѣ.

— Хмъ, это не шутка! — пробормоталъ Виржиль, какъ будто озаренный какою-то новой мыслью.

Не сказавъ никому ни слова, онъ побѣжалъ въ ту палатку, гдѣ образцовый камердинеръ и мажордомъ провелъ ночь и нашелъ ее буквально затопленную. Вся палатка представляла собою сплошную лужу въ которой плавали пустые бурдюки.

— Вѣдь, это еще новая штука этихъ каналій Берберовъ! — сказалъ Виржиль.— Вѣдь это они васъ отблагодарили за избіеніе ихъословъ, вы думали, что они простятъ вамъ это! Нѣтъ, не такой это народъ!..

— Надо еще благодарить за то, что они бурдюки намъ оставили! — весело воскликнулъ докторъ Бріэ, человѣкъ очень оптимистическаго темперамента.— По крайней мѣрѣ мы можемъ наполнить ихъ водою изъ этой лужи.

— Изъ этой лужи! — воскликнулъ Виржиль,— отплесками этихъ грязныхъ арабчатъ?

— Какъ такъ?

— Они всѣ такъ прекрасно выкупались въ этой лужѣ, что теперь въ ней не осталось ни одной капли чистой воды. Это не болѣе, какъ помои!

Всѣ съ прискорбіемъ согласились съ тѣмъ, что Виржиль правъ, но гнѣвъ Тирреля Смиса положительно не зналъ границъ.

— Нѣтъ воды! ни одной капли воды!! — отчаянно восклицалъ Тиррель задыхающимся голосомъ.

— Да, ни капли!..

— Но тогда, какъ же я приготовлю tub... tub — для сера Буцефала?! — восклицалъ Тиррель Смисъ, весь красный отъ злобы и негодованія.

— Приготовить, что, для сера Буцефала?

— Тиb... ванну... вотъ что!

— Ну, вотъ!—весело воскликнулъ Виржиль, разсмѣявшись,—это послѣдняя изъ всѣхъ нашихъ заботъ; клянусь вамъ, что серъ Буцефалъ, вашъ господинъ, отъ этого навѣрное не умретъ!

Но это увѣреніе нисколько не успокоило негодованія почтеннаго Тирреля Смиса.

Двинулись въ путь; но настроеніе путешественниковъ было не столь веселое, надо сознаться, что всякій изъ нихъ былъ бы доволенъ закусить чѣмъ нибудь передъ дорогой. Въ послѣдній моментъ отъѣзда, всѣ видѣли, что Виржиль усердно занялся собираніемъ остатковъ топлива, сухой травы и сухихъ прутиковъ, и связывалъ ихъ въ большую вязанку.

— Развѣ вы боитесь замерзнуть въ пути, или собираетесь развести костеръ на лукѣ вашего сѣдла?—спросилъ Тиррель, злобствовавшій на него за его насмѣшки.

— Вотъ именно, вы совершенно вѣрно угадали! — отозвался Виржиль, не мало не смущаясь.

Усердный парень до тѣхъ поръ не тронулся съ мѣста, пока не нагрузилъ своего верблюда двумя большими вязанками топлива и четырьмя пустыми бурдюками.

Солнце еще не показывалось на горизонтѣ; воздухъ былъ чистъ и прохладенъ: въ пути наши друзья совершенно забыли о томъ, что они остались безъ ранняго завтрака, и что второй завтракъ, ожидавшійся въ будущемъ, тоже былъ весьма гадательнымъ.

Докторъ Бріэ, котораго по прежнему ужасно интересовало, что именно привело Норбера Моони и его надзирателей въ Суданъ, не могъ удержать отъ попытки еще разъ вывѣдать кое-что объ этомъ. Но молодой ученый умѣлъ очень удачно избѣгать и обходить всѣ такого рода вопросы, а баронетъ едва отвѣчалъ односложными словами, изъ которыхъ трудно было вывести какое-бы то ни было заключеніе.

Послѣ трехчасоваго пути путники наши прибыли къ небольшой купѣ деревьевъ тощаго вида жидкихъ и рѣд-

кихъ, на значительномъ разстоянiи другъ отъ друга на площади поросшей тощимъ мхомъ и мѣстами зеленой травкой блѣдной и безсильной.

Это мѣсто было назначено Мабруки для остановки. Солнце успѣло уже высоко подняться, жара становилась томительной и всѣ ощущали сильный голодъ.

— У насъ у всѣхъ есть ружья;—я положительно не вижу, почему намъ ждать завтрака!—сказалъ Виржиль.

И прежде чѣмъ кто либо успѣлъ спросить его, что онъ хочетъ этимъ сказать, онъ вскинулъ ружье и двумя непосредственно слѣдующими одинъ за другимъ выстрѣлами убилъ на поваль двухъ птицъ изъ породы фазановъ. Зоркiй глазъ охотника замѣтилъ ихъ прiютившимися на вершинѣ одной изъ пальмъ. Этого было достаточно для того, чтобы взволновать все пернатое населенiе этого маленькаго оазиса, которое съ неистовымъ крикомъ взвилось въ воздухѣ и вслѣдъ за тѣмъ опустилось на прежнее мѣсто. Тогда баронетъ Норберъ, видя, что догадливый Виржиль уже развелъ огонь и проворно принялся ощипывать своихъ фазановъ послѣдовалъ его примѣру, и вскорѣ съ полдюжины птицъ были ощипаны. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для жаркого. Но кусочекъ хлѣба не испортилъ-бы обѣда, какъ весьма основательно замѣтила Гертруда.

— Хлѣба?..—воскликнулъ Виржиль—нѣтъ ничего легче, какъ добыть хлѣба! это дѣло четверти часа!.. Ей, прiятель,—крикнулъ онъ обращаясь къ Тиррелю Смису, который, разинувъ ротъ и развѣсивъ руки, смотрѣлъ на его работу,—подите-ка сюда, милѣйшiй другъ!..

И онъ увлекъ мажордома въ маленькiй овражекъ, прорытый, повидимому, дождевой водой, гдѣ росъ высокiй тростникъ, метра въ два или три вышиною.

— Ну, что вы сдѣлаете съ этимъ, скажите мнѣ пожалуйста?—спросилъ онъ, не безъ лукавства посматривая на англичанина.

— Изъ этихъ тростниковъ?.. Право, я не знаю, что съ этимъ дѣлать...

— Это совсѣмъ не тростники: въ Алжирѣ это называется сорго, а здѣсь арабы называютъ это дурррa... правда, это не самый первый сортъ, но все же, если нѣтъ другого выбора, то можно удовольствоваться и имъ!.. Прежде всего, намъ придется приступить къ жатвѣ, а затѣмъ превратимся въ хлѣбопековъ!

И доставъ изъ кармана ножъ, Виржиль принялся проворно срѣзать сорго, связывать въ снопы и, взваливъ ихъ на спину, вернулся въ лагерь. Зерна сорго были совершенно зрѣлы, такъ что ихъ безъ труда можно было давить между двумя камнями.

— Прекрасно, но для того, чтобы изготовить хлѣбъ, необходимо имѣть воду!—замѣтилъ докторъ.

— И я такъ думаю!—весело отозвался Виржиль.

Онъ пошарилъ въ карманахъ и досталъ оттуда свинцовую пулю, которую опустилъ въ дуло своего ружья. Тщательно зарядивъ, онъ оглядѣлся кругомъ и, повидимому, съ особымъ вниманіемъ вглядывался въ громадное фиговое дерево странной формы и вида, оголенное отъ вѣтвей и листвы. Затѣмъ, вскинувъ къ плечу ружье, Виржаль спустилъ курокъ, цѣлясь въ самую середину ствола.

— Вотъ прекрасно!—воскликнулъ Тиррель Смисъ,—теперь онъ уже начинаетъ стрѣлять въ деревья!..

Дѣйствительно раздался выстрѣлъ; пуля пробила стволъ финиковой пальмы—и въ тотъ же моментъ изъ отверстія, пробитаго пулей, полилась струя чистой свѣжей воды.

Фатима широко раскрыла глаза отъ удивленія и готова была прянять добродушнаго Виржиля за колдуна и волшебника. Что-же касается его самаго, то онъ успѣлъ уже ухватить въ это время одинъ изъ пустыхъ бурдюковъ, захваченныхъ имъ съ прежней стоянки, и наполнялъ его теперь водою у своего импровизированнаго источника.

— Смотрите, что значитъ практическій умъ! — восхищенно воскликнулъ докторъ Бріэ.—Я, конечно, зналъ, что жители Судана имѣютъ привычку выдалбливать стволы старыхъ деревьевъ, чтобы превращать ихъ въ водовмѣстилища,

тщательно задѣлавъ ихъ потомъ. Но мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что такого рода цистерной можетъ быть и эта фиговая пальма, не говоря уже о томъ, что я на вѣрное не догадался бы откупорить эту цистерну такъ просто и такъ ловко.

— О, пріемъ этотъ выдумалъ не я!—скромно отозвался Виржиль.—Я заимствовалъ его отъ Туареговъ. Они всегда имѣютъ привычку откупоривать эти водовмѣстилища выстрѣломъ изъ ружья, а такъ какъ этотъ старый стволъ мнѣ показался весьма похожимъ на такія водохранилища, то я и захотѣлъ убѣдиться въ этомъ... Однако, мой бурдюкъ уже почти полонъ... г. Смисъ, потрудитесь подержать его одну минуту, пока я сбѣгаю за остальными тремя, оставшимися на спинѣ моего верблюда.

Между тѣмъ докторъ, вернувшись въ палатку, въ которой укрывались отъ палящихъ лучей солнца остальные путешественники, разсказалъ имъ о новомъ подвигѣ Виржиля, Всѣ пожелали тотчасъ же пойти посмотрѣть диковинное дерево и испить нѣсколько глотковъ свѣжей холодной воды.

Придя къ достопримѣчательной фиговой пальмѣ, всѣ увидѣли подлѣ нея Виржиля въ крайне возбужденномъ состояніи.

— Что случилось? спросили его сразу нѣсколько голосовъ.

— Случилось то, что нѣтъ больше воды!—воскликнулъ онъ, и я не знаю, что сталось съ англичаниномъ, которому я поручилъ почти полный уже бурдюкъ... Смисъ!.. Смисъ!..— Кричалъ онъ, что было мочи.

— Что случилось?—отозвался издали голосъ англичанина изъ одной изъ палатокъ.

— Я спрашиваю гдѣ вы, а главное гдѣ моя вода?

— Вода! да здѣсь, конечно! гдѣ-же ей быть?—отозвался Тиррель Смисъ, и его флегматическая, исполненная величаваго сознанія собственнаго достоинства физіономія показалась у входа палатки. Виржиль тотчасъ-же побѣжалъ туда, а за нимъ послѣдовали и остальные.

Неожиданное зрѣлище представилось глазамъ удивленныхъ зрителей.

Примѣрный слуга, доставъ изъ одного изъ многочисленныхъ чемодановъ, составлявшихъ багажъ его господина, великолѣпную каучуковую ванну, расправилъ ее, какъ слѣдуетъ, и наполнилъ водою, находившейся въ бурдюкѣ, выливъ все, до послѣдней капли, не воспользовавшись лично ни однимъ глоткомъ для того, чтобы утолить томившую его жажду. Затѣмъ, выливъ въ нее банку туалетнаго уксуса и бросивъ громадную греческую губку, онъ съ довольнымъ видомъ стоялъ теперь, держа на рукѣ бѣло снѣжный купальный халатъ и, почтительно склонившись передъ Серомъ Буцефаломъ, произнесъ обычнымъ торжественнымъ тономъ.

— Ванна готова, Серъ!

Пришлось употребить насиліе, чтобы удержать Виржиля, наскочившаго уже на корректнаго и самодовольнаго Тирреля и готоваго задушить его.

— Идіотъ!—воскликнулъ въ то же время баронетъ,—вотъ уже который разъ ты мнѣ устраиваешь подобныя штуки!— Мадмуазель, господа, я право не знаю, чѣмъ оправдать себя въ вашихъ глазахъ, но прошу васъ повѣрить мнѣ, что положительно непричастенъ въ невѣроятной глупости моего слуги!... Я не знаю, что удерживаетъ меня въ данный моментъ швырнуть его самаго въ эту ванну головой внизъ и держать подъ водою до тѣхъ поръ, пока онъ не захлебнется!

Тиррель Симсъ болѣе удивленный, чѣмъ огорченный всѣмъ происшедшимъ, казалось, ничего не понималъ въ этой странной сценѣ. Бѣдный англичанинъ не зналъ, въ чемъ, собственно, его могутъ упрекать. То, что онъ сдѣлалъ, было вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей. Развѣ не лежитъ на обязанности каждаго хорошаго камердинера приготовить по утру ванну для своего господина? Очевидно, Виржиль, предоставь ему дѣйствовать по его усмотрѣнію, заставилъ бы Тирреля Симса окончательно измѣнить свое мнѣніе на

этотъ счетъ, но по счастію для ушей Тирреля Симса и для всѣхъ остальныхъ присутствующихъ въ этотъ моментъ пришли сообщить, что Мабруки-Спикъ вернулся.

Его задержали въ пути прежде всего ужасная дорога, а затѣмъ медленность и неповоротливость жителей Зауіа. Но, тѣмъ не менѣе, онъ привезъ съ собой большіе запасы всякой провизіи, свѣжей воды, хлѣба, словомъ, всего, что только требовалось нашимъ путешественникамъ... Теперь оставалось только посмѣяться несчастію бѣднаго Виржиля и злополучной заботливости о своемъ господинѣ Тирреля Симса. Виржиль теперь первый же самъ смѣялся надъ этимъ, въ сущности весьма забавнымъ, происшествіемъ, но внутренно давалъ себѣ слово отнынѣ смотрѣть въ оба за своимъ пріятелемъ англичаниномъ, зная по опыту, что ему вполнѣ довѣрять нельзя.

Дальнѣйшее путешествіе обошлось безъ всякихъ приключеній. Съ закатомъ солнца маленькій караванъ снова двинулся въ путь, а около полуночи сдѣлалъ опять привалъ. На этотъ разъ ночь прошла благополучно, а въ четыре часа утра всѣ поднялись и снова отправились дальше для того, чтобы по возможности раньше достигнуть цѣли своего путешествія, т. е. прибыть въ резиденцію Могаддема.

IV. Могаддемъ и его карликъ.

Было около семи часовъ утра и солнце начинало уже палить нещадно, когда Мабруки-Спикъ, указавъ рукою на край горизонта, гдѣ на вершинѣ небольшого холма виднѣлось бѣлое пятно, сказалъ:

— Вотъ Радамехъ!...

Всѣ разомъ вынули изъ футляровъ свои зрительныя трубы и бинокли: съ ихъ помощью можно было различить мечеть, минаретъ и длинные ряды стѣнъ ослѣпительной бѣлизны, мелькавшихъ въ яркой зелени садовъ.

— Черезъ сорокъ минутъ, мы будемъ тамъ!—сказалъ проводникъ.

— И слава Богу! давно пора!... сказала Гертруда Керсэнъ, поднося руку къ своему маленькому полотняному шлему.—Этотъ воинственный головной уборъ положительно давитъ меня, но снять его подъ этими палящими лучами солнца я все-таки боюсь!

— Ради Бога, не дѣлайте этого!—заботливо воскликнулъ Норберъ,—вы можете получить такимъ образомъ солнечный ударъ!

— Вы, конечно, предпочли-бы чтобы этотъ ударъ обрушился на чью нибудь другую голову, лишь бы только не на ея головку, ну, хоть на мою, напримѣръ!—смѣясь замѣтилъ докторъ Бріэ, утиравшій потъ обѣими руками.—Удивительно! какъ, не предусмотрительны эти молодые господа астрономы, подумайте только, что стало бы съ экспедиціей, если-бы она лишилась своего главнаго врача... Вѣдь это просто жалость подумать! а вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько я ни снимаю своей полотняной каски, сколько ни подвергаю себя опасности, вы даже и не замѣчаете, не только что не останавливаете меня!

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса маленькій караванъ прибылъ къ подножію холма, на вершинѣ котораго раскинулся Радамехъ; и кони, и верблюды бодро поднялись по крутой каменистой дорогѣ, и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ остановились на площади или вѣрнѣе пустырѣ, ограниченномъ съ восточной стороны стѣнами зауіа. Такъ называютъ на востокѣ, въ магометанскихъ странахъ, монастыри и мѣстечки, служащія резиденціями должностного лица духовнаго званія.

Здѣсь путешественники сошли съ коней. Тотчасъ же ихъ окружила громадная толпа пилигримовъ, увеличивавшаяся съ каждой минутой; толпа самая разнородная, самая пестрая, какую только можно себѣ представить. Тутъ были лица всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ, пришедшіе за совѣтомъ и наставленіемъ къ прославленному Могаддему. Были здѣсь и

негры изъ Дарфура, и изъ Кордофана, и арабы въ длинныхъ бурнусахъ, и турки въ сборчатыхъ шальварахъ, были даже и евреи купцы, разложившіе свои скудные товары тутъ же между лошадьми, верблюдами и ослами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ удивительно походили на тѣхъ, которыхъ въ предпослѣднюю ночь такъ быстро излѣчилъ Виржиль отъ музыкальной маніи, но какъ удостовѣриться въ томъ, что это именно они самые и есть? Какъ узнать въ этой громадной толпѣ, пестрѣвшей всевозможными красками, мужчинъ, женщинъ и дѣтей того берберійскаго племени, которое повстрѣчались нашимъ путешественникамъ въ первую ночь ихъ пути. Впрочемъ, никто теперь объ этомъ и не думалъ: всѣ заботились лишь о томъ, какъ бы скорѣе устроить свои дѣла и увидѣть Могаддема.

Этотъ великій человѣкъ принималъ поклоненіе вѣрныхъ въ громадной залѣ, полъ который былъ вымощенъ крупными плитами, а широкая двухстворчатая дверь выходила прямо на площадь. Входъ въ это святилище былъ доступенъ для каждаго и наши путешественники вошли туда вмѣстѣ съ другими.

Когда европейцы очутились въ высокомъ сводчатомъ залѣ, напоминавшемъ христіанскій соборъ съ высокими окнами изъ цвѣтныхъ стеколъ, ихъ охватило состояніе какого-то физическаго довольства и истомы. Прохладное и тѣнистое убѣжище это казалось особенно заманчивымъ послѣ томительнаго зноя и палящаго солнца, тамъ, на припекѣ, въ горячій ослѣпительно-яркій полдень. Когда глаза вошедшихъ успѣли привыкнуть къ пріятному полумраку, царившему въ этомъ помѣщеніи, они увидѣли въ другомъ концѣ залы того, кого желали видѣть и ради кого совершили это путешествіе.

Святой отецъ сидѣлъ на полу по арабски на дорогомъ рѣдкаго рисунка квадратномъ коврѣ, единственномъ видимомъ украшеніи голыхъ холодныхъ плитъ каменнаго пола и стѣнъ. Облеченный въ просторную бумажной ткани рубашку съ широкими рукавами, съ узкимъ высокимъ бѣлымъ

тюрбаномъ на головѣ, Магаддемъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя, съ опущенными даже глазами, какъ бы погруженный въ глубокую задумчивость. Онъ былъ необычайно худъ. На видъ этому святому нельзя было дать болѣе сорока лѣтъ, хотя въ черной, какъ уголь, густой бородѣ его виднѣлось множество серебряныхъ нитей.

Своими тонкими, худыми пальцами, изсохшими, какъ пальцы муміи, онъ перебиралъ тяжелыя янтарныя четки. Если-бы не это, едва замѣтное, движеніе пальцевъ, его можно было-бы принять за безжизненное подобіе человѣка, потому что изъ полуоткрытыхъ устъ его не вылетало ни малѣйшаго дыханія и даже длинныя, густыя рѣсницы его опущенныхъ вѣкъ не вздрагивали.

Вокругъ ковра тѣснились правовѣрные, слѣдившіе жаднымъ, напряженнымъ взглядомъ за ходомъ отдѣльныхъ зеренъ въ четкахъ Могаддема. Время отъ времени, кучка музыкантовъ, сидѣвшихъ чинно врядъ вдоль лѣвой стѣны, принималась мѣрно ударять ладонями по своимъ тамъ-тамамъ (бубны). Нѣчто похожее на стонъ или протяжный вопль раздавалось тогда подъ сводами залы, и священный трепетъ пробѣгалъ по сердцамъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣ они, казалось, ожидали чего особеннаго, необычайнаго, и часто это ожиданіе и не обманывало ихъ. Сухая палка, сукъ, случайно брошенный передъ Могаддемомъ на коврѣ, вдругъ начиналъ шевелиться, поднималъ голову и, съ шипѣньемъ извиваясь, подползалъ къ самымъ ногамъ святаго старца. То была большая змѣя!.. Правовѣрные готовы уже были броситься на змѣю, спасать своего пророка отъ ядовитой гадины... но злобно шипѣвшая змѣя вытягивала голову, покорно вытягивалась у ногъ старца и снова превращалась въ простую суковатую палку!

Въ крошечное отверстіе въ самомъ верху свода влетали бѣлые голуби и садились вокругъ Могаддема, а затѣмъ, по одному его знаку, чуть слышному вздоху, взлетали на высоту трехъ метровъ отъ земли и оставались неподвижно висѣть въ воздухѣ, какъ будто они были спущены

сверху на веревочкахъ... спустя немного, по новому знаку, такому-же едва внятному вздоху, всѣ они разомъ улетали.

Правовѣрные, объятые благоговѣйнымъ трепетомъ, не могли придти въ себя отъ удивленія при видѣ такихъ чудесъ. При каждомъ новомъ чудѣ, они спѣшили принести этому святому, этому чудотворцу, въ даръ то, что имѣло самаго цѣннаго и рѣдкаго: кинжалъ съ серебряною рукояткой, и шелковый кошелекъ, кокосовый орѣхъ, украшенный искусною рѣзьбой, — все это они бросали къ ногамъ пророка съ сердечнымъ трепетомъ, растроганные до глубины души.

Но самъ онъ оставался безучастнымъ ко всему, находясь все въ томъ-же состояніи экстаза. Чтобы привлечь его вниманіе, требовались подношенія высокой цѣнности: кусокъ дорогой шелковой ткани, слоновая кость, ложка золотаго песку... словомъ, что-нибудь подобное, выходящее изъ ряда обычныхъ приношеній. Тогда онъ издавалъ глубокій вздохъ, медленно подымалъ свои отяжелѣвшія вѣки и бормоталъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ, предлагаемый ему просителемъ.

Первое мѣсто по правую его руку занимало страннаго вида существо вродѣ кривляющагося безобразнаго гнома, привлекавшее на себя прежде всего вниманіе посѣтителей, и въ такой степени, что они часто забывали на время даже самаго Могаддема.

Ростомъ онъ былъ не выше четырехлѣтняго ребенка, но плечи были необычайно широки, слишкомъ широкія даже для взрослаго человѣка. Въ буквальномъ смыслѣ словъ, онъ имѣлъ столько-же въ вышину, какъ и въ ширину. Сильно мускулистыя руки, свидѣтельствовавшія о присутствіи въ этомъ крошечномъ человѣчкѣ необычайной силы, почти касались земли, прикасаясь къ громаднымъ ступнямъ его ногъ. Если прибавить еще ко всему этому угольно-черный цвѣтъ кожи, ротъ до ушей, широкій, сильно вздернутый кверху носъ и узкіе, въ видѣ щелокъ глаза, скрытые громадными очками, то получится довольно полный портретъ

этого урода. Нарядъ его состоялъ изъ индѣйской шелковой блузы, ярко краснаго цвѣта, ниспадавшей на бѣлыя шальвары и обмотанной вокругъ пояса широкимъ синимъ шарфомъ; желтые сафьяновые сапоги и громадный бѣлый тюрбанъ, изъ подъ котораго почти непосредственно выбивалась его густая борода, такъ мало было разстояніе между лбомъ и ртомъ этого человѣка, дополняло его одѣяніе.

Казалось, этотъ карликъ нѣмъ. Стоя на краю ковра, въ двухъ — трехъ аршинахъ разстоянія отъ Магоддема, онъ неотступно смотрѣлъ на послѣдняго и, казалось, вовсе не замѣчалъ многолюдной толпы, собравшейся вокругъ. Время отъ времени Магоддемъ и карликъ обмѣнивались какими-то таинственными знаками, замѣнявшими имъ слова, и этотъ таинственный способъ переговоровъ повергалъ правовѣрныхъ въ ужасный страхъ. Присматриваясь внимательно къ этимъ знакамъ, докторъ Бріэ шепнулъ Норберу, что ему кажется, будто онъ узнаетъ въ нихъ азбуку глухонѣмыхъ.

Въ тотъ моментъ, когда наши путешественники приблизились къ Могаддему, обычная неподвижность карлика на мгновеніе измѣнила ему. Нѣчто похожее на жестъ, выражавшій удивленіе и восторгъ, невольно вырвался у него — глаза его метнули молнію, но почти тотчасъ-же вся его физіономія и фигура снова приняли свое обычное пассивное выраженіе, — и онъ принялся снова смотрѣть на Могаддема, по прежнему погруженнаго въ экстазъ.

Между тѣмъ проводникъ Мабруки только что положилъ на коверъ передъ Магоддемомъ дары европейцевъ, безъ чего было-бы совершенно неприлично явиться передъ магометанскимъ пророкомъ. И вотъ, мрачное и суровое лицо Магоддема освѣтилось на мигъ лучемъ земной радости при видѣ положенныхъ къ его стопамъ золотаго хронометра, зрительной трубы, прекраснаго двухствольнаго ружья и куска дорогого Крэнъ-де-шина. Подъ набожно-опущенными вѣками старика глаза его сверкнули живымъ огнемъ; съ глубокимъ вздохомъ, вырвавшимся у него изъ груди, онъ на мгновеніе вышелъ изъ своего безмолвнаго созерцатель-

наго состоянія и удостоилъ своихъ новыхъ почитателей кроткимъ благодушнымъ взглядомъ.

Тогда Норберъ выступилъ впередъ и черезъ посредство Виржиля, который переводилъ на арабскій языкъ каждое его слово, изложилъ ему свою просьбу по всѣмъ правиламъ.

Могаддемъ снова погрузился въ полнѣйшее состояніе недвижимости. Закрывъ глаза и скрестивъ руки надъ четками, казалось, онъ застылъ въ этой позѣ и только спустя нѣсколько времени какъ-бы пробудился для того, чтобы взглядомъ спросить совѣсти своего уродливаго карлика. Этотъ послѣдній быстро сдѣлалъ ему нѣсколько таинственныхъ знаковъ, затѣмъ распростерся на полу и трижды ударился лбомъ въ землю.

Послѣ вторичнаго довольно продолжительнаго молчанія и полной неподвижности Могаддемъ сильно и рѣзко возвысилъ голосъ и затѣмъ пробормоталъ слѣдующія слова, которыя Виржилъ сейчасъ-же поспѣшилъ истолковать. Святой старецъ выразилъ свое полное согласіе и готовность—предоставить въ распоряженіе путешественниковъ своихъ вѣрныхъ сыновъ, храбрыхъ и смѣлыхъ дѣтей племени Шерофа и ихъ верблюдовъ и все остальное, потребное для путниковъ, но прежде всего слѣдовало допросить оракула...

— Какого оракула?—освѣдомился Норберъ.

— Оракула, святого Шейха Сиди-Магометъ-Жераибъ!—таинственно пояснилъ Мабруки, между тѣмъ какъ Могаддемъ, снова погрузившійся въ свою глубокую думу, не подавалъ теперь ни малѣйшихъ признаковъ жизни.

— А гдѣ онъ торчитъ этотъ новый святой?—досадливо спросилъ Норберъ, негодуя на новую задержку.

— Въ своей могилѣ, на разстояніи какихъ нибудь пяти сотъ шаговъ отсюда!—кротко отвѣтилъ старый проводникъ. Долголѣтняя привычка къ европейцамъ пріучила его не удивляться смѣлости ихъ рѣчей.—Только вѣдь это будетъ опять-таки порядочно стоить вамъ...

— Ну, это еще не бѣда! разъ это нужно, то объ этомъ не стоитъ и разговаривать!..

— И затѣмъ, это можетъ быть очень забавно и интересно!—замѣтила Гертруда, которой прежде всего хотѣлось какъ можно больше новыхъ чудесъ и новыхъ впечатлѣній.

Не обращая больше вниманія на Могаддема и его карлика, полнѣйшая неподвижность и безмолвіе которыхъ ясно говорили, что аудіенція окончена, и что наши путешественники ничего болѣе не дождутся отъ нихъ, послѣдніе незамѣтно вышли изъ пріемной залы Могаддема, чтобы направиться къ могилѣ Шейха. Эта могила виднѣлась въ трехъ или четырехъ стахъ метрахъ разстоянія, за оградою Зауіа, на совершенно открытомъ мѣстѣ.

Конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы садиться на коней ради такого незначительнаго пути, а потому все маленькое общество двинулось пѣшкомъ по направленію къ этой священной могилѣ.

Не успѣли они отойти и двадцати шаговъ, какъ Гертруда Керсэнь случайно споткнулась о какой-то камень. Въ тотъ-же моментъ и баронетъ, и Норберъ одновременно подбѣжали къ ней, предлагая ей руку.

Не желая отказать ни тому, ни другому, она приняла руку обоихъ. Но такого рода оборотъ дѣла, повидимому, былъ не по душѣ какъ Норберу, такъ и баронету, потому что оба они приняли недовольный, сердитый видъ. Это какъ нельзя болѣе развеселило и разсмѣшило Гертруду Керсэнь.

— Противное чудовище!—смѣясь воскликнула она,—замѣтили вы, господа, какъ онъ похожъ на обезьяну? Я желала-бы знать, чѣмъ объясняется то странное вліяніе, какое онъ, повидимому, имѣетъ на Могадема... не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ святой мужъ не дѣлаетъ ничего безъ его совѣта!

— Они, вѣроятно, совершили вмѣстѣ какое нибудь скверное дѣло!—трагическимъ тономъ сказалъ Норберъ.

— Почему, именно такое предположеніе?—возразилъ баронетъ.—Недостаточно-ли общности вѣры для того, чтобы связать людей самыми тѣсными узами?

— Вѣры въ могущество денегъ, не такъ-ли?—иронически подхватилъ Норберъ Моони, отъ наблюдательности котораго не ускользнулъ довольный, радостный взглядъ мгновенно разгорѣвшихся чувствомъ алчности глазъ Могаддема, устремленныхъ на его богатыя подношенія.

— Такая вѣра вполнѣ совмѣстима и съ болѣе благородными побужденіями! — замѣтилъ серъ Буцефалъ. — Что въ самомъ дѣлѣ можно сдѣлать безъ денегъ? деньги вездѣ и во всемъ нужны!

— Я-же склоненъ думать, что этотъ омерзительный карликъ просто престидижитаторъ при Магоддемѣ!—сказалъ докторъ, прислушивавшійся вмѣстѣ съ г. Керсэнь къ разговору молодыхъ людей.

— Замѣтили вы его индѣйскій нарядъ? Я не разъ видѣлъ этотъ самый костюмъ на мѣстныхъ фокусникахъ и жонглерахъ, продѣлывавшихъ всѣ тѣ-же фокусы, или чудеса, и со змѣей, и съ голубями, и еще много другихъ, гораздо болѣе удивительныхъ!

— Да и эти достаточно удивительны!—воскликнула Гертруда.—Я желала-бы знать, какъ это можно заставить голубей вдругъ разомъ замереть въ воздухѣ, заставить ихъ оставаться въ теченіи довольно продолжительнаго времени совершенно неподвижными?

— Вѣроятнѣе всего, что они чуть замѣтно трепещутъ крыльями и только кажутся неподвижными, и что кромѣ того находятся подъ вліяніемъ гипноза. Но въ Индіи я видѣлъ нѣчто несравненно болѣе замѣчательное, а именно: я видѣлъ семилѣтняго ребенка, парившаго въ воздухѣ совершенно такъ-же, какъ эти голуби.

— И вы видѣли это своими глазами?

— Да, своими глазами! Мало того, это дѣлалось подъ открытымъ небомъ—на площади, слѣдовательно безъ всякой возможности плутовства въ родѣ спускныхъ проволокъ и бичевокъ—или какихъ-либо незамѣтныхъ подставокъ. Этотъ феноменъ положительно невозможно ничѣмъ объяснить, никакими данными современной европейской науки... И это не

единственный подобнаго рода фокусъ, какой мнѣ случалось видѣть... Такъ, напримѣръ, въ другой разъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого поразительнаго явленія. Одинъ бенгальскій фокусникъ или колдунъ, словомъ магъ, въ моемъ присутствіи и въ присутствіи еще нѣсколькихъ другихъ лицъ, поцарапавъ почву старинной сухой аллеи затвердѣвшей и плотно укатанной и утоптанной, посѣялъ сѣмя камеліи, которое тутъ-же, на нашихъ глазахъ, пустило корни, дало ростокъ, который выросъ до размѣровъ кустика, и, наконецъ, кустикъ этотъ зацвѣлъ, такъ что весь покрылся цвѣтами! Все это произошло менѣе, чѣмъ въ четверть часа времени...

— Нѣтъ! это что-то не слыханное! что-то не постижимое

— Все же, это чудо можетъ быть объяснено простой иллюзіей, результатомъ необычайной, поразительной ловкости и проворства рукъ чудодѣя! Но есть вещи изъ числа продѣлываемыхъ индѣйскими фокусниками и факирами, которыя положительно ничѣмъ не объяснимы, и я едва могу рѣшиться разсказать вамъ о нихъ, потому что всякому, кто не видалъ этого собственными глазами, они должны казаться положительно невѣроятными. Люди эти обладаютъ множествомъ различныхъ тайнъ, переходящихъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, и которыя объясняются такого рода физіологическими феноменами, къ которымъ современная наша физіологія едва осмѣливается приступать.

Разговаривая такимъ образомъ, маленькое общество незамѣтно пришло къ могилѣ Шейха. То было небольшое сооруженіе кубической формы, высѣченное изъ цѣльнаго громаднаго камня, имѣвшее до пяти метровъ въ длину и около четырехъ въ ширину и украшенное небольшимъ куполомъ, надъ которымъ три развѣсистыхъ пальмы простирали свои тѣнистыя кроны.

У входной двери два дервиша съ пергаментными лицами и на голо обритыми головами ожидали посѣтителей. Завидя пришедшихъ, они приблизились къ нимъ съ низкими поклонами и, узнавъ черезъ Виржиля, что посѣтители

желаютъ вопрошать оракулъ, начали съ того, что потребовали съ нихъ предварительную контрибуцію въ размѣрѣ пяти піастровъ съ человѣка. Получивъ требуемую сумму и поспѣшно прикарманивъ ее, они объявили путешественникамъ, что тѣмъ необходимо разуться для того, чтобы войти въ самое святилище. Волей не волей, нашимъ путешественникамъ пришлось снять обувь и оставить ее за дверью.

Но вотъ представилось еще новое неожиданное затрудненіе: дервиши воспротивились пропустить Гертруду Керсэнъ и Фатиму въ ту залу, двери которой уже отворились передъ путешественниками. Чтобы удалить и это препятствіе, потребовалась еще одна золотая монета.

И вотъ, наконецъ торгъ оконченъ, и всякаго рода препятствія для входа въ усыпальницу Шейха устранены. То была зала съ совершенно голыми стѣнами и поломъ, за исключеніемъ одного истертаго стараго ковра, износившагося вслѣдствіи частыхъ колѣнопреклоненій вѣрныхъ на этомъ мѣстѣ. Въ правомъ углу виднѣлась чаша, или подобіе урны, изъ сѣраго мрамора, не имѣвшая, повидимому, никакого отверстія или углубленія. Указывая на нее, одинъ изъ дервишей объяснилъ путешественникамъ черезъ посредство Виржиля, что эта чаша принимаетъ вопросы, обращенные къ оракулу, и даетъ на нихъ отвѣты; прежде всего слѣдовало произнести священное заклинаніе.

— Ну, пусть себѣ, разъ это нужно!—сказалъ Норберъ, пожимая плечами.

Оба дервиша распростерлись на коврѣ и, воздѣвъ руки къ потолку, стали произносить вмѣстѣ какую-то арабскую молитву.

Виржиль медленно повторялъ ее за ними такъ, чтобы его господинъ въ свою очередь могъ повторять за нимъ. Норберъ хотя и произнесъ всю эту молитву отъ слова до слова, но сдѣлалъ это съ видимою досадой и нетерпѣніемъ.

— Ну, а теперь,—сказалъ одинъ изъ дервишей,—пусть господинъ чужеземецъ прямо обратится къ самому Сиди-Магомету-Жераибу...

— Чортъ побери! — воскликнулъ Норберъ въ полъ голоса,—этотъ оракулъ, кажется, долженъ былъ-бы говорить по-французски!

— Я говорю по-французски!..—отвѣтилъ тотчасъ-же какой-то замогильный голосъ, который, казалось, исходилъ изъ сѣрой мраморной урны.

Посѣтители, не ожидавшіе, конечно, ничего подобнаго, были до того поражены этимъ заявленіемъ въ первый моментъ, что оставались нѣкоторое время какъ-бы ошеломленными. Гертруда Керсэнъ даже вся поблѣднѣла, а Фатима, широко раскрывъ глаза отъ удивленія и ужаса, казалось, была готова лишиться чувствъ.

Но Норберъ, быстро овладѣвъ собою, послѣ того какъ на мгновеніе поддался всеобщему чувству удивленія и недоумѣнія, улыбаясь склонился слегка въ сторону вазы или чаши и произнесъ:

— Сиди-Магометъ-Жераибъ, — сказалъ онъ, — разъ, ты такъ хорошо владѣешь французскимъ языкомъ, мы поговоримъ съ тобою откровенно и по душѣ. Я нуждаюсь въ твоемъ всесильномъ содѣйствіи, чтобы получить отъ племени Шерофа, возлюбленнаго тобою, средства для перевозки, необходимые мнѣ. Согласенъ-ли ты доставить ихъ мнѣ?

При имени святаго, оба дервиша бросили въ свои маленькія кадильницы, привѣшенныя у нихъ на поясѣ уже зажжеными, по щепоткѣ мирры и принялись кадить. Вся зала наполнилась острымъ ароматомъ и маленькія голубоватыя струйки дыма стали медленно восходить отъ кадильницъ къ сводамъ.

— Прежде всего,—отвѣтилъ голосъ исходящій изъ мраморной чаши,—я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ, что привело тебя сюда, въ Суданъ, и какую цѣль ты преслѣдуешь въ своемъ предпріятіи?

Молодой астрономъ не могъ удержаться отъ невольнаго жеста удивленія. Что-же касается спутниковъ Норбера, то тѣ поспѣшили подойти ближе, въ высшей степени заинтересованные ходомъ и характеромъ этого разговора.

Послѣ минутнаго колебанія Норберъ Моони рѣшился продолжать свою рѣчь.

— Я пріѣхалъ сюда изучать чудеса небесныхъ явленій и съ этою цѣлью намѣревался устроить обсерваторію на возвышенности Тэбали!—отвѣтилъ онъ.

— Ты говоришь мнѣ не всю правду! — возразилъ оракулъ,—твоя цѣль гораздо отважнѣе и смѣлѣе!

На мгновеніе Норберъ смутился и молчалъ.

— Вѣдь я всезнающій,—продолжалъ оракулъ,—ничто не можетъ утаиться отъ меня. Я знаю все настоящее, все прошедшее и все будущее. Хочешь, я докажу тебѣ это, сказавъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда, и что ты хочешь дѣлать на горной возвышенности Тэбали?

— Охотно!—весело смѣясь, отвѣтилъ Норберъ.

— Не смѣйся... смѣяться здѣсь не къ чему... предпріятіе твое положительно безумно... Ты явился сюда, чтобы бороться съ природой, бороться противъ вѣчныхъ законовъ, правящихъ міромъ, противъ законовъ природы... Если ты намъ другъ, то намъ остается только сожалѣть тебя, потому что ты выйдешь побѣжденнымъ изъ этой борьбы... Если же ты намъ врагъ, то природа сама отомститъ тебѣ за насъ!...

Ничто не въ силахъ передать того удручающаго впечатлѣнія, какое произвело на слушателей, съ напряженнымъ вниманіемъ ловившихъ каждое слово оракула, это мрачное предсказаніе, произнесенное невидимымъ голосомъ. Даже и Норберъ пересталъ теперь смѣяться. Не смотря на всѣ доводы и усилія своего разсудка, ему трудно было побороть невольное чувство недоумѣнія, вызванное словами оракула. А между тѣмъ ему трудно было повѣрить, чтобы кто либо въ Радамехѣ могъ дѣйствительно владѣть его столь ревниво оберегаемой тайной.

— Неужели ты думаешь, что для меня можетъ остаться тайной что либо, касающееся возлюбленнаго Аллахомъ народа?—продолжалъ голосъ грознымъ, гнѣвнымъ тономъ.— Не успѣлъ еще планъ созрѣть въ твоей безумной головѣ, какъ онъ ужъ сталъ извѣстенъ мнѣ!... Ты хочешь остано-

вить теченіе луны, приблизить ее къ землѣ и сдѣлать ее доступной для алчности человѣческой!... Вотъ твой безумный замыселъ! Но я говорю тебѣ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, ты не осуществишь его!... Знай, что это тебѣ никогда не удастся!

Норберъ и серъ Буцефалъ удивленно переглянулись. Возможно-ли, чтобы ихъ тайна перестала быть тайной. Какъ могъ этотъ мнимый оракулъ знать все это? Оставалось только одно, возможное для нихъ, предположеніе, это то, что одинъ изъ ихъ комиссаровъ, оставшихся въ Суакимѣ, вѣроятно, проговорился и выдалъ ихъ тайну — и что эта тайна опередила ихъ караванъ и прибыла въ Радамехъ.

Предположить это было возможно, но удивительно было то, что здѣсь, въ гробницѣ Шейха, нашелся человѣкъ, способный уразумѣть тайну экспедиціи и точно и кратко формулировать въ немногихъ словахъ, сказанныхъ на французскомъ языкѣ, а не на какомъ нибудь мѣстномъ нарѣчіи.

Докторъ Бріэ не скрывалъ своего удовольствія, слушая эти разоблаченія тайны молодого астронома; его блестящіе глазки, разгорѣвшіеся отъ удовольствія, перебѣгали съ Норбера на сера Буцефала и съ сера Буцефала обратно на Норбера Моони, пытливо всматриваясь въ ихъ лица и стараясь прочесть въ нихъ подтвержденіе словъ оракула. Г. Керсень и Гертруда также были очень удивлены, но не подавали никакого вида. Что же касается Фатимы, то она съ того самаго момента, какъ послышался голосъ, упала на колѣни, закрывъ лицо обѣими руками и не помня себя отъ какого-то безотчетнаго страха и суевѣрнаго ужаса. И весьма понятно, что этотъ грозный, гнѣвный голосъ, исходившій, какъ казалось, изъ подъ земли, эти безпрерывные то громкіе, то подавленные вздохи дервишей, присѣвшихъ на колѣняхъ на коврѣ, и этотъ бальзамическій ароматъ мирры, восходившій вмѣстѣ съ голубоватыми струйками дыма изъ кадильницъ къ своду,—все это, какъ нельзя болѣе, было способно дѣйствовать на нервы столь впечатлительной и суевѣрной маленькой особы, какъ эта служанка Гертруды Керсэнъ...

Только одинъ Виржиль философски относился ко всему этому и спокойный взглядъ его ясныхъ веселыхъ глазъ съ обычной добродушной безпечностью блуждалъ по лицамъ всѣхъ присутствующихъ.

Прежде всѣхъ очнулся Норберъ и сразу овладѣлъ собою.

— Если такъ, если тебѣ извѣстны наши замыслы и намѣренія, то ты знаешь, что въ нихъ не кроется никакой враждебности, ничего такого, что шло бы во вредъ арабскому народу... Скажи-же, — настойчиво продолжалъ Норберъ,—хочешь-ты оказать намъ содѣйствіе и доставить средства къ перевозкѣ—или не хочешь? Согласенъ ты сдѣлать это для насъ или нѣтъ?

— Я согласенъ!—отвѣтилъ голосъ оракула.

И вдругъ, снисходя къ земнымъ, меркантильнымъ разсчетамъ, оракулъ продолжалъ:

— Ты уплатишь впередъ по десяти піастровъ за каждаго верблюда и каждаго человѣка и по прошествіи семи сутокъ необходимые тебѣ восемьсотъ верблюдовъ съ ихъ вожаками будутъ ждать твоихъ приказаній подъ стѣнами Суакима...

— Вотъ это я называю—говорить толково!—весело воскликнулъ Норберъ Моони, лицо котораго теперь сіяло радостной улыбкой,—по истинѣ, этотъ оракулъ хорошо умѣетъ обдѣлывать дѣла!... Кому я долженъ уплатить эти шестнадцать тысячъ піастровъ?

— Посланному Могаддема, который явится съ его роспиской во французское консульство въ Суакимѣ.

— Значитъ, дѣло улажено! ну, и прекрасно! А теперь скажи мнѣ, Сиди-Магометъ-Жерайбъ, этотъ союзъ, который мы теперь заключимъ съ тобой, окончится ли онъ съ доставкою моей клади на возвышенности Тэбали?

— Нѣтъ, онъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока ты исправно будешь платить Могаддему подобающую ему дань!

— Какую дань? за что?

— Ту дань, которую ты ему долженъ уплачивать, если желаешь, чтобы сыны его охраняли тебя въ пустынѣ и до-

*

ставляли тебѣ необходимое для твоихъ работъ и сооруженій количество рабочихъ рукъ, въ которыхъ ты нуждаешься!

— Какъ! —иронически воскликнулъ Норберъ Моони,— неужели они согласятся содѣйствовать успѣху того предпріятія, которые ты осуждаешь и порицаешь?

— Да, согласятся, если ты будешь аккуратно уплачивать подать; какое имъ дѣло до твоихъ плановъ и намѣреній?

— А какъ велика будетъ сумма этой контрибуціи? — освѣдомился молодой астрономъ.

— Двадцать разъ двадцать піастровъ въ мѣсяцъ!—отвѣчалъ голосъ изъ мраморнаго сосуда.

— Я совершенно согласенъ!—сказалъ Норберъ.

— Ну, такъ прощай... и Аллахъ да сопутствуетъ тебѣ!..

И вслѣдъ за этими словами изъ мраморной чаши послышался протяжный, унылый стонъ. Дервиши тотчасъ-же вскочили на ноги и затянули медленное пѣснопѣніе въ полъголоса и затѣмъ стали медленно пятиться къ двери, не переставая размахивать своими кадильницами. Посѣтители, невольно слѣдуя ихъ примѣру, такъ-же почти неожиданно для самихъ себя очутились у двери и выйдя за порогъ, все еще подъ впечатлѣніемъ испытаннаго ими чувства недоумѣвія стали молча обуваться. Фатима, совершенно ошеломленная чудесами, коихъ она была свидѣтельницей, все еще не могла придти въ себя, натыкалась на свои туфли и, навѣрное, еще долго не разыскивала-бы ихъ, если-бы предупредительный Виржиль не подобралъ ихъ и не подалъ ихъ ей прямо въ руки. Всѣ двинулись въ обратный путь по направленію къ тому отдаленному мѣстечку, гдѣ Мабруки уже распорядился разбить палатки, принести припасы и прохладительные напитки, которые онъ раздобылъ въ зауіа. Спустя нѣсколько времени, всѣ свидѣтели сцены въ усыпальницѣ шейха, за исключеніемъ Норбера Моони, повидимому, погруженнаго въ какія-то серьезныя размышленія, стали обмѣниваться своими впечатлѣніями и замѣчаніями относительно всѣхъ этихъ странныхъ явленій.

Въ сущности, никто не могъ удовлетворительно истолковать или объяснить ихъ, всѣ рѣшительно ничего не понимали. Никто, конечно, не сомнѣвался, что подъ этими таинственными пріемами и аттрибутами скрывается какой-нибудь ловкій фокусникъ, но указать на то, какъ именно все это происходило, не было никакой возможности.

Слова оракула относительно плановъ и намѣреній молодаго астронома возбуждали всеобщее любопытство, особенно-же задѣвали за живое доктора Бріэ.

— Послушайте, серъ Буцефалъ, вѣдь вы одинъ изъ тайныхъ заговорщиковъ, и потому вамъ извѣстно, правду ли сказалъ этотъ оракулъ относительно плановъ г. Моони!.. Племянница моя, какъ видите, буквально сгораетъ отъ желанія узнать разгадку этой тайны. Или, быть можетъ, вы желаете предоставить удовольствіе сообщить ей объ этомъ г-ну Моони?

— Говорите за себя, дядя, а меня, прошу васъ, не приплетайте напрасно!—весело крикнула ему Гертруда,—не пытайтесь прикрывать ваше непростительное любопытство моимъ желаніемъ. Вы вѣдь отлично знаете, что вотъ ужъ трое сутокъ, какъ тайна этихъ господъ не даетъ вамъ покоя ни днемъ, ни ночью!

— Да, я въ этомъ признаюсь, — сказалъ докторъ. — Но клянусь, что любопытство мое чисто научное!

— Несомнѣнно, что г. Моони не отрицалъ того, на что намекалъ или указывалъ оракулъ,—замѣтилъ г. Керсэнь. — Но разъ онъ не считаетъ почему-либо удобнымъ довѣрить намъ своихъ плановъ и намѣреній, то не намъ насиловать его въ этомъ!

— Баста!—воскликнулъ на это докторъ. — Вѣдь теперь это уже стало тайной полишинеля!

Въ этотъ моментъ Норберъ Моони, шедшій все время молча, поднялъ голову и сказалъ:

— Тотъ пріемъ, къ которому прибѣгаетъ этотъ оракулъ, весьма простъ. Вѣроятно, это большая слуховая труба, со-

единяющая зауіа съ могилой шейха; посредствомъ этой трубы Могаддемъ можетъ слышать вопросы, предлагаемые оракулу, и отвѣчать на нихъ; или-же это просто голосъ какого-нибудь чревовѣщателя. Но тѣмъ не менѣе крайне удивительно то обстоятельство, что говорящій такъ свободно и такъ прекрасно изъясняется по французски, а главное, что онъ успѣлъ пронюхать о моихъ намѣреніяхъ, потому что, какъ-бы тамъ ни было, оракулъ не совралъ!.. Я дѣйствительно пріѣхалъ въ Суданъ съ намѣреніемъ заставить спуститься луну настолько, чтобы она стала для меня доступной. И вотъ теперь, чтобы не прослыть въ вашихъ глазахъ за съумасшедшаго, — сказалъ онъ, обращаясь къ г. Керсэнь и его дочери, — я долженъ объяснить вамъ, какимъ образомъ я намѣренъ попытаться достигнуть этого... Не такъ ли, баронетъ? — добавилъ онъ, обращаясь къ серу Буцефалу.

— Да, конечно!—поддержалъ его тотъ.

— И такъ,—продолжалъ молодой астрономъ,—если мадемуазель Керсэнь и эти господа согласны удѣлить мнѣ немного терпѣнія и вниманія, я за завтракомъ постараюсь разсказать имъ, какимъ образомъ у меня зародилась мысль, которая на первый взглядъ должна казаться имъ безсмысленной и сумасбродной... Хотя я и послѣ того не буду считать себя въ правѣ ожидать, чтобы они признали ее вполнѣ разумной, — я могу только просить ихъ повѣрить мнѣ на слово, что имѣю вѣскія основанія, чтобы не считать ее столь безумной и сумасбродной, какъ говоритъ голосъ тѣни шейха.

Порѣшивъ такимъ образомъ съ этимъ вопросомъ, къ неожиданной радости и удовольствію доктора Бріэ, наше маленькое общество добралось до своихъ палатокъ и почти тотчасъ-же сѣло за завтракъ. За дессертомъ, когда всѣ успѣли утолить свой голодъ, молодой ученый сталъ говорить. Не слѣдя за каждымъ словомъ его разсказа, мы передадимъ въ краткихъ словахъ всю суть, добавивъ къ этому нѣкоторыя необходимыя подробности, которыя онъ вслѣд-

ствіе врожденнаго ему чувства деликатности и сдержанности не считалъ возможнымъ высказывать, такъ какъ онѣ относились къ его компаньонамъ.

V. Бюро Королевской улицы въ Мельбурнѣ.

За семь лѣтъ до прибытія „Dover Castl'я" въ Суакимъ трое мужчинъ собрались въ нижнемъ этажѣ одного большого дома на Королевской улицѣ, одной изъ самыхъ красивыхъ и широкихъ улицъ города Мельбурна, этой красы и гордости Австраліи. Несмотря на то, что было уже около полудня, т. е. самое дѣловое и горячее торговое время во всѣхъ англо-саксонскихъ городахъ, эти трое мужчинъ совершенно бездѣйствовали, лѣниво и небрежно почитывая утреннія газеты: „Аргусъ", „Герольдъ" и „Трибуна".

Всѣ трое сидѣли въ покойныхъ зеленыхъ сафьяновыхъ креслахъ передъ высокими краснаго дерева пюпитрами въ большой залѣ, отдѣленной отъ высокаго свѣтлаго вестибюля перегородкой изъ матовыхъ стеколъ, а отъ улицы большими витринами, на которыхъ прохожіе читали слѣдующую надпись мѣдными буквами:

„Electric Transmission Company (limited).
Peter Gryphins, Vogel, Wagner and C°.
Sole agents.

У правой стѣнки стоялъ великолѣпный несгораемый шкафъ съ тяжеловѣсными стальными дверцами и замысловатыми запорами. На лѣво красовался пузатый мраморный каминъ, а на немъ модели различныхъ электрическихъ машинъ а подводныхъ телеграфовъ. Планы, чертежи и графическія изображенія въ роскошныхъ рамахъ заполняли всѣ пустыя пространства на стѣнахъ. Въ одномъ изъ угловъ скромно притаился телефонъ, ожидая конфиденціальныхъ сообщеній. Форточки, продѣланныя въ матовыхъ стеклахъ перегородки, во всякое время были готовы отвориться для „пріема суммъ", для „выдачи справокъ", для „девидендовъ". Весь паркетъ былъ устланъ дорогимъ турецкимъ ковромъ.

Все, вмѣстѣ взятое, было прекрасно, богато, роскошно и покойно; слишкомъ даже покойно, судя по бездѣйствію трехъ компаніоновъ.

— Игнатій Фогель!—произнесъ вдругъ одинъ изъ нихъ.

— Что, Питеръ Грифинсъ?...

— Сколько въ кассѣ въ наличности?

— Семь фунтовъ стэрлинговъ, одиннадцать шиллинговъ и три пенса!

— Какихъ получекъ мы можемъ еще ожидать до конца этого мѣсяца?

— Мы имѣемъ вексель на двадцать фунтовъ съ Вольфа, по которому онъ, вѣроятно, также не уплатитъ, какъ и въ прошедшій мѣсяцъ; Іохансенъ также долженъ намъ четыре фунта, да еще мы имѣемъ получить у Крузе восемнадцать шиллинговъ.

— А сколько намъ придется уплатить?

— Три тысячи фунтовъ стерлинговъ, шесть шиллинговъ и два пенса!

— Это неотложный, непремѣнный долгъ?

— Неотложнѣе и обязательнѣе чего не можетъ быть: за подписью компаніи, со штемпелемъ фирмы, съ № ордера, на гербовой бумагѣ!

— Но въ эту цифру не вошли ни квартирная плата, ни отсроченные счета?

— Нѣтъ, Питеръ Грифинсъ!

— Ни твой окладъ, ни мой, ни окладъ Костеруса Вагнера, ни жалованіе Мюллера?

— Нѣтъ, Питеръ Грифинсъ; тутъ нѣтъ даже и вознагражденія мистрисъ Кюмберъ, нашей экономки.

— А если такъ, Игнатій Фогель, то это похоже на то, что фирма Питеръ Грифинсъ, Фогель, Вагнеръ и К° числа 7-го будущаго мѣсяца будетъ фигурировать въ оффиціальномъ спискѣ краховъ.

— Скажите лучше, въ спискѣ умышленныхъ или злостныхъ банкротствъ — это будетъ вѣрнѣе, Питеръ Грифинсъ!

Послѣ такого разговора скорѣе ироническаго, чѣмъ прискорбнаго, оба компаніона снова погрузились въ чтеніе своихъ газетъ.

Тогда тотъ изъ нихъ, который до сего времени не проронилъ ни слова, отложилъ въ сторону свою газету и сказалъ:

— Мы сами въ этомъ виноваты! Мы вздумали включить въ наше дѣло всѣ возможныя и невозможныя примѣненія электричества! что это говоритъ воображенію публики? да ровно ничего! Нѣтъ, господа, намъ слѣдовало удовольствоваться одной простою мыслью, — продолжалъ Костерусъ Вагнеръ,—будь она даже совершенно невозможной и нелѣпой, все равно, лишь бы только она была проста и нова, главное, нова! Что нибудь въ родѣ, напримѣръ „Перенесенія волнъ и прибоя посредствомъ электричества!“ Публика-бы поняла это! Да, если бы можно было дѣло начать опять сначала!

— Ну, вотъ, Кастерусъ опять уже пустился сумасбродствовать, вѣчно у него одна дурь въ головѣ!—сказалъ Питеръ Грифинсъ, вздернувъ носъ кверху.

— Эхъ, чортъ возьми! да вы же сами видите, что̀ въ наше время идетъ хорошо и успѣшно изъ всѣхъ этихъ компаній на акціяхъ!.. Вѣдь это чистѣйшая фантазія эти „Платиновые пріиски на Конго“, эти „Ласточкины гнѣзда на Формозѣ“, — эти „Фальшивые волосы изъ Герцеговины“. и всѣ т. п. абсурды; только на нихъ то теперь и ловятся всѣ мухи. А ваши трансатлантическіе телеграфы, электрическіе аккумуляторы, что все это говоритъ воображенію разныхъ кухарокъ, жокеевъ, отставныхъ теноровъ, которые въ настоящее время являются дѣйствительными владѣльцами и распорядителями капиталовъ?

Звонокъ, раздавшійся у дверей вестибюля, мгновенно прервалъ эти изліянія. Послышались шаги и два короткихъ сухихъ удара въ одну изъ форточекъ; въ ту, надъ которой значилась надпись „Уплата“.

Игнатій Фогель отворилъ ее, не спѣша, и очутился носъ съ носомъ съ физіономіей, обрамленной густыми рыжими баками.

Завязался слѣдующій разговоръ:

— Г-нъ директоръ, Питеръ Грифинсъ?

— Въ настоящую минуту его здѣсь нѣтъ!

— Постоянно отсутствуетъ? странно!

— Да-съ, онъ сейчасъ находится въ отсутствіи!

— Когда-же онъ вернется?

— Какъ только успѣетъ устроить одно очень важное дѣло въ Сиднеѣ!

Наступило непродолжительное молчаніе.

Спустя немного, голосъ незнакомца продолжалъ сильно недовольнымъ тономъ:

— Я явился сюда относительно того неуплоченнаго вами счета за несгораемый шкафъ... не можете-ли вы уплатить мнѣ по нему?.. я одиннадцатый разъ предъявляю вамъ этотъ счетъ къ уплатѣ!

— Мы не получали ордера. Но если вамъ это очень къ спѣху и вы сильно нуждаетесь въ деньгахъ, то мы можемъ испросить у господина директора разрѣшеніе уплатить вамъ слѣдуемую вамъ сумму. Мы будемъ писать ему сегодня-же, если хотите...

— Дѣло не въ томъ, что я нуждаюсь въ деньгахъ, я вовсе не такъ нуждаюсь въ нихъ, какъ вы думаете, — сказалъ господинъ съ рыжими баками, видимо обиженный,—но...

— Въ такомъ случаѣ вы не желаете, чтобы мы писали г. директору въ Сидней?..—Прекрасно! мы ничего не будемъ ему писать—это совершенно, какъ вамъ угодно!—съ величайшей поспѣшностью проговорилъ Игнатій Фогель, такимъ тономъ точно этимъ улаживались всѣ затрудненія и больше говорить было не о чемъ.

Онъ проворно захлопнулъ форточку и снова усѣлся въ свое покойное кресло.

Послышались нерѣшительные, задумчивые шаги, нѣ-

сколько въ полъ голоса произнесенныхъ фразъ, что-то похожее на гнѣвную воркотню,—и затѣмъ стукнула дверь.

Непрошенный посѣтитель ушелъ.

Прошло еще четверть часа, въ бюро царила полная тишина. Затѣмъ звонокъ у двери опять зазвонилъ; послышались тяжелые шаги, подъ которыми слегка заскрипѣлъ паркетъ вестибюля, и чья-то рука постучала въ форточку надъ которой значилось „акціи“. На этотъ разъ самъ Питеръ Грифинсъ отворилъ ее.

— Пакетъ для „Electric Transmission Company“,—сказалъ грубый, сиплый голосъ посыльнаго, и въ отверстіи форточки показалась голова разсыльнаго въ клеенчатой фуражкѣ.—Отъ мистера Симпсона, мѣнялы въ улицѣ Геркулеса 27.—Прошу росписаться въ полученіи!

Питеръ Грифинсъ обмѣнялся прискорбнымъ, горестнымъ взглядомъ съ своими двумя товарищами, росписался въ полученіи и отворилъ дверь бюро, у порога которой разсыльный оставилъ пакетъ и при немъ письмо, затѣмъ удалился.

Питеръ Грифинсъ вскрылъ письмо и прочелъ его вслухъ:

„Весьма сожалѣю, что принужденъ возвратить вамъ прилагаемыя при семъ пять сотъ акцій вашей компаніи, которыя вы поручили мнѣ распространить. Несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось пристроить ни одной изъ нихъ по какой-бы то ни было цѣнѣ. Кромѣ того, состояніе рынка не позволяетъ разсчитывать даже и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на болѣе благопріятный оборотъ дѣла. Примите увѣренія въ совершенной моей готовности служить вамъ.

„Артуръ Реджинальдъ Симпсонъ“.

— Это кажется послѣднія акціи, какія у насъ еще находились въ чужихъ рукахъ?—спросилъ Питеръ Грифинсъ.

— Послѣднія. Всѣ остальныя давно уже вернулись къ намъ обратно и лежатъ въ чинномъ порядкѣ въ этомъ шкафу—отозвался Игнатій Фогель, отворяя дверцы шкафа, искусно замаскированнаго въ стѣнѣ.

— Десять тысячъ прелестныхъ листовъ англійской бумаги, каждый листъ которой стоилъ-бы два пенса, если-бы на немъ ничего не было напечатано, а теперь всѣ они вмѣстѣ не стоятъ ни одного ліара, потому что на нихъ красуется наша виньетка! — добавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Убравъ присланныя г. Симпсономъ акціи на единственную, оставшуюся еще свободной полку, онъ закрылъ дверцы потайнаго шкафа и вернулся къ своему пюпитру.

— Ну, скажите!—жаловался Костерусъ Вагнеръ,—право можно думать, что акціи эти или заколдованныя, или отравленныя, что всѣ ихъ такъ обѣгаютъ! Я понимаю, что онъ не могъ пристроить всѣхъ, — ну, продалъ-бы, положимъ, всего тысячу акцій, ну, скажемъ даже сто!.. пятьдесятъ, наконецъ!! Но ни одной! вѣдь это что-то совсѣмъ невѣроятное! Подумать только, что на цѣломъ австралійскомъ материкѣ не нашлось ни одного,—ни одного человѣка, который отнесся-бы сочувственно къ нашей идеѣ, къ нашему дѣлу, и пожертвовалъ-бы двадцать фунтовъ стерлинговъ!..

Въ этотъ самый моментъ, какъ будто укоризненный ропотъ Вагнера, подобно заклинанію, вызвалъ изъ нѣдръ вселенной ту рѣдкую птицу, о существованіи которой онъ мечталъ теперь, дверной звонокъ возвѣстилъ о посѣтителѣ,— и вслѣдъ за тѣмъ кто-то робко постучался въ форточку „Справокъ".

— „Electric Transmission Company"?—спросилъ господинъ съ блѣднымъ желтоватымъ, свѣже выбритымъ лицомъ, выплывающимъ изъ высокаго пристяжного воротничка, туго накрахмаленнаго, безукоризненной бѣлизны.

— Здѣсь!—отозвался Костерусъ Вагнеръ, на обязанности котораго лежало давать всѣ справки.

— Развѣ подписка уже закрыта?—съ видимою тревогой освѣдомился блѣднолицый господинъ.

— Какая подписка?

— На акціи компаніи—limited...

— Да, милостивый государь,—отвѣтилъ Костерусъ Ваг-

неръ довольно брюзгливымъ тономъ, предполагая въ словахъ незнакомца злую мистификацію.

— Ахъ, какъ я жалѣю!.. какъ я жалѣю!..—воскликнулъ блѣднолицый господинъ. — Я только вчера прочелъ ваше объявленіе въ старомъ номерѣ „Герольда", но надѣялся, что я еще успѣю подписаться на нѣсколько акцій! Боже мой, какъ я право жалѣю, я вамъ сказать не могу!..

Несмотря на эти увѣренія и несомнѣнное прискорбіе, отразившееся на физіономіи незнакомца, Костерусъ Вагнеръ продолжалъ подозрѣвать въ его словахъ злую шутку.

Однако, лицо блѣднаго господина казалось настолько серьезнымъ и опечаленнымъ, въ его маленькихъ сѣренькихъ глазахъ такъ ясно читалось сожалѣніе о томъ, что онъ опоздалъ и теперь долженъ лишиться возможности участвовать въ несомнѣнныхъ выгодахъ этого блестящаго дѣла, что Костерусъ Вагнеръ невольно почувствовать себя обнадеженнымъ, а по нѣкоторомъ размышленіи даже несказанно обрадованнымъ и восхищеннымъ.

— Когда я говорю, что подписка закрыта,—заговорилъ онъ тономъ опытнаго дипломата,—то говорю это объ общей подпискѣ... Какъ вы, вѣроятно, и сами можете понять, у насъ не осталось болѣе на рукахъ ни одной акціи нашего Общества; намъ пришлось сильно ограничить число требованій, поступавшихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ съ перваго-же дня открытія подписки...

Послѣ сихъ словъ блѣдная физіономія незнакомца стала еще печальнѣе и тихій вздохъ прискорбія слетѣлъ съ его устъ.

— Но,—продолжалъ Костерусъ Вагнеръ,—если-бы вы пожелали кое-чѣмъ пожертвовать и уплатить хотя-бы небольшую премію за громадное преимущество стать обладателемъ нѣсколькихъ нашихъ бумагъ, то, быть можетъ, можно было-бы побудить кого-нибудь изъ нашихъ акціонеровъ уступить вамъ нѣсколько такихъ акцій... Много-ли вы желали-бы имѣть ихъ?

— О, нѣтъ! совсѣмъ не много!.. штукъ тридцать, сорокъ... не больше!.. если только это возможно...

Сорокъ акцій!.. Это составляло около тысячи фунтовъ стерлинговъ!.. Костерусъ Вагнеръ обмѣнялся многозначительнымъ взглядомъ со своими двумя компаніонами, онѣмѣвшими отъ недоумѣнія и радости.

— Я полагаю, что съумѣю вамъ это устроить,—покровительственнымъ тономъ продолжалъ Вагнеръ,—если вы намѣрены уплатить за каждую акцію по двадцать одному фунту стерлинговъ вмѣсто номинальныхъ двадцати. Но для этого необходимо будетъ произвести зачетъ!

— Я имѣю всю эту сумму при себѣ!—сказалъ посѣтитель, вытаскивая изъ бокового кармана съ лихорадочною поспѣшностью пачку банковыхъ ассигнацій.

— Прекрасно! Я сейчасъ приму отъ васъ деньги... Игнатій Фогель, будьте любезны приготовить росписку... Потрудитесь перейти вонъ къ тому окну, милостивый государь. Позвольте узнать ваше имя, фамилію и общественное положеніе.

— Тиррель Смисъ, камердинеръ сера Буцефала Когхиля, баронета изъ Лондона, Керзонъ-стритъ 29, въ настоящее время въ отелѣ „Викторія", въ Мельбурнѣ!

— Превосходный домъ,—одобрительно покивавъ головою, произнесъ Костерусъ Вагнеръ...—Въ случаѣ, если-бы серъ Буцефалъ также пожелалъ пріобрѣсти нѣсколько акцій на тѣхъ-же условіяхъ, то мы будемъ очень счастливы служить ему, предоставивъ желаемое количество нашихъ бумагъ... Вотъ ваша росписка, милостивый государь... Вы не имѣете при себѣ марки?.. Нѣтъ!.. Игнатій Фогель, будьте любезны передать марку г-ну Смисъ... До скораго пріятнаго свиданія, г. Смисъ!.. по прошествіи двухъ, трехъ дней, акціи будутъ готовы къ вашимъ услугамъ. И форточка закрылась, поглотивъ банковые билеты Тирреля Смиса, который удалился торжествующій и довольный.

Восемьсотъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ!—ткого богата-

ства никогда еще не видала касса „Electric Transmission Company!

— Прежде всего,—воскликнулъ Игнатій Фогель безъ малѣйшаго вступленія, — я предлагаю господа серьезный ленчъ!

Предложеніе это было единодушно принято остальными компаніонами. Бесѣдовать за столомъ съ яствами несравненно пріятнѣе, чѣмъ за высокими бюро, съ газетой на колѣняхъ.

Миллеръ, разсыльный мальчикъ, состоявшій при конторѣ и проводившій цѣлые дни въ пустынномъ вестибюлѣ, позѣвывая во весь ротъ и томясь удручающей скукой, былъ немедленно посланъ въ ближайшую гостиницу,—и вскорѣ на столѣ въ конторѣ появился пышный завтракъ, а мѣста передъ высокими краснаго дерева конторками опустѣли.

— Мое мнѣніе таково,—сказалъ Питеръ Грифинсъ, когда челюсти стали уже менѣе энергично работать и запасъ яствъ значительно убавился, что намъ слѣдуетъ немедленно приступить къ раздѣлу девиденда и сегодня-же вечеромъ тихонько улизнуть. Тотъ акціонеръ, о которомъ мы такъ долго тщетно мечтали, нашелся, наконецъ, онъ существуетъ, да, но онъ единственный въ своемъ родѣ и нѣтъ ему второго подобнаго! Ни на какіе другіе взносы мы не можемъ разсчитывать, такъ воспользуемся-же разумно той щедрой лептой, которая выпала намъ сегодня на долю.

— Одобряемъ!—воскликнулъ Игнатій Фогель.

— Удѣливъ Мюллеру въ счетъ его жалованья около сорока шиллинговъ, на долю каждаго изъ насъ придется по двѣсти семьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ франковъ французской монетой, или пять тысячъ шестьсотъ двадцать марокъ германской монетой. Это довольно кругленькая маленькая сумма, которая не принесла-бы никакой пользы нашимъ кредиторамъ, но которая для каждаго изъ насъ можетъ оказаться весьма и весьма полезной!..

— Удивительно, какъ это много—эти двѣсти семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ!—презрительно воскликнулъ Костерусъ

Вагнеръ. Какъ вы только можете думать о столь нелѣпомъ дѣлежѣ!

—Неужели, имѣя въ своемъ распоряженіи прекраснѣйшую контору въ одной изъ лучшихъ улицъ, полную цѣнной обстановки, и восемьсотъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ въ кассѣ, да сверхъ всего этого пріобрѣтенный нами за это время опытъ — мы не съумѣемъ, какъ должно, воспользоваться всѣмъ этимъ? — Нѣтъ! Это было-бы непростительно глупо!

Вѣскимъ ударомъ кулака по столу Костерусъ Вагнеръ какъ-бы придалъ еще болѣе силы и убѣдительности своему заявленію.

— Да, это было-бы непростительно глупо! нелѣпо!— повторилъ онъ еще разъ. — Какъ я только что передъ тѣмъ говорилъ вамъ, нашему проэкту Общества недоставало только одного, а именно того, что дѣйствуетъ на воображеніе публики. Затроньте только это воображеніе и вы увидите, что найдете не одного какого-то лунатика-акціонера, какъ сегодня, а десять тысячъ, двадцать тысячъ акціонеровъ!.. Затроньте только ихъ воображеніе,—и вамъ принесутъ не восемьсотъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ, а восемьсотъ тысячъ фунтовъ! восемьсотъ милліоновъ! вотъ, что я вамъ говорю!— И что для этого надо сдѣлать? спрашиваете вы, — вотъ что! У меня явилась такая мысль, которая несомнѣнно порядкомъ раззадоритъ воображеніе публики!

— Ну-ка! Какая это мысль, Костерусъ? — воскликнули хоромъ Игнатій Фогель и Питеръ Грифинсъ.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что Костерусъ Вагнеръ имѣлъ надъ своими компаніонами тотъ громадный перевѣсъ, какой всегда даютъ человѣку положительныя знанія и высшее образованіе. Исторія Костеруса Вагнера крайне любопытная. Онъ представлялъ собою типичнѣйшій примѣръ того, чѣмъ можетъ стать человѣкъ съ выдающимися способностями и самымъ геніальнымъ дарованіемъ къ высшимъ наукамъ, когда при этомъ отсутствуютъ самый простой и здравый смыслъ и практическое умѣнье вести себя. Костерусъ Ваг-

неръ былъ однимъ изъ ... никовъ ... гимназіи Фридриха-Карла и ... блистательнѣйшихъ питомцевъ Ге...тингенскаго университета. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ уже докторомъ физики и стоялъ въ ряду наиболѣе выдающихся молодыхъ физиковъ Германіи, гдѣ онъ былъ приставленъ въ качествѣ главнаго помощника при Гильдесгеймской обсерваторіи. Когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, онъ сталъ уже извѣстенъ всему ученому міру, какъ авторъ очень дѣльныхъ и серьезныхъ записокъ по астрономіи. Но, къ несчастію, его личный характеръ не соотвѣтствовалъ его громадному уму и способностямъ. Костерусъ Вагнеръ еще на университетской скамьѣ имѣлъ привычку пить и эта привычка не только не покинула его впослѣдствіи, но превратилась въ постоянное пьянство. Онъ при этомъ до крайности пренебрегалъ всѣми своими общественными обязанностями и всѣми общепринятыми приличіями. Сверхъ всего того онъ цѣнилъ себя безмѣрно высоко и, не стѣсняясь, давалъ это чувствовать другимъ. Онъ считалъ себя даже униженнымъ, обойденнымъ въ своихъ правахъ тѣмъ, что занималъ при обсерваторіи второстепенный постъ и еще не былъ зачисленъ въ члены Академіи Наукъ. Его рѣзкое обращеніе, презрительное, непочтительное отношеніе къ начальству, постоянные скандалы, которыми отличалась его частная жизнь, издавна подготовили его окончательную гибель и паденіе. Первое время Костерусъ Вагнеръ пробовалъ было бороться противъ силы подавляющихъ его обстоятельствъ: онъ попробовалъ существовать лекціями въ качествѣ приватъ-доцента, но его пороки, слѣдовавшіе за нимъ повсюду, явились и теперь главною причиной его неудачъ.

Отъ неудачи къ неудачѣ онъ, незамѣтно для самого, падалъ все ниже и ниже и, наконецъ, очутился ... ней ступени нищеты и общественнаго презрѣн... эмигрировалъ и прибылъ въ Мельбурнъ, гд... столкнулся съ Игнатіемъ Фогелемъ, своимъ соотече... и Питеромъ Грифинсомъ, американцемъ, пріобр...

каки [illegible] ньжонки, [illegible] антрепризѣ странствующаго цирка, въ которомъ, главнымъ образомъ, показывался какой-то уродливый карликъ. Такъ какъ, несмотря на такое паденіе, разумъ Вагнера все еще сохранилъ извѣстную долю превосходства, то у него явилась мысль о промышленномъ примѣненіи новѣйшихъ открытій по части замѣненія механической силы электричествомъ. И вотъ, въ компаніи съ своими австралійскими пріятелями, Игнатіемъ Фогелемъ и Питеромъ Грифинсомъ, онъ открылъ знакомое уже читателю бюро на Королевской улицѣ. И на этотъ разъ успѣхъ не увѣнчалъ его предпріятія, несмотря на то, что основная идея его была, быть можетъ, вполнѣ вѣрна; она, несомнѣнно, была основана на экспериментахъ и фактахъ, чрезвычайно интересныхъ, но ея недостатокъ заключался въ томъ, что она была слишкомъ нова, а представителями ея являлись люди пришлые, никому неизвѣстные, совершенно незнакомые съ требованіями и характеромъ австралійскаго рынка. Вскорѣ наши три компаніона истощили до тла небольшіе имѣвшіеся у нихъ запасы капиталовъ, дѣятельности и энергіи. Наибольшая часть денегъ ушла на устройство, обзаведеніе и публикаціи, затѣмъ на содержаніе ихъ самихъ, и преміи разнымъ посредникамъ и комиссіонерамъ, обольщавшимъ ихъ ложными надеждами и обѣщаніями. Словомъ, по прошествіи какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ они совершенно израсходовались и стояли на рубежѣ раззоренія и злостнаго банкротства.

Въ этотъ-то роковой моментъ явился Тиррель Смисъ со своими восемьюстами сорока фунтами, благодаря которымъ Коссгерусъ Вагнеръ задался новою блестящею мыслью и собирался начать дѣло опять сначала, но на этотъ разъ [illegible]вая, главнымъ образомъ, на людскую довѣрчивость [illegible]ость, которыя онъ хотѣлъ эксплуатировать въ

[illegible]те-ли вы, господа, какое-нибудь представленіе [illegible]міи? — продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ [illegible]ніонамъ.

— Нѣтъ? ни малѣйшаго?... тѣмъ хуже, или,—вѣрнѣе, тѣмъ лучше, господа! Лучше, потому что вы будете находиться именно въ томъ самомъ положенiи, какъ и публика, которую намъ слѣдуетъ заманить въ наши сѣти... Такъ знайте же: земля, на которой мы живемъ, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ планетъ, которыя вращаются вокругъ солнца, получая отъ него свѣтъ и тепло. Это, т. е. земля, такое-же свѣтило, какъ и всѣ остальныя, шаръ, не имѣющiй, собственно говоря, особаго значенiя въ мiрѣ, шаръ, который можно сравнить, съ громаднымъ, вращающимся на подобiе волчка или веретена, пушечнымъ ядромъ, и описывающiй въ то же время годичную линiю вокругъ солнца, но не кольцеобразную линiю и элипсообразную... Другiя однородныя планеты, большей и меньшей величины, чѣмъ земля, такъ же висятъ въ пространствѣ на разныхъ разстоянiяхъ отъ солнца, однѣ ближе, другiя дальше отъ него. Какая сила заставляетъ ихъ висѣть въ пространствѣ? — спросите вы меня; на это я отвѣчу вамъ, не входя въ болѣе подробныя разъясненiя, что онѣ держатся силою того самаго движенiя, которое придаетъ имъ жизнь, и затѣмъ силою взаимнаго притяженiя, существующаго между отдѣльными планетами. Въ числѣ этихъ планетъ есть такiя, которыя находятся довольно близко отъ насъ, на столько близко что намъ уже можно предвидѣть тотъ моментъ, когда земное человѣчество, т. е. обитатели земли, войдетъ въ сношенiя съ этими планетами путемъ оптическихъ телеграфовъ или же какимъ нибудь инымъ путемъ.

— Быть можетъ, даже настанетъ время, когда люди найдутъ средства и возможность путешествовать съ одной изъ этихъ планетъ на другую, такъ точно, какъ мы отправляемся теперь изъ Лондона въ Парижъ, Мельбурнъ или Санъ-Франциско.

— Конечно, до этого еще намъ далеко, но тѣмъ не менѣе это не такъ невозможно, какъ кажется съ перваго взгляда.

— Въ числѣ этихъ планетъ, или мiровъ, которые насъ окру-

жаютъ и являются ближайшими сосѣдями земнаго шара, которыя современная астрономія изучаетъ съ величайшимъ вниманіемъ и точностью, и съ которыми она начинаетъ знакомиться весьма подробно,—есть одно такое свѣтило, которое, такъ сказать, составляетъ часть нашей системы и является, если можно такъ выразиться, осколкомъ земли, находясь отъ нее въ сильной зависимости. Эта планета—спутница земли, луна.

— Надо замѣтить, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, луна нѣкогда представляла собою часть той расплавленной, раскаленной матеріи, изъ которой первоначально состояла земля, и отдѣлилась, или откололась, отъ нея въ сравнительно не очень отдаленномъ прошломъ. Она обладаетъ самостоятельнымъ вращательнымъ движеніемъ вокругъ земнаго шара, и въ то же время повинуется и тому движенію земли, которое заставляетъ нашу планету вращаться вокругъ солнца. Что же касается разстоянія, отдѣляющаго луну отъ земли, то оно такъ незначительно, что, въ сравненіи съ обычными астрономическими цыфрами, можетъ считаться почти нулевымъ, т. е. несуществующимъ вовсе. Чтобы уяснить вамъ это, достаточно будетъ сказать, что земля отстоитъ на разстояніи сорока милліоновъ миль отъ Марса, ближайшей къ намъ, послѣ луны, планеты, тогда какъ луна отстоитъ отъ земли всего на 90,000 миль. Слѣдовательно, разница разстоянія является пропорціонально та же, какъ между городами, отстоящими другъ отъ друга на 156 миль и на „одну“ милю.

Депеша, посланная по телеграфу на луну, могла бы дойти туда въ полторы секунды. Не подлежитъ сомнѣнію, что множество туристовъ и альпійскихъ гидовъ прошли пѣшкомъ по землѣ все то разстояніе, какое отдѣляетъ насъ отъ луны. Все это разстояніе является увеличеннымъ не болѣе какъ въ двадцать разъ разстояніемъ между Лондономъ или Парижемъ—и Мельбурномъ. Изъ этого вы видите, что мы можемъ и даже должны смотрѣть на луну, какъ на своего рода пригородъ, или отдѣльный кварталъ нашей планеты...

— Очевидно!—подтвердили почти одновременно Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель, которые, силясь понять то, что разъяснялъ имъ Костерусъ Вагнеръ, выпучили глаза и уставились въ него точно сбирались поглотить его цѣликомъ со всею его премудростью, но не смотря на то, усваивали лишь отчасти его разсужденіе, въ сущности, совершенно элементарное.

— Такъ вотъ,—продолжалъ ученый, который, выйдя теперь изъ за стола, принялся крупными шагами расхаживать по комнатѣ,—разъ, что это близкое сосѣдство земли и луны является несомнѣннымъ, вполнѣ установленнымъ фактомъ, не странно ли кажется вамъ, что никто до сихъ поръ не попытался еще отправиться туда и не установилъ сообщенія между этими двумя планетами?

— Если не ошибаюсь, мнѣ помнится, уже была сдѣлана попытка въ этомъ направленіи въ Америкѣ при помощи громаднаго орудія, какой то невѣроятной величины пушки, и ядра—загона!—сказалъ Питеръ Грифинсъ.

— Да, совершенно вѣрно, одинъ французъ попытался сдѣлать такую штуку и даже осуществилъ ее съ полнымъ успѣхомъ. Его предпріятіе имѣетъ громадную цѣну именно съ той точки зрѣнія, которая должна, главнымъ образомъ, интересовать насъ. Но это предпріятіе не имѣло подражателей и осталось единственнымъ въ своемъ родѣ; случилось это потому, что онъ воспользовался для осуществленія своего предпріятія совершенно исключительнымъ способомъ, весьма трудно исполнимымъ и доступнымъ или возможнымъ далеко не всѣмъ. Моя же мысль, та, которую я хочу предложить вамъ, чтобы заманить публику или вѣрнѣе чтобы превратить ее въ акціи, имѣетъ промысловое значеніе... Надо окончательно завоевать луну,—подъ этимъ я подразумѣваю, конечно, что надо завести съ ней прямое сообщеніе, не временное, а постоянное, чтобы всегда можно было по желанію отправляться на луну и возвращаться оттуда обратно, когда пожелаешь,—словомъ, присодинить ее къ землѣ, со всѣми ея извѣстными и неиз-

вѣстными еще сокровищами и богатствами, чтобы быть въ состояніи воспользоваться ими!...

— Но развѣ это возможно?—освѣдомился Игнатій Фогель,—развѣ это дѣйствительно осуществимо?

— Я въ этомъ искренно убѣжденъ. Но позвольте мнѣ замѣтить вамъ прежде всего, мои юные и наивные друзья, что это совершенно не важно и не имѣетъ почти никакого значенія!... всякое дѣло переводится на наличныя деньги, какъ говорятъ умные люди. Для насъ вся суть дѣла заключается въ томъ, чтобы основать компанію на акціяхъ для пріобрѣтенія луны. Дѣло заключается отнюдь не въ томъ возможно ли это завоеваніе или пріобрѣтеніе на самомъ дѣлѣ, т. е. въ дѣйствительности, но въ томъ, чтобы оно только „казалось возможнымъ"... Ну, а за это я берусь!... Къ этому я добавлю еще, что то путешествіе на луну, о которомъ только что упоминалъ Питеръ Грифинсъ, также сослужитъ намъ не малую службу и поможетъ намъ въ нашемъ дѣлѣ...

— Но какой-же можетъ быть интересъ для покупщика въ пріобрѣтеніи подобныхъ акцій?

— Какой интересъ? да мнѣ кажется, что это и такъ достаточно ясно! Положимъ, вамъ предложатъ новый міръ, совершенно еще неизслѣдованный, дѣвственный, изобилующій самыми разнообразными минеральными богатствами: золотомъ, серебромъ, платиной, драгоцѣнными камнями, углемъ, мраморомъ, солями и т. п.... какъ вы полагаете, неужели это недостаточно заманчиво, чтобы возбудить интересъ толпы, жаждущей обогащенія?

— И все это имѣется въ изобиліи на лунѣ?

— Несомнѣнно! все это и еще многое другое, чего мы, быть можетъ, не знаемъ—все же это изслѣдовано и установлено—это является результатомъ всѣхъ астрономическихъ изслѣдованій за послѣднее столѣтіе, это напечатано во всѣхъ научныхъ сочиненіяхъ... Въ настоящее время луна уже на столько знакома намъ, какъ если-бы мы, т. е. человѣкъ, окончательно поселились на ней. Мы уже начертили ея гео-

графическую карту; намъ извѣстны ея моря, ея материки, мы измѣрили высоту ея горъ; мы дали имъ имена и названія, мы сфотографировали ея наружный видъ, намъ извѣстенъ по аналогіи ея химическій составъ... Короче говоря, остается только завладѣть этимъ новымъ міромъ, о которомъ мы имѣемъ болѣе подробныя описанія, чѣмъ даже о центральной Африкѣ, или центральной Австраліи, Новой-Гвинеѣ и и полярныхъ странахъ земнаго шара!...

— Ну, такъ отправимся туда теперь-же, я сейчасъ готовъ взять билетъ!—воскликнулъ Питеръ Грифинсъ.

— Билетъ этотъ обойдется вамъ немного дорого,—многозначительно замѣтилъ Костерусъ Вагнеръ,—и потому, друзья мои, мы обратимся, если вы согласны, прежде всего къ тому, кто можетъ покрыть всѣ наши расходы по этому путешествію, къ тому, кто имѣетъ въ своей казнѣ больше денегъ, чѣмъ даже сами гг. Ротшильды,—а именно, къ господину Всему Свѣту!...

— Костерусъ!—восторженно воскликнули Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель,—позвольте намъ обнять и разцѣловать васъ! Если только ваше объявленіе будетъ такъ же ясно и понятно, какъ ваше поясненіе намъ, то мы, несомнѣнно, можемъ считать себя богачами! Тысячами, милліонами станутъ люди приносить намъ звонкія англійскія гинеи!...

— Ну, такъ составимъ же сейчасъ эту публикацію,—сказалъ Костерусъ Вагнеръ,—и пусть она завтра же появится во всѣхъ газетахъ и журналахъ!...

Онъ тутъ же присѣлъ къ бюро и, вооружившись перомъ и большимъ листомъ бумаги, написалъ на заголовкѣ крупнымъ четкимъ шрифтомъ:

„Selene-Company“ (лунное общество) limited. Общество для изслѣдованія и пріобрѣтенія минеральныхъ богатствъ луны. Основной капиталъ общества—два милліона фунтовъ стерлинговъ“.

VI. Selene-company (Лунное общество).

Костерусъ Вагнеръ не ошибся, когда говорилъ, что въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ, главное—это затронуть воображеніе публики и разсчитывать, главнымъ образомъ, на глупость человѣческую и легковѣріе толпы.

Тому, что въ его проектѣ было самаго безумнаго, тому-то, именно, и было обязано своимъ невѣроятнымъ успѣхомъ это предпріятіе. Самая несообразность такой претензіи послужила къ тому, что всѣ о ней заговорили. Два самыхъ крупныхъ и серьезныхъ органа печати, которые, безъ сомнѣнія, никогда не посвятили бы двухъ даровыхъ строкъ для объявленія какого нибудь самаго благонадежнаго общества для мощенія мостовыхъ, посвятили теперь по нѣсколько столбцовъ разсмотрѣнію и обсужденію новаго дѣла „Selene-Company“ (Луннаго общества), льстившаго въ высшей мѣрѣ колоніальной гордости и тщеславію. Даже тѣ, кто менѣе всѣхъ вѣрили въ возможность осуществленія подобнаго предпріятія, все же радовались тому, что эта мысль зародилась въ Австраліи. Короче говоря, дѣло это прогремѣло съ невѣроятной быстротой и надѣлало много шума во всѣхъ слояхъ общества; повсюду, въ самыхъ отдаленныхъ, забытыхъ уголкахъ, заговорили о немъ. Спросъ на акціи этого общества возросталъ съ каждымъ часомъ съ невѣроятною быстротой; публика толпами валила въ бюро Королевской улицы и деньги въ кассѣ новаго общества прибывали, какъ вода во время наводненія.

Вскорѣ явилась надобность въ особомъ почтальонѣ или разсыльномъ, который каждое утро обязанъ былъ привозить въ телѣжкѣ подъ замкомъ денежныя и заказныя письма, летѣвшія со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта въ бюро компаніи. Питеръ Грифинсъ, Костерусъ Вагнеръ, Игнатій Фогель и К°, единственные агенты, увидѣли себя принужденными, къ немалому своему восторгу, прибѣгнуть къ помощи какого нибудь банка для храненія своихъ капиталовъ. Же-

лая обставить это дѣло, какъ нельзя лучше, они избрали съ этою цѣлью знаменитый банкирскій домъ Буттсъ и К°. Самое странное въ этомъ дѣлѣ было то, что Костерусъ Вагнеръ не потрудился даже указать, какимъ именно способомъ онъ разсчитывалъ осуществить свой планъ и выполнить предначертанную имъ программу. И эта хитрость сослужила ему прекрасную службу, потому что систематическіе недоброжелатели и враги, какихъ встрѣчаетъ на своемъ пути всякое новое предпріятіе, должны были, при данныхъ условіяхъ, довольствоваться однѣми догадками и предположеніями и, слѣдовательно, не могли серьезно ополчиться и разгромить планъ, котораго они не знали, и о которомъ не могли сами сказать рѣшительно ничего положительнаго.

Кастерусъ Вагнеръ между тѣмъ заявилъ, что его планъ составляетъ его тайну и что онъ, до поры до времени, намѣренъ сохранить ее въ строжайшемъ секретѣ, чтобы кто-нибудь не воспользовался его мыслью. Легковѣрное большинство чрезвычайно одобряло такой образъ дѣйствій, считая чрезвычайно разумнымъ и предусмотрительнымъ и съ еще большей охотой и готовностью несло свои деньги на дѣло, находившееся въ рукахъ столь мудрыхъ людей.

Въ сущности же, единственный планъ Членовъ Основателей Selene-Company, заключался въ томъ, чтобы собрать въ кассу компаніи сумму въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, а, если можно, то и болѣе. И надо признаться, что такого рода цѣль представляетъ собою, въ семъ подлунномъ мірѣ, практическую философію громаднаго числа различныхъ финансовыхъ обществъ.

Какъ бы тамъ ни было, но требованіе акцій было такъ велико, что на этотъ разъ дѣйствительно пришлось отвѣчать отказомъ на требованія, а въ день, назначенный для выборовъ членовъ общества, пришлось удержать за собою большую залу Victoria-Hotel, самую большую въ цѣломъ Мельбурнѣ. Засѣданіе это должно было состояться подъ предсѣдательствомъ одного юнаго аристократа, бывшаго проѣздомъ въ Австраліи, лорда Рандольфа Клэдероу, который

одинъ подписался разомъ на пятьсотъ акцій, и кромѣ того держалъ крупное пари съ серомъ Буцефаломъ Когхиллемъ, мало вѣрившимъ въ успѣхъ даннаго предпріятія. Серъ Буцефалъ Когхилль дѣйствительно такъ мало вѣрилъ въ возможность осуществленія этой идеи, что обязался уплатить 30,000 линій въ случаѣ, если бы это дѣло увѣнчалось успѣхомъ и осуществилось, соглашаясь въ противномъ случаѣ получить всего 1,000 гиней, т. е. ставя 30 противъ 1-го. Такого рода пари, предложенное самимъ серомъ Буцефаломъ Когхиллемъ, достаточно ясно доказывало, какую слабую надежду возлагалъ молодой баронетъ на прославленную Лунную Компанію, объявленіе которой ему преподнесъ его образцовый камердинеръ Тиррель Смисъ.

15-го Октября стеченіе народа въ залѣ гостинницы Викторія было громадное. Здѣсь были и биржевики, и крупные негоціанты, и судовладѣльцы, и биржевые маклеры, и представители самыхъ различныхъ профессій, преимущественно доходныхъ. На эстрадѣ, устроенной въ концѣ зала, передъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ въ креслѣ лордъ Рандольфъ Клэдероу, имѣя по обѣ стороны крупнаго виноторговца и чаеторговца. Лордъ Рандольфъ Клэдероу былъ высокій, длинный, худощавый блондинъ, чрезвычайно близорукій, съ моноклемъ въ глазу, почти безусый, одѣтый съ изысканной элегантностью.

Покончивъ съ различными вступительными церемоніями, и провозгласивъ Лорда Рандольфа Клэдероу предсѣдателемъ по предложенію торговца чаями, котораго поддержалъ въ свою очередь виноторговецъ, Костерусъ Вагнеръ выступилъ впередъ и сталъ говорить, собираясь высказать свой планъ, предъявить присутствующимъ свою програму.

— Насталъ тотъ часъ,—говорилъ онъ,—когда всѣ материки и острова земного шара уже подѣлены различными народами, населяющими землю, а потому необходимо открыть новое поле для дѣятельности и колонизаціонныхъ способностей бриттовъ. Англо-Саксы заселили почти всю Сѣверную Америку, Австралію, Индію, часть Африки; флагъ ихъ

гордо развивается на трехъ четвертяхъ земного шара и на поверхности его теперь уже не остается болѣе простора для ихъ завоеванiй, такъ какъ сравнительно недавняя конференцiя дипломатовъ постановила признать центральную Африку интернацiональной.

— Слѣдовательно, всякая надежда расширить еще болѣе свое поле дѣятельности отнынѣ закрыта для предпрiимчеваго духа бриттовъ? Нѣтъ! по крайней мѣрѣ Костерусъ Вагнеръ былъ на этотъ счетъ другого мнѣнiя.

— Въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ земли, всего въ какихъ нибудь нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ миль отъ нея, въ пространствѣ существуетъ другой мiръ, мiръ не тронутый, не изслѣдованный, который только того и ждетъ, чтобы открыть и предоставить въ распоряженiе человѣчества свои несмѣтныя богатства и сокровища, который только того и ждетъ, чтобы мы пришли и завладѣли имъ... (Слышится громъ рукоплесканiй). Этотъ мiръ — въ сущности, является естественнымъ прибавкомъ земного шара, съ которымъ онъ нѣкогда былъ нераздѣльно слитъ, и которому онъ и теперь неизмѣнно сочувствуетъ въ его годичномъ пути вокругъ солнца... Мiръ, столь близкiй къ намъ, что наши астрономы могли опредѣлить очертанiя его материковъ, высоту его горъ, размѣры и расположенiе его морей... Мiръ, столь тѣсно связанный съ нашею жизнью, что съ самыхъ незапамятныхъ временъ фазы его служили для измѣренiя нашего времени. Словомъ, это луна, которую необходимо вырвать изъ ея одиночества и присоединить ее къ матери землѣ, слить ее съ настоящей родиной ея повелительницей и покровительницей!.. (Новыя рукоплесканiя, новые возгласы одобренiя въ толпѣ).

Костерусъ Вагнеръ не захотѣлъ обижать своихъ слушателей, повторивъ имъ еще разъ все то, что въ настоящее время знаетъ каждый, мало-мальски образованный человѣкъ; а именно, что этотъ лунный мiръ, изслѣдованный до мелочей нашими астрономами, пронизанный, такъ сказать, насквозь нашими телескопами, представляетъ собою

шаръ, имѣющій 869 миль въ діаметрѣ и что поверхность луны равняется тринадцатой долѣ поверхности земнаго шара, или превосходитъ въ четыре раза поверхность Европы, и въ сорокъ одинъ разъ площадь Франціи, и что, слѣдовательно, луна можетъ представлять собою весьма завидную колонію. Что-же касается разстоянія, отдѣляющаго луну отъ земли, то ораторъ имѣлъ въ виду говорить о немъ лишь для того только, чтобы констатировать, что оно столь незначительно, что равняется временами 96,000 миль, а временами—90,000 миль, иначе говоря, девятикратной окружности земнаго шара, или взятому двадцать разъ разстоянію между Мельбурномъ и Лондономъ!

Костерусъ Вагнеръ не побоялся сказать жадно внимавшимъ ему слушателямъ, что въ настоящее время, благодаря средствамъ, какими располагаетъ теперь наука, луна несравненно ближе отъ насъ, чѣмъ были Мысъ Доброй Надежды или островъ Куба для грековъ временъ Перикла или римлянъ временъ Августа. Главное, на что онъ всячески старался привлечь вниманіе своихъ слушателей, было слѣдующее: до настоящаго момента еще нельзя было сказать съ увѣренностью, обитаема-ли луна или нѣтъ. Но какъ-бы тамъ ни было, необходимо было завязать съ ней сношенія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ!.. Если она обитаема людьми достаточно многочисленными, достигшими извѣстной степени цивилизаціи — то было крайне важно превратить этихъ гражданъ луны въ кліентовъ англійскихъ мануфактуръ. Если-же луна, напротивъ того, была необитаема, то и въ такомъ случаѣ было необходимо открыть для британской промышленности широкое поле дѣятельности, предоставивъ въ ея распоряженіе громадныя минеральныя богатства, которыя, несомнѣнно, хранятся въ нѣдрахъ этой дѣвственной еще природы!..

Эта смѣлая задача вызвала въ слушателяхъ Костеруса Вагнера такой сильный энтузіазмъ, что посыпавшіеся отовсюду аплодисменты заглушили на мгновеніе даже голосъ оратора. „Слушайте! слушайте!“ кричали голоса. „Мы всѣ

здѣсь собрались! приступимъ къ выборамъ!“ кричало нѣсколько лицъ, подписавшихся на акціи и сгоравшихъ отъ нетерпѣнія знать тѣмъ, кто будетъ избранъ.

— Я слышу, господа, что отъ меня требуютъ приступить къ выборамъ! — сказалъ Костерусъ Вагнеръ, когда шумъ аплодисментовъ и крики немного утихли и водворилась сравнительная тишина. — Для того мы и собрались сюда; и я имѣю честь и удовольствіе объявить вамъ, господа, объявить всему нашему уважаемому собранію, что тѣ десять тысячъ акцій, которыя мы выпустили, уже давно разобраны и что мы были принуждены, къ великому нашему сожалѣнію, отвѣчать отказомъ на множество требованій (новый взрывъ аплодисментовъ). Теперь намъ остается только приступить къ выборамъ, если только нашъ уважаемый и высокочтимый предсѣдатель ничего противъ того не имѣетъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ голосованію, я считаю своимъ долгомъ, согласно существующему въ подобныхъ случаяхъ обычаю, пригласить лицъ, желающихъ сдѣлать какія-либо возраженія, высказать свое мнѣніе, предоставивъ имъ слово.

Но никто не пожелалъ на этотъ разъ ничегов озражать, и потому никто не выступилъ впередъ и не воспользовался приглашеніемъ Костеруса Вагнера. Только въ самомъ концѣ залы, гдѣ-то въ отдаленномъ углу, поднялся со своего мѣста какой-то молодой человѣкъ, какъ-бы намѣреваясь сдѣлать какой-то вопросъ, но тотчасъ-же опять опустился на свое мѣсто, не разжавъ рта. Выждавъ минуты три, лордъ Рандольфъ Клэдероу, всталъ и, вѣжливо склонившись сперва въ сторону другого изъ своихъ засѣдателей, торжественно произнесъ:

— Господа, честь имѣю объявить, что вопросъ о выборѣ членовъ и окончательномъ составѣ Selene-Company limited, Анонимной компаніи на акціяхъ, для изслѣдованія и разработки минеральныхъ богатствъ луны, съ основнымъ капиталомъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, раздѣленныхъ на десять тысячъ акцій, поставленъ мною на голоса.

Пусть всѣ тѣ, кто желаетъ принять участіе въ выборахъ Общества, потрудятся поднять руку...

Всѣ руки разомъ поднялись вверхъ, какъ будто невидимыя нити вздернули ихъ къ потолку.

— Кто имѣетъ сказать что-либо противъ?

Ни одна рука не выразила протеста противъ всеобщаго голосованія.

— Не можетъ, кажется, быть никакихъ сомнѣній относительно настроенія почтеннаго собранія,—продолжалъ лордъ Рандольфъ Клэдероу (новые апплодиссементы и одобрительные возгласы). — Въ такомъ случаѣ честь имѣю объявить собранію, что Лунное Общество (Selene-Company) утверждено... и засимъ, имѣю честь приступить къ чтенію устава, который по требованію закона долженъ быть подвергнутъ голосованію по отдѣльнымъ статьямъ! — Статья I-я! „Завѣдываніе дѣлами есть и останется, вплоть до полнаго осуществленія задуманнаго плана, въ рукахъ г. Костеруса Вагнера и его помощниковъ, гг. Питера Грифинса и Игнатія Фогеля, иниціаторовъ этого смѣлаго предпріятія". Ставлю этотъ I параграфъ устава на голоса: приглашаю всѣхъ, кто съ этимъ постановленіемъ согласенъ...

— Прошу слова!—послышался въ концѣ залы голосъ съ весьма замѣтнымъ французскимъ акцентомъ. И тотъ самый молодой человѣкъ, который уже разъ собирался возвысить голосъ во время перваго голосованія, всталъ и передалъ свою карточку, которая, переходя изъ рукъ въ руки, быстро дошла до предсѣдателя. Послѣдній, взглянувъ на нее, произнесъ:

— Господинъ Норберъ Моони, докторъ, астрономъ состоящій при Парижской обсерваторіи, находящійся по распоряженію академіи наукъ въ настоящее время въ комадировкѣ въ Новой-Зеландіи и Тасманіи, имѣетъ слово!

Глаза всѣхъ присутствующихъ мгновенно обратились въ сторону молодого иностранца, направлявшагося къ эстрадѣ и теперь уже сходившаго на нее.

— Господа, — началъ онъ, — я просилъ слова, чтобы

сдѣлать одно небольшое замѣчаніе. Я самъ подписался ан двадцать акцій Selene-Company (Луннаго общества), что должно служить несомнѣннымъ для васъ доказательствомъ того, что и я сторонникъ этого предпріятія, что и я считаю его вполнѣ осуществимымъ и надѣюсь видѣть его осуществившимся. Но если я вполнѣ понималъ до настоящаго момента то молчаніе, какое гг. иниціаторы считали нужнымъ хранить относительно способовъ, какими они разсчитываютъ достигнуть осуществленія своего предпріятія, то теперь, когда составъ общества уже утвержденъ, я положительно не могу понять, какъ можно переходить къ голосованію отдѣльныхъ статей и параграфовъ устава, не ознакомившись, хотя-бы въ общихъ чертахъ, съ тѣми средствами, на которыя господа иниціаторы разсчитываютъ для осуществленія своей программы. И вотъ, по этому-то поводу я и желалъ-бы попросить нѣкоторыхъ объясненій, прежде чѣмъ вручить интересы всѣхъ насъ, а, главнымъ образомъ, интересы науки въ руки комитета иниціаторовъ!

Справедливость и скромность этого требованія какъ-то разомъ поразили всѣхъ присутствующихъ.

— Онъ правъ! онъ правъ!..—послышалось нѣсколько голосовъ въ толпѣ.

Костерусъ Вагнеръ, видимо, раздосадованный этимъ вмѣшательствомъ чужеземца, все-же принужденъ былъ выступить на эстраду и держать отвѣтъ.

— Господа,—смѣло сказалъ онъ,—одно изъ первыхъ и необходимѣйшихъ условій успѣха въ такого рода предпріятіяхъ является абсолютная, безусловная тайна касательно самыхъ операцій. Вы до настоящаго времени дѣлали мнѣ честь, удостаивая меня полнаго вашимъ довѣріемъ, позвольте же мнѣ и далѣе требовать того-же довѣрія, какъ единственной надежной гарантіи противъ всякаго рода подражателей и недоброжелателей!..

— Есть средство совмѣстить вполнѣ и то, и другое,—возразилъ на это Норберъ Моони,—пусть гг. иниціаторы сообщатъ свой планъ не всему собранію, а избраннымъ этимъ

собраніемъ делегатамъ, которые могутъ быть избраны сейчасъ-же изъ людей компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. Делегаты могутъ удалиться въ отдѣльную комнату и, переговоривъ съ членами комитета иниціаторовъ, сдѣлать намъ краткій отчетъ въ общихъ чертахъ, сохранивъ въ тайнѣ все то, что они найдутъ нужнымъ не сообщать публикѣ, но ознакомивъ ее со всѣмъ остальнымъ... Тогда мы можемъ сознательно приступить и къ голосованію устава общества во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ.

— Да это правда!.. это правда!—крикнули нѣсколько акціонеровъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! мы не хотимъ делегаціи!.. Мы требуемъ ясныхъ и точныхъ объясненій въ присутствіи всего собранія, а отнюдь не въ отдѣльной комнатѣ!—кричали другіе.

Послышался шумъ, гамъ, разные голоса. Предсѣдатель, собравъ достаточное количество голосовъ, требовавшихъ публичнаго объясненія, счелъ своимъ долгомъ заявить, что общее настроеніе умовъ требуетъ объясненія при всемъ собраніи и что, слѣдовательно, такого рода объясненіе, будь оно хотя-бы и со многими ограниченіями, все-же необходимо.

Костерусъ Вагнеръ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія со своими компаніонами, повидимому, довольно охотно примирился съ необходимостью.

— Могу васъ увѣрить, господа,—началъ онъ весьма развязно, возвращаясь въ третій разъ на эстраду,—что я предпочелъ-бы, несомнѣнно, полнѣйшую тайну, и признаюсь, что и теперь держусь того-же мнѣнія, что это было-бы самое лучшее и самое разумное, а главное, самое осторожное во всѣхъ отношеніяхъ... Тѣмъ не менѣе, признавая вполнѣ естественнымъ и законнымъ ваше настоящее требованіе, я полагаю, что въ общемъ не представится особыхъ затрудненій, разъ, что общество наше окончательно утверждено, изложить вамъ въ главныхъ общихъ чертахъ мой планъ! (Гулъ аплодисментовъ)...

(Тс... Тс!)—Вотъ въ краткихъ словахъ самая суть дѣла. Разстояніе, или вѣрнѣе близость, луны къ землѣ равняется, какъ я уже имѣлъ честь напоминать раньше, 90,000 миль. А что такое, въ сущности, эти 90,000 миль? Это тридцать разъ взятый діаметръ земнаго шара; это менѣе, чѣмъ сумма протяженій всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій на поверхности нашей планеты! И это-ли можетъ остановить сыновъ конца девятнадцатаго вѣка, то поколѣніе, которое съумѣло и провести тунель подъ Снт.-Готтардомъ, и прорыть Суэцкій и Панамскій перешейки? Конечно, нѣтъ! я этого не могу даже допустить. Весь вопросъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы построить воздушный туннель, въ видѣ трубы, достаточно надежно утвержденный въ почвѣ и простирающійся вертикально по направленію луны. Этотъ туннель или труба, называйте его, какъ хотите, долженъ быть построенъ изъ чугунныхъ сегментовъ, соединенныхъ между собою. Допустимъ только, что одинъ изъ этихъ сегментовъ уже стоитъ на своемъ мѣстѣ,—и затѣмъ, все остальное есть уже дѣло простаго умноженія... Понятно, что такого-же рода предпріятіе можетъ для многихъ показаться смѣлымъ, да, но оно осуществимо! Собственно говоря, это ничто иное, какъ утвердить на апельсинѣ, имѣющемъ шесть сантиметровъ въ діаметрѣ, тонкую, какъ волосокъ, трубочку длиною въ одинъ метръ и 42 сантиметра... Попробуйте замѣнить этотъ маленькій апельсинъ земнымъ шаромъ, а тонкую, какъ волосъ, трубочку — трубою требуемыхъ размѣровъ и задача останется практически совершенно одна и та-же... Вотъ въ общихъ чертахъ моя мысль, господа... причемъ я, конечно, оставляю за собою право сохранить до поры, до времени, въ тайнѣ всѣ тѣ мелкія подробности, тѣ пути и средства, которые съумѣютъ облегчить мнѣ эту кажущуюся, столь трудной задачу. Простой здравый смыслъ подскажетъ вамъ, господа, что было-бы крайне неумѣстно и даже небезопасно говорить обо всемъ этомъ здѣсь. Я полагаю, что вполнѣ достаточно будетъ, если скажу вамъ, что считаю себя вправѣ смѣло увѣрять васъ

въ томъ, что всѣ планы уже готовы, что всѣ они основательно обдуманы, что въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего призрачнаго, и что разъ они будутъ приведены въ исполненіе, то покажутся всѣмъ весьма простыми и несложными.

Нѣсколько аплодисментовъ привѣтствовали рѣчь Костеруса Вагнера, но аплодисменты эти были немногочисленны и какъ-то нерѣшительны, робки. Ясно было, что въ общемъ собраніе было скорѣе разочаровано, чѣмъ очаровано этимъ объясненіемъ и скорѣе недовольно, чѣмъ довольно ораторомъ и его рѣчью.

Всѣ глаза были обращены теперь на Норбера Моони, слушавшаго Костеруса Вагнера съ плохо скрываемымъ пренебреженіемъ.

— Позвольте еще одинъ простой вопросъ,—сказалъ этотъ послѣдній, когда ораторъ окончилъ свою рѣчь, — къ какого рода средству намѣрены вы прибѣгнуть, чтобы путешествовать въ вашей трубѣ? ужъ не къ веревкѣ-ли, какъ трубочисты?

— Эта задача можетъ имѣть нѣсколько различныхъ рѣшеній,—отвѣчалъ Костерусъ Вагнеръ, — можно будетъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ въ то время, когда будетъ строится тоннель.

— Да, у васъ дѣйствительно хватитъ на это времени,— насмѣшливо согласился французскій астрономъ,—потому что это предпріятіе, т. е. сооруженіе этого гигантскаго воздушнаго тоннеля, если даже и считать его возможнымъ, во всякомъ случаѣ потребуетъ цѣлаго ряда годовъ для своего осуществленія!

— Не такъ ужъ много, какъ вы, повидимому, полагаете!—воскликнулъ Костерусъ Вагнеръ, — я берусь окончить всю эту работу въ теченіи пяти лѣтъ!..

— Въ пять лѣтъ! — воскликнулъ въ свою очередь Норберъ Моони, доставая изъ кармана свою записную книжку.— Ну, нѣтъ, до этого далеко!.. Если не ошибаюсь и если я хорошо понялъ вашу мысль, вы собираетесь, повидимому, построить нѣчто въ родѣ Вавилонской башни, не такъ-

ли? Громадный маякъ, воздвигнутый на возможно широкомъ основанiи и при томъ на возможно высокомъ, что вы можете встрѣтить гдѣ-нибудь на Гиммалаяхъ, напримѣръ, и этотъ-то маякъ долженъ выростать, этажъ за этажомъ, вплоть до луны. Я уже не буду настолько нескроменъ, чтобы спросить у васъ, откуда вы добудете вашимъ рабочимъ такого воздуха, которымъ они могли-бы дышать, когда работа ихъ подвинется на столько, что имъ придется строить на такой высотѣ, гдѣ воздухъ уже слишкомъ разрѣженъ. Вотъ, что я вамъ скажу, и скажу не голословно, а на основанiи самыхъ точныхъ математическихъ данныхъ: допустимъ, что ваша башня въ теченiе перваго года достигнетъ высоты въ сто метровъ — что будетъ уже выше всѣхъ до нынѣ существовавшихъ зданiй, построенныхъ руками человѣческими, кромѣ двухъ-трехъ исключенiй; — и тогда, знаете-ли, сколько вамъ потребуется времени на окончанiе вашей постройки?—3,600,000 лѣтъ! Допустимъ даже, что вы ежегодно будете строить по цѣлой милѣ въ вышину — что почти невѣроятно, — и тогда на ваше сооруженiе потребуется 90,000 лѣтъ! При условiи, что вы будете строить по 125 миль въ годъ — вамъ все-же необходимо будетъ потратить на это 726 лѣтъ. При условiи 1,000 миль (что составляетъ четыре миллiона метровъ) вамъ надо будетъ 90 лѣтъ...

— Для того, чтобы выстроить вашу башню въ пять лѣтъ, вы должны ежегодно строить по 17,000 миль въ высоту, иначе говоря, по шестидесяти восьми миллiоновъ метровъ! Вотъ результаты самаго элементарнаго ариѳметическаго разсчета... И такъ, съ этой точки зрѣнiя планъ вашъ прямо таки неосуществимъ и непригоденъ, если допустить даже, что во всѣхъ другихъ отношенiяхъ онъ вполнѣ осуществимъ!

Холодный душъ, который-бы вдругъ окатилъ все почтенное собранiе, конечно, не произвелъ-бы болѣе охлаждающаго, скажемъ, леденящаго впечатлѣнiя, чѣмъ эта аргументацiя. Костерусъ Вагнеръ чувствовалъ себя буквально пришибленнымъ и не могъ возразить ни слова.

— Надо признать голосованiе недѣйствительнымъ и по-

*

требовать назадъ наши деньги!—крикнулъ вдругъ одинъ крупный хлѣботорговецъ.

— Да!.. да!.. да!.. потребовать назадъ наши деньги!—точно эхо загудѣли разомъ сотни голосовъ.

— Вы не можете этого сдѣлать! Вы не имѣете на это права!—зарычалъ Питеръ Грифинсъ, выскочивъ впередъ къ самому краю эстрады и грозя кулаками почтенному собранію.—Разъ дѣло рѣшено голосованіемъ и составленъ протоколъ, то и самъ Парламентъ не можетъ измѣнить принятаго рѣшенія!.. Всѣ акціи принадлежатъ компаніи!.. Кто не доволенъ дирекціей этой компаніи, можетъ уходить, но деньги останутся въ кассѣ общества!

— А въ этомъ-то по вашему и вся суть! не такъ-ли?—крикнулъ чей-то злобный, рѣзкій голосъ, заглушая общій шумъ и гамъ. Предсѣдатель тщетно пытался водворить порядокъ. Онъ собирался уже встать и надѣть шляпу, выразивъ этимъ, что считаетъ засѣданіе закрытымъ, но Норберъ Моони сдѣлалъ знакъ, что онъ еще не досказалъ своей мысли.

Тотчасъ-же водворилась тишина и молчаніе.

— Но то, что я сейчасъ сказалъ, еще вовсе не значитъ, чтобы самая мысль компаніи была нелѣпа и неосуществима! — продолжалъ молодой ораторъ, — отнюдь нѣтъ! Признаюсь даже, что прежде, чѣмъ я увидѣлъ заявленія Selene-Company, я былъ уже убѣжденъ, что мысль эта осуществима. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ самъ я занимаюсь той задачей, которая лежитъ въ основѣ этого Общества и признаюсь, я того мнѣнія, что для человѣчества положительно стыдно, что оно до сихъ поръ не завоевало еще луны, не сдѣлало ее, эту спутницу свою, эту столь близкую сосѣдку свою, безусловной собственностью!..

— Какъ и г. Вагнеръ, я тоже того убѣжденія, что если мы теперь-же не рѣшимся взяться за дѣло завоеванія луны, то наши сыновья или внуки непремѣнно сдѣлаютъ это и будутъ смѣяться надъ тѣми, кто считалъ это дѣло невозможнымъ... Вотъ почему, какъ только я узналъ изъ газетъ

о томъ, что нашлись предприниматели, которые рѣшили попытаться осуществить эту мысль, я тоже пожелалъ принести свою малую лепту этому благому начинанію и самъ поспѣшилъ сюда. То, что я позволилъ себѣ критиковать, это отнюдь не самую мысль Общества, отнюдь не его задачу, а то разрѣшеніе этой задачи, которое намъ было предложено. Мнѣ оно кажется неосновательнымъ, необдуманнымъ, пустымъ и неудобоосуществимымъ. Но я считаю, что всѣ эти трудности легко преодолимы—инымъ путемъ!

— А, такъ! такъ это слѣдовало сказать съ самаго начала, что вы имѣете свой личный маленькій планъ на этотъ счетъ!—зарычалъ Костерусъ Вагнеръ.

— Да, я имѣю свой личный планъ, и если уважаемое собраніе разрѣшитъ мнѣ, то позволю себѣ тутъ-же изложить его вкратцѣ!—сказалъ Норберъ Моони.—Я нарочно съ этою цѣлью пріѣхалъ въ Мельбурнъ. Но прежде всего, чтобы меня не приняли за какого-нибудь мечтателя или шарлатана, или за утописта, я считаю нужнымъ сказать, кто я такой!

— Да! да! говорите!—кричали слушатели, очарованные его теплою живою рѣчью. Ободряемый апплодиссементами Норберъ Моони въ краткихъ, крупныхъ чертахъ съ подобающей скромностью разсказалъ безъ лжи и утаекъ свою личную повѣсть. Онъ заявилъ, кто онъ въ данный моментъ, какіе, именно, предметы онъ преимущественно изучалъ, надъ чѣмъ, именно, болѣе всего работалъ. Сынъ лѣсного инспектора, онъ съ ранняго дѣтства почувствовалъ влеченіе къ математическимъ наукамъ, съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ морского училища, а затѣмъ и Парижской политехнической школы и на двадцать второмъ году былъ причисленъ къ Академіи наукъ въ качествѣ астронома. Будучи послѣдовательно прикомандированъ къ обѣимъ ученымъ экспедиціямъ, отправлявшимся: первая на Таппи, вторая на островъ Кергуленъ, онъ имѣлъ счастіе открыть двѣ новыхъ планеты, еще никѣмъ не описанныя, и награжденъ академіей наукъ одной изъ ея большихъ наградъ за свои труды по спек-

тральному анализу. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ путемъ наслѣдованія небольшое состояніе и затѣмъ прикомандировался къ новой астрономической миссіи, отправлявшейся въ Тасманію. Вотъ въ этотъ-то моментъ онъ изъ газетъ узналъ о вновь образовавшемся въ Мельбурнѣ акціонерномъ обществѣ. Такого рода спекуляціи были какъ разъ по душѣ Норберу Моони, потому что они на крыльяхъ смѣлой гипотезы уносятъ далеко за предѣлы современной науки, открывая уму и предпріимчивости широкіе горизонты. Какъ часто, занимаясь изслѣдованіями луны, изучая ея горы, кратеры, долины и моря, дѣлая фотографическіе снимки ея поверхности, онъ мечталъ о средствахъ, перенестись въ эти заманчивыя, далекія страны. И, не довольствуясь однѣми мечтами, онъ пробовалъ заговаривать объ этомъ. Многіе старые астрономы, привыкшіе ходить, какъ въ шорахъ, въ своей закладкѣ, привыкшіе къ рутинѣ своихъ ежедневныхъ наблюденій, которыя они затѣмъ установленнымъ порядкомъ разрабатывали при помощи классическихъ формулъ, съ негодованіемъ выслушивали его смѣлыя теоріи, которыя онъ не старался скрывать отъ нихъ. Напрасно молодой астрономъ указывалъ имъ на громадные успѣхи, какія дѣлаетъ ежегодно физика и изслѣдованія луны, доказывая, что столь близкое знакомство съ этимъ спутникомъ, что его карты, болѣе точныя и подробныя, чѣмъ карты африканскаго материка на земномъ шарѣ, все это указываетъ на путь, по которому намъ слѣдуетъ идти впередъ—все это обѣщаетъ намъ въ близкомъ будущемъ болѣе тѣсныя и прямыя сношенія съ луной. Но за такія рѣчи старые астрономы смотрѣли на него, какъ на еретика, и возмущенный такой рутиной Норберъ Моони поклялся въ душѣ сохранить всѣ свои мечты и планы до поры, до времени про себя и дождаться того дня, когда ему представится возможность примѣнить ихъ къ дѣлу.

Уже давно ему казалось, что онъ нашелъ разрѣшеніе этой трудной задачи. Единственное затрудненіе, представлявшееся ему, это — необходимость большихъ денежныхъ

затратъ: на это требовался крупный капиталъ, котораго онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Но теперь этотъ капиталъ былъ на лицо. Весьма возможно, что собраніе потеряло уже право вернуть обратно свои деньги, да, но оно во всякомъ случаѣ сохранило за собой право располагать по своему усмотрѣнію этими деньгами, или вѣрнѣе, управлять ими. Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, одобритъ-ли и приметъ ли уважаемое собраніе то разрѣшеніе вопроса, какое онъ, Норберъ Моони, собирался предложить.

— Говорите! говорите! — кричали ему со всѣхъ сторонъ.

— И такъ, я приступаю теперь къ самому плану достиженія поставленной Selene Company цѣли, плану, который я, по своему глубокому убѣжденію, считаю осуществимымъ!— сказалъ молодой ученый, выпивая стаканъ воды, чтобы прочистить голосъ.

VII. Sic vos non vobis.

— Прежде всего,—продолжалъ Норберъ Моони, обращаясь къ собранію Викторіи, очарованному его ясной, увлекательной рѣчью,—намъ слѣдуетъ выяснить себѣ самый характеръ той задачи, которая теперь представляется намъ!

— Чего всѣ мы, собравшіеся здѣсь, собственно говоря, желаемъ?... Съѣздить на луну съ чисто научной цѣлью и вернуться оттуда съ большой тетрадью любопытныхъ записокъ и замѣтокъ?... Конечно, многіе удовольствовались бы и этимъ, но я думаю, что не ошибусь, если скажу, что акціи Selene-Company нашли столькихъ охотниковъ отнюдь не ввиду этой прекрасной цѣли... (Одобрительныя улыбки на всѣхъ лицахъ). Нѣтъ, то, чего требуетъ громадное большинство нашихъ акціонеровъ, это—установленіе постояннаго сообщенія съ луной, такого рода способа сообщенія, который, будучи разъ установленъ, далъ бы каждому изъ насъ

возможность ѣздить туда и обратно во всякое время съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность заняться тамъ изслѣдованіями и изысканіями минеральныхъ богатствъ луны, имѣть возможность перевозить на землю продукты этихъ изысканій... Кромѣ того, необходимо, чтобы этотъ способъ сообщенія не представлялъ собою никакихъ особыхъ затрудненій, никакихъ чрезвычайныхъ трудностей и при томъ не былъ свыше нашихъ матеріальныхъ средствъ—однимъ словомъ, чтобы онъ былъ практиченъ и доступенъ для многихъ, чтобы это сношеніе съ луной могло стать дѣломъ обычнымъ для обитателей земнаго шара наравнѣ съ мореплаваніемъ или путешествіями по желѣзнымъ дорогамъ.

Да, но вотъ господа, какія два препятствія стоятъ на нашемъ пути къ изобрѣтенію подобнаго способа сообщенія: первое, это—разстояніе между землею и луной, совершенно незначительное въ теоріи, но весьма серіозное на самомъ дѣлѣ; а второе, это то, что относительно атмосферы луны до настоящаго момента нельзя еще сказать ничего положительнаго. Существуетъ ли эта атмосфера? Многіе астрономы сомнѣваются въ этомъ... Я лично не принадлежу къ ихъ числу и могъ бы представить вамъ въ подтвержденіе своего мнѣнія такого рода факты и доказательства, которые считаю неоспоримыми и неопровержимыми. Но, что касается того, возможно ли человѣку жить и дышать въ этой атмосферѣ, то это дѣло другого рода: въ данный моментъ, строго опираясь на нашу науку и изслѣдованія, никто не можетъ дать положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ!... Во всякомъ случаѣ, осторожность требуетъ, чтобы мы отправляясь на луну, имѣли при себѣ достаточный запасъ необходимаго намъ для дыханія воздуха, по примѣру того, какъ это дѣлаютъ водолазы, спускающіеся на дно океана. Уже изъ одного этого явствуетъ, что дѣло это неосуществимо при такихъ условіяхъ для большого числа людей, неосуществимо для массы, въ широкихъ размѣрахъ, а слѣдовательно, непригодно для промышленныхъ цѣлей, если даже и допустить, что это возможно въ отдѣльныхъ случаяхъ, для еди-

...шееся ему, ...

ничныхъ личностей въ видахъ научныхъ изслѣдованій... (Разнородное движеніе въ толпѣ).

— Такого рода соображенія привели меня къ тому, что для разрѣшенія этой задачи есть еще другой, болѣе практическій способъ, заключающійся, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы прежде всего одарить луну такою же атмосферой, какъ наша,—а единственное средство достигнуть подобнаго результата, это—„заставить луну спуститься въ нашу атмосферу"... (Невольныя восклицанія, выраженія удивленія и неожиданности). При этомъ замѣтьте, что мы одновременно въ самой сильной степени сократимъ разстояніе, отдѣляющее насъ отъ луны, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалимъ и множество другихъ затрудненій... Разъ, это намъ удастся, съ того самого момента нашъ спутникъ въ полномъ смыслѣ этого слова станетъ легко доступенъ для насъ; ничто не помѣшаетъ намъ тогда отправляться на луну на воздушныхъ шарахъ, или въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ, устроить тамъ по всѣмъ правиламъ горныя работы, пріиски, шахты, рудники, изыскать изъ нѣдръ луны ея нетронутыя еще минеральныя богатства и отправлять, доставлять или перевозить ихъ такимъ же путемъ на землю... если только мы не пожелаемъ окончательно устроиться и поселиться тамъ, чтобы основать на лунѣ постоянную, цвѣтущую колонію! („Громкіе аплодисменты и веселый смѣхъ").

— Слѣдовательно, въ общей сложности мы можемъ формулировать нашу задачу такъ:

„Не надо намъ отправляться на луну, надо заставить луну спуститься къ намъ!"

— И на это есть множество причинъ и основаній. Во первыхъ, уже потому, что это будетъ менѣе утомительно и болѣе удобно для насъ!

— Затѣмъ потому, что тогда луна станетъ обитаемою для насъ, тогда какъ теперь она, быть можетъ, необитаема въ силу атмосферическихъ причинъ. И, наконецъ, потому, что наша задача, вѣроятно, разрѣшимая такимъ способомъ кажется совершенно неразрѣшимой инымъ путемъ.

— Замѣчу, кстати, что насъ не долженъ даже смущать вопросъ о томъ, что мы потревожимъ въ жизни и привычкахъ почтенныхъ обитателей луны, потому что, судя по всему, они уже давно исчезли, если только когда либо существовали. Луна—не живой міръ. Это дочь земли, охладившаяся и отжившая прежде матери своей, потому что масса ея—менѣе значительная. И такъ мы только окажемъ ей несомнѣнную услугу, сдѣлаемъ по отношенію къ лунѣ доброе дѣло, возвративъ ей немного тепла и использовавъ тѣ громадныя залежи различныхъ горючихъ веществъ, которыя, внѣ всякаго сомнѣнія, таятся въ нѣдрахъ луны! (Громкіе апплодисменты).

— Но, скажутъ мнѣ, вы такъ прекрасно и свободно разсуждаете о томъ, что слѣдуетъ заставить луну спуститься къ намъ... Но знаете ли вы такое средство, съ помощью котораго могли-бы воздѣйствовать на нее, заставить ее повиноваться вашему желанію?.. На это я могъ бы отвѣтить, какъ нѣкогда отвѣтилъ Архимедъ: дайте мнѣ рычагъ достаточной длины и надежную точку опоры,—и я подыму весь міръ! да, но такой отвѣтъ, въ сущности, не былъ бы отвѣтомъ, а потому я предпочитаю сказать вамъ, господа: да, я глубоко и искренно убѣжденъ, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи такую силу, которая можетъ повліять на луну и заставить ее приблизиться къ намъ! (Признаки усиленнаго вниманія въ толпѣ слушателей).

— Называйте эту силу, какъ хотите—электричествомъ ли, или магнетизмомъ—все равно.

— Несомнѣнно, мы обладаетъ этою силой, имѣемъ ее у себя подъ руками. Такъ-же неоспоримо и то, что эта сила примѣнима для какихъ бы то ни было цѣлей и можетъ, въ умѣломъ примѣненіи, выполнить какую угодно работу... Значитъ, все сводится къ тому, чтобы развить ее въ достаточномъ количествѣ. А это, какъ я надѣюсь сейчасъ доказать, не болѣе, какъ простой ариѳметическій вопросъ... Но прежде всего намъ слѣдуетъ, конечно, представить себѣ земной шаръ и луну таковыми, какими они есть

на самомъ дѣлѣ, т. е. въ дѣйствительности; иначе говоря, въ видѣ двухъ шаровъ, вращающихся вмѣстѣ въ пространствѣ, поддерживаемыхъ въ воздухѣ многосложными силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свой объемъ и тяжесть, являющихся сравнительно столь легкими и столь чувствительными ко всякому малѣйшему случайному вліянію, какими только могутъ быть въ нашей атмосферѣ два мыльныхъ пузыря неравной величины. Что эти два шара неразрывно связаны между собой какой-то невидимой нитью, это видитъ каждый. Что они постоянно проявляютъ другъ на друга сильное вліяніе, подвергаясь различнымъ измѣненіямъ, въ настоящее время уже въ точности опредѣленнымъ, это и наши прибрежные рыбаки знаютъ также хорошо, какъ и астрономы. Приливы, напримѣръ, находятся въ непосредственной зависимости отъ луны. Въ первую свою четверть она тянетъ насъ за собой, въ послѣднюю—заставляетъ насъ запаздывать или отставать въ нашемъ движеніи. Мы же, со своей стороны, безусловно держимъ ее прикованной неразрывными узами къ нашей собственной участи и судьбѣ, непреодолимою силою притяженія... И не одна луна подчиняетъ насъ своему вліянію, точно также, какъ мы подчиняемъ ее своему; нѣтъ, мы находимся еще подъ вліяніемъ многихъ другихъ планетъ. Нашъ земной шаръ, кажущійся намъ такимъ невѣроятно громаднымъ и тяжелымъ, въ дѣйствительности, въ безпредѣльномъ пространствѣ является едва замѣтной точкой, однимъ изъ тѣхъ маленькихъ потѣшныхъ шаровъ, какими такъ забавляются дѣти, держа ихъ на привязи на длинной ниткѣ, шаровъ, которые отгоняетъ далеко въ сторону малѣйшее движеніе или колебаніе воздуха.

Достаточно того, чтобы Венера прошла между нами и солнцемъ, и земной шаръ тотчасъ-же почувствуетъ сильное притяженіе къ свѣтилу дня и замѣтно приблизится къ нему. Юпитеръ, держащійся въ эфирѣ на разстояніи двухъ сотъ милліоновъ миль отъ нашего земнаго шара, притягиваетъ его къ себѣ по пути и измѣняетъ нашъ курсъ. На разстояніи цѣлаго милліарда миль Нептунъ под-

вергается силѣ притяженія солнца, такъ-же какъ и наша планета на разстояніи тридцати семи милліоновъ миль. И та же непреодолимая сила, дѣйствуя на кометы, отстоящія на тридцать и сорокъ милліардовъ миль отъ солнца въ невидимой дали безпредѣльнаго пространства, заставляетъ ихъ повиноваться себѣ—и онѣ послушно спѣшатъ въ его раскаленное горнило. На разстояніи трилліонъ и квадрильоновъ миль міры во сто тысячъ разъ болѣе обширные и тяжеловѣсные, чѣмъ нашъ земной шаръ, взаимно поддерживаютъ другъ друга въ пространствѣ все тою-же силою притяженія. Что это за таинственная связь, связующая такимъ образомъ и поддерживающая висящими въ пространствѣ всѣ эти безчисленные міры, населяющіе безбрежный воздушный океанъ? Не я отвѣчу на этотъ вопросъ, господа, но моими устами отвѣтитъ вамъ извѣстный прославленный директоръ римской обсерваторіи покойный Секки:

„Та таинственная связь, которая связуетъ между собою безчисленные міры—это магнитизмъ, по преимуществу сила космическая, такъ какъ не существуетъ такого тѣла, которое не подверглось-бы его вліянію. Сила эта отнюдь не является спеціальнымъ свойствомъ земли.—Всѣ міры обладаютъ ею и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, подобно громаднымъ магнатомъ необычайной силы!“

— Этотъ выводъ самаго выдающагося изъ современныхъ астрономовъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чтобы должно было удивить васъ. Вы уже по элементарнымъ учебникамъ физики знаете, что земля есть магнитъ, и что этотъ магнитъ, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ магнитный экваторъ и два магнитныхъ полюса, и магнитные мередіаны, и параллели, что интенсивность магнитной силы усиливается отъ экватора къ полюсамъ; вы знаете, что именно потому компасная стрѣлка мгновенно принимаетъ опредѣленное направленіе; кромѣ того, вы знаете, что если наклоненіе магнитной стрѣлки не всегда равно въ различныхъ пунктахъ одной и той-же параллели, и если ея магнитная сила не вполнѣ постоянна, то это объясняется мѣстными особенно-

стями, различными физическими условіями, какъ-то присутствіемъ въ данномъ мѣстѣ горъ, содержащихъ желѣзо въ большемъ или меньшемъ количествѣ, или-же чѣмъ-нибудь подобнымъ...

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это въ одинаковой степени относится и къ лунѣ, потому что нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы она была единственнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ безчисленныхъ міровъ вселенной.

— Крейль, Сабинь, Башъ и многіе другіе констатировали, что нашъ спутникъ вліяетъ на магнетометръ, и что дѣйствіе его измѣняется.

— Вашъ соотечественникъ Гауссъ пошелъ еще дальше: онъ нашелъ возможность измѣрить и опредѣлить силу гигантскаго магнита, который представляетъ собою земля и по его вычисленіямъ выходитъ, что эта сила равняется 8,469 трилліонамъ желѣзныхъ шестовъ, каждый вѣсомъ въ одинъ фунтъ и намагниченныхъ до насыщенія!

— Господа, теперь я подхожу къ цѣли моего разсужденія, быть можетъ, нѣсколько сухого и незанимательнаго, но во всякомъ случаѣ необходимаго для того, чтобы выяснить вамъ мою мысль. Дѣло въ томъ, что мы не только знаемъ, какого именно рода сила приковываетъ къ намъ луну, заставляя ее держаться на дистанціи 90,000 миль, не позволяя ей уноситься въ пространство, повинуясь собственному ея движенію, намъ не только извѣстна степень этой силы, но и кромѣ того, мы имѣемъ еще возможность увеличить ее по мѣрѣ надобности на столько, на сколько того пожелаемъ, потому что отъ насъ однихъ зависитъ устроить электро-магнитъ произвольной силы... Изъ этого не слѣдуетъ-ли само собою, какъ логическій выводъ всего вышесказаннаго, что для того, чтобы сократить разстояніе, отдѣляющее шаръ земной отъ его вѣрной спутницы, луны, и заставить луну спуститься къ намъ настолько, чтобы она стала легко доступной для насъ, достаточно искусственнымъ образомъ увеличить силу земного магнита?...

На этомъ словѣ громъ рукоплесканій и громкіе „ура"— прервали рѣчь молодого ученаго.

Вся эта толпа слушателей, только что такъ глубоко разочарованная и обезкураженная внезапнымъ разрушеніемъ всѣхъ своихъ мечтаній и надеждъ, затѣмъ немного ошеломленная и недоумѣвающая, когда Норберъ Моони противъ воли увлекалъ ее за собою на головокружительную высоту астрономическихъ вычисленій, теперь вздохнула свободно и ликовала, внезапно увидѣвъ передъ собой разрѣшеніе этой казавшейся уже имъ совершенно неразрѣшимой задачи.

Эти люди еще ничего не знали, навѣрное не имѣли ни малѣйшаго представленія о возможной осуществимости этой мысли, но уже не сомнѣвались въ ней, почему-то были заранѣе вполнѣ увѣрены, что она должна быть осуществима. Они снова принялись надѣяться и съ полнымъ довѣріемъ устремлялись впередъ по пути, указанному имъ молодымъ ораторомъ.

— Господа,—продолжалъ Норберъ Моони, когда предсѣдателю собранія удалось, наконецъ, водворить тишину и порядокъ,—какъ я уже сказалъ раньше, Гауссъ считаетъ, что естественная сила земнаго магнетизма равняется 8,464 трилліонамъ желѣзныхъ шестовъ, намагниченныхъ до насыщенія, вѣсомъ въ одинъ англійскій фунтъ каждый. Но слѣдуетъ замѣтить, что имѣются довольно вѣсскія основанія полагать, что эта цифра слишкомъ высока. Принимая, однако, эту цифру за вполнѣ точную, согласимся считать ее за основную цифру, для дальнѣйшихъ вычисленій. И такъ: 8,464 трилліоновъ англійскихъ фунтовъ равняются 3,834 трилліонамъ киллограмовъ; плотность желѣза превышаетъ приблизительно въ семь разъ плотность дистиллированной воды (точнѣе 7,7); 3,834 трилліона килограммовъ мягкаго желѣза представили-бы собою объемъ приблизительно въ 500 трилліоновъ кубическихъ дециметровъ, или, иначе говоря, 500 милліардовъ кубическихъ метровъ. Эта масса должна представлять собою плоскость въ одинъ метръ вышиной или толщиной занимающую площадь въ 50 милліоновъ гектаровъ

или; другими словами, плоскость или пластъ въ 10 метровъ толщиною съ поверхностью въ 5 милліоновъ гектаровъ протяженія или-же, наконецъ, во 100 метровъ вышиною при протяженіи въ 50,000 гектаровъ занимаемой имъ поверхности.

— Вотъ, что долженъ представлять собою искусственный магнитъ, равный по силѣ, силѣ естественнаго магнита земли. Устроить нѣчто подобное было-бы дѣломъ далеко не шуточнымъ, при томъ стоющимъ большихъ денегъ.

— Но, судя по всему, нѣтъ и надобности въ добавочномъ магнитѣ такой громадной силы, чтобы повліять требуемымъ образомъ на луну и нарушить равновѣсіе космическихъ силъ, держащихъ ее на разстояніи 90,000 миль отъ земли. Принимая во вниманіе всѣ пертурбаціи и измѣненія, происходящія съ луною вслѣдствіе простого прохожденія какой-нибудь планеты, мы имѣемъ основаніе думать, что добавочный магнитъ, равный по силѣ своей лишь одной тысячной долѣ силы природнаго магнетизма земли, имѣлъ-бы вполнѣ достаточную притягательную силу, чтобы въ очень значительной мѣрѣ воздѣйствовать на такую маленькую планету, какъ наша спутница—луна.

А такого рода магнитъ (т. е. представляющій собою $^{1}/_{1000}$ долю земнаго магнита), по только что приведенному мною разсчету, долженъ будетъ представлять собою сплоченную массу въ 500 милліоновъ кубическихъ метровъ или пластъ въ 50,000 гектаровъ протяженія толщиною въ 1 метръ или, что то-же, плоскость въ 5,000 гектаровъ при вышинѣ въ 50 метровъ или, наконецъ, всего въ 500 гектаровъ при вышинѣ или толщинѣ въ 100 метровъ, а по желанiй, даже площадь въ 50 гектаровъ при высотѣ въ 1,000 метровъ.

— Такимъ образомъ мы окончательно приблизились къ размѣрамъ работъ, вполнѣ доступныхъ въ настоящее время современному строительному искусству. При проведеніи самой незначительной линіи желѣзныхъ дорогъ, зачастую встрѣчается надобность въ болѣе значительныхъ затратахъ.

— Но и такой идеальный магнитъ, построенный изъ мягкаго

желѣза вполнѣ однороднаго, тѣмъ не менѣе долженъ стоить очень большихъ денегъ, приблизительно около двухъ или трехъ милліардовъ франковъ. И хотя человѣчество вообще не скупится на такого-же рода траты, когда дѣло идетъ о подобныхъ расходахъ на какую-нибудь болѣе или менѣе глупую и безсмысленную войну; хотя одни ежегодные военные расходы въ Европѣ въ мирное время, превосходятъ на много эту цифру—то-же самое человѣчество не доросло еще до того, чтобы свободно и охотно жертвовать двумя, тремя милліардами разомъ на предпріятіе, клонящееся къ общей пользѣ... И такъ, намъ придется устраивать нашъ магнитъ возможно удешевленнымъ способомъ.

— Къ счастію, сама природа доставляетъ намъ необходимые элементы въ особаго рода веществѣ, которое можетъ быть примѣнено въ своемъ естественномъ видѣ для той цѣли, какую мы имѣемъ ввиду: такого рода веществомъ является магнитный пиритъ, или сѣрнистое желѣзо. Это вещество, весьма часто встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно пріобрѣсти за цѣну равную стоимости самой разработки. Я предлагаю устроить нашъ магнитъ въ видѣ искусственной горы изъ желѣзнаго пирита. Избравъ для этой цѣли мѣстность, изобилующую пиритомъ, гдѣ-бы рабочія руки не были слишкомъ дороги, а самое мѣсто было безвозмездно отдано въ наше распоряженіе, мы могли-бы, какъ я смѣю утверждать по моимъ вычисленіямъ и разсчетамъ, построить такой электро-магнитъ, обладающій требуемою для нашего предпріятія силой на какіе-нибудь 10 или 12 милліоновъ франковъ, что не составляетъ даже и четвертой доли нашего общаго основнаго капитала. Само собою разумѣется, что это составитъ только часть необходимыхъ расходовъ, такъ какъ, кромѣ того, придется пріобрѣсти аппараты для вырабатыванія электричества и оплачивать двигательную силу. Но я берусь доказать, что 15-ти или 16-ти милліоновъ франковъ можетъ хватить на покрытіе всѣхъ расходовъ. А между тѣмъ, что значитъ подобная сумма въ сравненіи съ тѣми результатами, на которые можно разсчиты-

вать въ случаѣ удачи? Это чуть-ли не менѣе годоваго дохода нѣкоего извѣстнаго пэра Англіи или извѣстнаго банкира, которыхъ я могъ-бы назвать по имени, вотъ это что! Это менѣе, чѣмъ одна семьдесятъ пятая часть того, что только Англія и Франція ежегодно вносятъ въ свой бюджетъ военнаго министерства. Мы имѣемъ съ избыткомъ всю сумму, требуемую для осуществленія нашего предпріятія. Надо только умѣючи расходовать ее. Таковъ, господа, въ общихъ чертахъ тотъ планъ, который я осмѣливаюсь предложить вамъ. Войти во всѣ его подробности будетъ вовсе не такъ трудно: для этого потребуется прежде всего избрать мѣстомъ дѣйствія мѣстность, легко доступную, притомъ изобилующую магнитнымъ желѣзомъ, мало воздѣлываемую, чтобы самое мѣсто не могло стоить дорого въ случаѣ, если намъ нельзя будетъ получить это мѣсто, или землю, совершенно даромъ, и по возможности мѣстность безусловно чуждую общей цивилизаціи, не подлежащую никакимъ стѣснительнымъ законамъ, чтобы мы могли дѣйствовать совершенно свободно, заранѣе увѣренные въ томъ, что цѣль неизвѣстна и даже не понятпа для окружающихъ насъ людей. Если вы того мнѣнія, что вамъ слѣдуетъ принять мой проектъ, какъ наиболѣе практичный и удобоисполнимый, то я считаю долгомъ заявить, что всегда готовъ служить вамъ въ этомъ дѣлѣ!

— Возьмете-ли вы на себя лично управленіе всѣмъ этимъ сложнымъ дѣломъ?—спросилъ кто-то изъ акціонеровъ.

— Да, охотно!—отвѣтилъ Норберъ Моони,—но съ однимъ только условіемъ; а именно, чтобы у меня руки были ничѣмъ не связаны въ техническихъ вопросахъ этого дѣла, а чтобы для контроля надо мною въ денежныхъ дѣлахъ былъ избранъ особый контрольный комитетъ, на обязанностяхъ котораго лежала-бы вся финансовая отчетность!

Желаніе всего почтеннаго собранія было до такой степени ясно и несомнѣнно и до такой степени единогласно, что лордъ Клэдероу не попытался даже вернуться назадъ, къ первому вопросу, поставленному имъ на голоса, и безъ

дальнѣйшихъ околичностей предложилъ его вторично, уже въ измѣненной формѣ.

— Господа,—сказалъ онъ,—я ставлю на голоса статью первую устава настоящаго общества, замѣнивъ именемъ господина Норбера Моони имена трехъ гг. инициаторовъ этого новаго общества, которыхъ я называлъ раньше!

— Вы не имѣете на это никакого права!—яростно крикнулъ Костерусъ Вагнеръ, весь поблѣднѣвъ.

— Это было-бы настоящимъ хищничествомъ, воровствомъ... вы хотите обворовать насъ, ограбить насъ въ нашихъ правахъ...

— Я не стану останавливаться на томъ, какъ прискорбно и отвратительно слышать подобныя слова въ собраніи порядочныхъ людей!—съ достоинствомъ произнесъ молодой предсѣдатель. — Скажу только, что мы—учредители общества для завоеванія и изслѣдованія луны, но при этомъ не подлежитъ сомнѣнію то, что мы отнюдь не отказались отъ права довѣрить бразды правленія тому, кто по нашему убѣжденію кажется намъ наиболѣе способнымъ хорошо вести это дѣло и довести его до желаннаго конца. (Самые дружные апплодисменты). — Вотъ почему я полагаю, что являюсь выразителемъ единодушнаго желанія всего уважаемаго собранія, ставя на голоса статью первую устава, измѣненную, какъ я уже сказалъ раньше!

— Если же я ошибаюсь, то голосованіе, безъ сомнѣнія, докажетъ это. И такъ, господа, тѣ, кто желаетъ избрать директоромъ акціонернаго общества Selene-Company, со всѣми присущими этому званію полномочіями, пусть потрудятся поднять руку.

Всѣ руки разомъ поднялись вверхъ, кромѣ трехъ.

— Обратный вопросъ!—провозгласилъ предсѣдатель.

Три руки одиноко поднялись надъ толпой; то были руки Костеруса Вагнера, Игнатія Фогеля и Питера Грифинса.

— Г. Норберъ Моони избранъ директоромъ Selene-Company!—снова провозгласилъ лордъ Рандольфъ Клэдероу.— Онъ проситъ слова. Я даю его!

— Господа, благодарю васъ за ту честь, какую вы сейчасъ оказали мнѣ!—сказалъ молодой астрономъ,—но позвольте мнѣ еще разъ напомнить вамъ объ томъ условіи, на которомъ я согласенъ принять возлагаемую на меня обязанность и матерьяльную отвѣтственность, это—что всѣ расходы по этому предпріятію по моему предложенію будутъ утверждаться контрольнымъ комитетомъ. Капиталы могутъ оставаться въ томъ банкѣ, гдѣ они находятся въ данный моментъ, а всѣ уплаты будутъ производиться не иначе, какъ по чекамъ за моею подписью наряду съ подписями гг. членовъ контрольнаго комитета... Установивъ этотъ вопросъ первѣйшей важности и полагая, что такого рода административный пріемъ врядъ ли кому можетъ показаться нежелательнымъ,—я позволю себѣ предложить уважаемому собранію, какъ нѣчто должное по чувству справедливости, записать троихъ гг. иниціаторовъ нашего новаго общества въ число членовъ контролирующаго комитета...

Повидимому, всѣ присутствующіе оцѣнили по достоинству то чувство деликатности и такта, которыя заставили г. Моони предложить гг. иниціаторовъ въ число членовъ комитета, и предложеніе это было принято, но безъ особаго энтузіазма. Со слабымъ большинствомъ пяти или шести голосовъ гг. Костерусъ Вагнеръ, Игнатій Фогель и Питеръ Грифинсъ были избраны въ члены совѣта администраціи Общества. Хотя они не нашли ничего такого, на что бы могли возразить въ планѣ, изложенномъ г. Норберомъ Моони, и, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого, собраніе акціонеровъ, повидимому, потеряло всякое къ нимъ довѣріе. Однако, такъ или иначе, всѣ они оказались избранными въ члены комитета и должны были считать себя счастливыми.

Послѣ того предсѣдатель предложилъ въ члены того же комитета своего пріятеля сера Буцефала Когхилля, который, по его словамъ, долженъ былъ явиться превосходнѣйшимъ контролеромъ дѣйствій общества, такъ какъ упорно отказывался вѣрить не только въ успѣхъ, но и въ осуществимость этого предпріятія.

*

Это предложеніе было встрѣчено съ большимъ одушевленіемъ и тотчасъ же единогласно принято. Три профессіональныхъ финансиста также вошли въ списокъ лицъ, представляющихъ собою контрольный комитетъ, послѣ чего собраніе разошлось, предоставивъ своимъ делегатамъ, или выборнымъ, необходимыя полномочія для рѣшенія всѣхъ остальныхъ подробностей и вопросовъ второстепенной важности, согласно съ требованіями устава Общества.

Такимъ то образомъ осуществилось это смѣлое предпріятіе, задуманное Костерусомъ Вагнеромъ съ исключительной цѣлью заманить легковѣрную публику и пріобрѣсти возможно большее число акціонеровъ,—Selene-Company,—теперь совершенно непредвидѣнно перешло въ руки человѣка вполнѣ порядочнаго, честнаго и въ тоже время серьезнаго ученаго, всей душой преданнаго своей наукѣ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій и основательныхъ размышленій и обсужденій этого важнаго вопроса Норберъ Моони рѣшилъ, наконецъ, избрать Суданъ полемъ дѣйствія для своихъ операцій. Изъ отчета одного изъ своихъ друзей, недавно только вернувшагося изъ серьезной научной экспедиціи въ восточную Африку, онъ узналъ, что пустыня Байуда, а главнымъ образомъ горная возвышенность Тэбали, лежащая на востокъ отъ Бербера и къ сѣверу отъ Хартума, представляетъ собою всѣ необходимыя для задуманной имъ программы геологическія условія.

Правда, доступъ туда былъ не изъ легкихъ, но вплоть до Суакима можно было провезти всѣ необходимыя орудія, инструменты и матеріалы моремъ. Затѣмъ, земля должна была достаться даромъ. Рабочія руки были въ очень низкой цѣнѣ, и сверхъ всего этого можно было не безъ основанія полагать, что въ тѣхъ мѣстахъ намѣренія экспедиціи никому не могли быть извѣстны.

Самое положеніе дѣлъ въ Египтѣ, номинальномъ владыкѣ верхняго Нила, угрожавшее превратиться въ полную анархію, избавляло гг. организаторовъ этого удивительнаго предпріятія отъ необходимости испрашивать различныя разрѣшенія отъ мѣстныхъ властей — разрѣшенія, которыхъ,

кстати говоря, было бы, вѣроятно, весьма не легко добиться при иныхъ условіяхъ. Кромѣ того, дѣйствовать приходилось въ глухой пустынѣ, что тоже было удобно предпринимателямъ, такъ какъ здѣсь они не подвергались никакимъ опасностямъ.

Въ сущности, Суданъ не представлялъ собою въ данномъ случаѣ никакихъ важныхъ неудобствъ или недостатковъ, кромѣ недостатка въ горючихъ матерьялахъ.

Но Норберъ Моони мирился съ этимъ неудобствомъ, имѣя ввиду использовать прямо солнечную теплоту въ качествѣ двигательной силы для своихъ машинъ. При такихъ условіяхъ даже самая раскаленная температура африканской пустыни, вмѣсто того, чтобы быть однимъ изъ существенныхъ неудобствъ, являлась теперь источникомъ несомнѣнной и при томъ весьма серьезной экономіи для предпринимателей.

Заказы и пріобрѣтеніе различныхъ необходимыхъ для цѣлей экспедиціи машинъ, орудій и предметовъ, изготовлявшихся одновременно въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ, потребовали около пяти мѣсяцевъ времени; на нагрузку „Dover-Castll'я“ и путешествіе черезъ Гибралтаръ, Суэцкій каналъ и Красное море ушло не менѣе шести недѣль. И вотъ, спустя полныхъ семь мѣсяцевъ со дня учрежденія Selene-Company, экспедиція г. Норбера Моони прибыла въ Суакимъ.

Не зная, собственно говоря, настоящей исторіи или вѣрнѣе біографіи господъ комиссаровъ, членовъ контрольнаго комитета, уже слишкомъ усердно просившихся присоединиться къ экспедиціи, Норберъ Моони весьма быстро съумѣлъ дать имъ совершенно вѣрную оцѣнку. Онъ сразу понялъ, что они вовсе не были созданы для того, чтобы служить ему помощниками и пособниками въ его дѣлѣ. Необразованные, облѣнившіеся, они кромѣ того во всемъ проявляли самое явное недоброжелательство къ нему и къ задуманной имъ попыткѣ осуществленія задачи основаннаго общества.

Но молодой ученый заранѣе зналъ, что во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ приходится неизбѣжно

считаться съ такого рода антипатіями и мириться съ самыми странными компаніонами. Съ другой стороны, ничто ему не мѣшало свести всѣ свои оффиціальныя отношенія съ этими тремя субъектами къ требованіямъ одной только крайней необходимости и должнаго приличія.

VIII. Отъѣздъ.

По возвращеніи въ Суакимъ маленькой экспедиціи, отправлявшейся въ Радамехъ для испрошенія поддержки и содѣйствія великаго могаддема, все произошло именно такъ, какъ было предсказано всевѣдующимъ оракуломъ въ зауіа.

На другой-же день оборванный, въ лохмотьяхъ дервишъ съ роспискою, написанною по всѣмъ правиламъ, явился во французское посольство и упрятавъ условленную сумму въ новой звонкой золотой монетѣ, въ маленькій кожаный мѣшечекъ, вродѣ кисета, удалился, обѣщая еще разъ, что на шестыя сутки съ восходомъ солнца восемьсотъ верблюдовъ съ проводниками будутъ ожидать приказаній г. Норбера Моони у восточныхъ воротъ города.

Въ назначенный день и часъ обѣщаніе это было выполнено въ точности.

А тѣмъ временемъ разгрузка „Dover-Castle'я шла своимъ чередомъ весьма успѣшно. Тюки и ящики, выгруженные изъ трюма судна, цѣлой горой нагромождались на набережной и накрытые просмоленными брезентами охранялись часовыми изъ экипажа Dover-Costle'я. Вскорѣ вся остановка была за верблюдами, которыхъ приводили небольшими группами, не болѣе пятнадцати—двадцати головъ сразу и затѣмъ грузили на нихъ громадныя тяжести, которыя покорныя животныя принимали на себя, послушно ставъ на колѣни по знаку своего вожака. Всѣ эти грузы тщательно навязывались на особаго рода вьючныя сѣдла. По окончаніи этой сложной операціи, каждый вожакъ записывалъ въ книгу, свое имя и прозвище и списокъ всего того, что ему было пору-

чено и долженъ былъ отвѣчать за цѣлость и сохранность всего того, что ему было довѣрено, до самаго момента прибытія на возвышенность Тэбали.

На это потребовалось не менѣе недѣли, въ продолженіи которой близость и дружба, завязавшаяся съ одной стороны между французскимъ консульскимъ домомъ и докторомъ Бріэ, а съ другой стороны—Норберомъ Моони и баронетомъ, только еще болѣе окрѣпла, сплотивъ этихъ людей въ одну тѣсную, дружную семью. Они видѣлись ежедневно, занимались музыкой, играли по цѣлымъ часамъ въ крокетъ на берегу и открыто бесѣдовали о различныхъ предположеніяхъ и планахъ близкаго будущаго, не имѣвшаго теперь уже ничего тайнаго или скрытаго для всѣхъ членовъ этой маленькой компаніи. Единственною цѣлью Норбера Моони, предпочитавшаго сохранить въ тайнѣ цѣль своего предпріятія, было желаніе не возбуждать противъ своего дѣла враждебности арабовъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, отнеслись-бы недоброжелательно къ его покушеніямъ на неприкосновенность полумѣсяца. Г. Керсэнь былъ чрезвычайно благодаренъ своимъ гостямъ не только за то пріятное развлеченіе, какое они доставляли своимъ присутствіемъ не только его дочери, но и ему самому, а главнымъ образомъ еще за видимое улучшеніе въ состояніи ея здоровья, замѣчавшееся со времени ея экскурсіи въ Радамехъ. Эти пять дней, проведенные подъ открытымъ небомъ, съ ихъ здоровой усталостью и дневными отдыхами на выжженной солнцемъ травѣ, успѣли придать необычайную прелесть, свѣжесть и блескъ изящной красотѣ Гертруды Керсэнь. Молочно-бѣлый, немного безжизненный, или вѣрнѣе безкровный цвѣтъ лица ея пріобрѣлъ легкій золотистый отливъ, особенно ярко выдѣлявшійся на свѣжемъ румянцѣ ея щекъ; глаза ея, живые и блестящіе, смотрѣли бодро и весело, въ нихъ не замѣчалось ни прежней безотчетной грусти, ни усталости, вызванной общею слабостью организма. Самая походка ея, легкая и бодрая, и живыя, проворныя движенія свидѣтельствовали о возстановленіи силъ и полномъ здоровьѣ.

— Вотъ такою я желалъ всегда видѣть тебя, дочурка!— говорилъ г. Керсэнь съ чувствомъ глубокаго, искренняго удовлетворенія.

— Это вполнѣ зависитъ отъ васъ, папочка!—отвѣчала молодая дѣвушка.—Дайте мнѣ только возможность почаще участвовать въ столь пріятныхъ и интересныхъ экскурсіяхъ, какъ наше послѣднее путешествіе въ Радамэхъ, и вы увидите, какимъ я буду молодцомъ!

— Такъ что-же, за этимъ дѣло не станетъ, мы постараемся придумать еще такія-же прогулки, хотя я не могу обѣщать тебѣ при этомъ такихъ-же милыхъ спутниковъ, какъ въ этотъ разъ. Во всякомъ случаѣ, я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ доктора Бріэ и съ твоимъ, что свѣжій воздухъ, здоровая усталость и хорошій моціонъ верхомъ именно то, что всего необходимѣе для твоего здоровья!..

Что касается Костеруса Вагнера, Игнатія Фогеля и Питера Грифинса, то ихъ почти не было видно, и, конечно, никто объ этомъ не сожалѣлъ. Они обыкновенно проводили всѣ свои дни на своихъ койкахъ въ каютахъ „Dover-Castle'я", въ непробудномъ снѣ, а вечера и большую часть ночей дулись въ карты въ одной арабской кофейной, которую они, повидимому, считали Суакимскимъ раемъ. Густыя облака дыма, чадъ и смрадъ, наполнявшіе воздухъ этой кофейни, дѣйствительно довольно живо напоминали нѣмецкую пивную. Но, къ несчастію, вмѣсто добраго нѣмецкаго пива здѣсь имѣлся только англійскій „pale-ale", которымъ имъ и приходилось довольствоваться.

Костерусъ Вагнеръ особенно живо ощущалъ отсутствіе своего родного напитка и положительно не могъ примириться съ этимъ лишеніемъ.

— Чтобы ихъ чортъ побралъ, и эту проклятую луну, и того, кто задумалъ заставить ее спуститься на землю!—восклицалъ онъ, поднимая свой стаканъ до уровня огня чадящей лампы и констатируя при этомъ съ глубочайшимъ прискорбіемъ непріятную мутность своего напитка.—Эта бурда, право, ничѣмъ не лучше воды изъ лужи, въ которой поло-

щутся утки!.. Проклятая экспедиція!.. Проклятый французъ!.. Проклятая страна!..

— И это еще далеко не конецъ нашихъ мученій!—вздыхалъ Игнатій Фогель. — Участь наша рѣшена и теперь ничего не подѣлаешь. Мы приговорены на цѣлый годъ, если только не болѣе, жить въ глухой пустынѣ и терпѣть всякаго рода муки и лишенія... Пока мы не могли достать средствъ къ перевозкѣ, все еще можно было надѣяться, что придется отказаться отъ задуманнаго дѣла, ну, а теперь, когда этому злополучному французу все-таки удалось преодолѣть всѣ эти препятствія, намъ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ только покоряться своей участи!.. Я положительно не могу понять, какъ этотъ старый дурень Радамехскій Могаддемъ не встревожился тѣми свѣдѣніями, какія мы послали ему черезъ того араба!..

— Баста!—воскликнулъ съ самымъ философскимъ видомъ Питеръ Грифинсъ,—вы, друзья мои, знаете, что я никогда не возлагалъ никакихъ надеждъ на это средство помѣшать дѣлу экспедиціи. Шерофа, усмотрѣвъ въ этомъ случаѣ заработать порядочную сумму, конечно, воспользовались возможностью, это весьма естественно. Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ!—добавилъ онъ, приготовляя свою любимую смѣсь изъ тепловатой воды и крѣпкаго англійскаго виски, такъ называемый „тодди"—любимѣйшее свое питье.

— Не будемъ болѣе говорить объ этомъ! легко сказать!—воскликнулъ Костерусъ Вагнеръ. — А какъ вы полагаете, легко-ли человѣку утѣшиться, видя, какъ у него изъ подъ носа выкрали такую блестящую мысль, какъ моя, такую мысль, которая въ какія-нибудь двѣ недѣли привлекла въ нашу кассу болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ... Легко-ли это?—повторяю.

— Понятно, что это очень не весело!—промолвилъ Игнатій Фогель глубоко меланхолическимъ голосомъ.—Такой случай не представляется человѣку два раза въ жизни... Но, что теперь подѣлаешь?.. видно ужъ судьба наша такая, не

можемъ же мы теперь покинуть экспедицію и вмѣстѣ съ тѣмъ и самое Общество?..

— Да кто-же объ этомъ говоритъ?—воскликнулъ Костерусъ Вагнеръ,—это было-бы неслыханной глупостью! Кто-же можетъ бросить два милліона фунтовъ стерлинговъ даже и тогда, когда они уже изрядно початы, какъ въ данномъ случаѣ, увы!.. Да, господа, этотъ французъ умѣетъ широко шагать! ему не легко подрѣзать крылья. Заказы на пятьсотъ тысячъ долларовъ въ Нью-Іоркѣ, на триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ Лондонѣ, на семь милліоновъ франковъ въ Парижѣ!.. Это не дурно... Изоляторы по 500 франковъ за штуку; паровыя машины; динамо, десятки, сотни километровъ мѣдныхъ проволокъ, различныхъ астрономическихъ приборовъ такое множество, что ихъ хватило-бы на десять обсерваторій; различныхъ [химическихъ продуктовъ столько, что ими можно привести въ движеніе цѣлыхъ двадцать мануфактуръ; шелковой ткани столько, что изъ нее можно приготовить не менѣе тридцати воздушныхъ шаровъ!.. А съѣстныхъ припасовъ, веревокъ и канатовъ, цинковыхъ цистернъ, аламбиковъ, всякихъ снарядовъ и орудій—да еще судно вмѣстимостью въ девятьсотъ тонъ,—и Богъ вѣсть, что еще! Да!.. нечего сказать, этотъ французъ съумѣетъ порастрясти денежки акціонеровъ!.. Знаете-ли, друзья, что если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, то не пройдетъ и года, какъ въ кассѣ „Selene-Company" не останется ни гроша!

— Вотъ потому-то необходимо было гораздо раньше пріостановить эти траты!—заявилъ Игнатій Фогель.

— Да, но гдѣ было взять возможность это сдѣлать?!. Дай мнѣ только эту возможность, и я сдѣлаю все, чего ты хочешь, но не болтай такъ по пустому!..

— Эхъ, чортъ возьми! возможность! я самъ не вижу ея!

— Не видишь, ну, такъ и зарой свой клювъ въ перья! это будетъ, пожалуй, лучшее, что ты можешь сдѣлать!—оборвалъ Костерусъ Вагнеръ своего соотечественника Игнатія Фогеля.

— Мы не могли сократить этихъ тратъ ни въ Австра-

ліи, ни въ Европѣ,—разсудительно замѣтилъ Питеръ Грифинсъ,—потому что собраніе акціонеровъ дало французу всѣ свои полномочія.

— Да, это ясно,—воскликнулъ все съ прежней горячность Костерусъ Вагнеръ—да, ни въ Европѣ, ни въ Австраліи мы не могли этого сдѣлать, но здѣсь это дѣло другое! И если намъ не удалось возбудить недовѣрія и враждебности Могаддема къ предпріятію француза, то это еще не резонъ для того, чтобы думать, что и всякая дальнѣйшая попытка въ этомъ направленіи должна непремѣнно быть такъ-же неудачна. Вѣдь, вы, полагаю, всѣ со мной согласны, что мы не можемъ и не должны допустить дальнѣйшаго развитія этого раззорительнаго предпріятія, не такъ-ли?

— Безъ всякаго сомнѣнія!—воскликнули разомъ Игнатій Фогель и Питеръ Грифинсъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, пусть только это предпріятіе осуществится, пусть оно увѣнчается полнымъ успѣхомъ,—и наша роль комиссаровъ контролирующаго комитета сама собой будетъ окончена и потеряетъ всякій смыслъ и значеніе!—продолжалъ Костерусъ Вагнеръ.—Если-же оно не удастся, то все таки успѣетъ поглотить весь капиталъ компаніи, а тогда мы очутимся въ еще болѣе худшемъ положеніи, въ преисподней земли, лицомъ къ лицу со всякими мытарствами!

— Но скажите, неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что это предпріятіе можетъ удасться?—съ нескрываемымъ любопытствомъ освѣдомился Питеръ Грифинсъ.

— Да, я этому вѣрю; мало того, я положительно не вижу никакихъ матерьяльныхъ причинъ, почему бы оно могло не удаться!—сказалъ Кастерусъ Вагнеръ,—но мы не хотимъ, чтобы оно удалось! слышите-ли вы? мы не хотимъ!.. Мы вовсе не для этого француза добыли такую массу фунтовъ стерлинговъ изъ кармановъ нашихъ акціонеровъ, вовсе не ради его удовольствія или удовлетворенія его честолюбивыхъ замысловъ, нѣтъ, тысяча мильярдовъ псовъ!.. И

не науки ради—мы сдѣлали это! Что намъ вся ихъ науки, взятыя вмѣстѣ? Нѣтъ, мы сдѣлали это только для себя самихъ! Да, всецѣло, для себя самихъ, для нашей выгоды и больше ничего! И такъ, намъ слѣдуетъ дѣйствовать, дѣйствовать дружно, сообща, прежде чѣмъ все то, что еще уцѣлѣло отъ тѣхъ двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, будетъ такъ же истрачено на нужды этой проклятой экспедиціи! Поняли вы меня?

— Да, да! въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія!—отозвались Фогель и Грифинсъ.

— Допустимъ, напримѣръ, что предпріятіе почему либо должно быть признано неосуществимымъ, и французъ принужденъ будетъ вернуться въ Мельбурнъ и сознаться въ своей неудачѣ передъ лицомъ всего почтеннаго собранія акціонеровъ. Тогда ужъ, несомнѣнно, на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ столь свирѣпаго и ужаснаго, какъ толпа разъяренныхъ акціонеровъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ: мы испытали это на себѣ, господа, въ тотъ памятный день выборовъ въ Victoria-Hall, въ Мельбурнѣ. Пусть же и г. астрономъ питомецъ Парижской обсерваторіи, въ свою очередь испытаетъ это-же самое и на себѣ... И вотъ тогда, забравъ опять все это въ свои руки получивъ полномочія вести дѣло по своему усмотрѣнію или хотя-бы даже просто ликвидировать его,—мы уже, конечно, не станемъ зѣвать...

— Ну, да, ну, да,—воскликнулъ Фогель, весело потирая руки, какъ будто ему уже было поручено выдать общественную кассу и онъ хозяйничалъ съ ней, какъ хотѣлъ.

— Тише, господа!.. шепнулъ вдругъ Грифинсъ въ полъголоса своимъ пріятелямъ.—Деньщикъ астронома!..

Всѣ трое разомъ смолкли и спокойно принялись покуривать свои трубки, уставившись безсмысленнымъ взглядомъ въ свои стаканы.

Дѣйствительно, въ большую общую комнату кофейни вошелъ Виржиль и приказалъ подать себѣ чашку арабскаго кофе, къ которому онъ привыкъ съ давнихъ поръ. Войдя, онъ тотчасъ же замѣтилъ гг. „коммиссаровъ“, которые дѣ-

лали видъ, будто не видятъ его, и погружены въ тихую задумчивость. Но честный парень былъ слишкомъ сердечно преданъ своему господину, чтобы тотчасъ же не почуять инстинктивно, что эти люди ненавидятъ молодого астронома. Его поражало что-то лживое и принужденное въ манерахъ и дѣйствiяхъ господъ коммиссаровъ, а потому онъ принялся зорко слѣдить за ними, дѣлая въ то же время видъ, что занятъ исключительно своимъ кофе и турецкой трубкой, которую только что подали ему.

Вскорѣ у Виржиля не оставалось уже никакого сомнѣнiя на счетъ агентовъ, такъ какъ онъ чувствовалъ, что и тѣ съ своей стороны приглядываютъ за нимъ и перешептываются между собою. Для него было вполнѣ очевидно, что его присутствiе почему-то стѣсняетъ ихъ.

— Право, можно подумать, что мое появленiе прервало бесѣду этихъ трехъ господъ!—подумалъ про себя Виржиль.— Ужъ не затѣваютъ-ли эти люди чего нибудь недобраго противъ моего офицера?.. что-то весьма на то походитъ, а мнѣ извѣстно, что они очень недолюбливаютъ его... Но мы будемъ держать ухо востро, братцы .. и глазъ за вами имѣть тоже будемъ, да еще зоркiй!.. Ну, а пока, что васъ тревожить моимъ присутствiемъ,—мысленно добавилъ онъ и, стряхнувъ пепелъ съ трубки, духомъ опорожнилъ свою маленькую чашечку кофе, затѣмъ привычнымъ ударомъ ладони придавъ своей фескѣ тотъ уклонъ въ сорокъ пять градусовъ, который въ глазахъ каждаго алжирскаго стрѣлка сообщаетъ этому головному убору особую щеголеватость, вышелъ изъ кофейни, слегка раскачиваясь на своихъ сильныхъ, мускулистыхъ ногахъ.

Приготовленiя къ дальнѣйшему путешествiю въ глубь страны шли чрезвычайно успѣшно и быстро при дѣятельномъ присмотрѣ гг. предпринимателей, такъ что вскорѣ все было готово и окончено, и караванъ только ждалъ сигнала, чтобы двинуться въ дальнiй путь по дорогѣ къ Берберу.

Наканунѣ дня, назначеннаго для выхода каравана изъ Суакима, французскiй консулъ давалъ прощальный обѣдъ

г. Норберу Моони. Серъ Буцефалъ Когхиллъ, капитанъ Гюйонъ и докторъ Бріэ были единственными приглашенными на этомъ обѣдѣ, даваемомъ въ честь отъѣзжающаго молодого соотечественника. Весьма естественно, что за обѣдомъ главнымъ образомъ говорили о предстоящей экспедиціи, о предпріятіи, на которое теперь уже окончательно отваживался молодой ученый. И хотя никто изъ присутствующихъ не высказывался вполнѣ откровенно на этотъ счетъ, но всѣ, повидимому, были теперь довольно склонны къ тому, чтобы сознаться, что вначалѣ дѣла они до нѣкоторой степени преувеличивали опасность этой экспедиціи, стараясь увѣрить г. Норбера Моони, что экспедиція его—дѣло совершенно неосуществимое.

— Конечно, расположеніе и содѣйствіе Шерофовъ, которымъ вы теперь успѣли заручиться, совершенно измѣняетъ все дѣло!—сказалъ г. Кэрсень.

— Безъ ихъ участія успѣхъ былъ-лы не мыслимъ, тогда какъ при ихъ содѣйствіи я не вижу въ этомъ ничего невозможнаго, при условіи, что вы съумѣете все время сохранять самыя хорошія отношенія со своими всемогущими союзниками. Конечно, вы обладаете для этого самымъ вѣскимъ и непреодолимымъ въ ихъ глазахъ аргументомъ — именно: весьма значительными денежными рессурсами и прирожденной щедростью, которая уже заслужила вамъ прекрасное прозвище между вожаками верблюдовъ...

— Какое прозвище?—живо спросила Гертруда, глазки которой заискрились любопытствомъ при этомъ вопросѣ.

— Прозвище „Щедрая рука!“—отвѣтилъ г. Керсэнь.

— Все это прекрасно! — воскликнулъ докторъ Бріэ,—но вы прежде всего не забывайте Махди, которому стоитъ только сказать одно слово для прекращенія въ явную враждебность добраго расположенія къ вамъ Шерофовъ!

— Да, это правда,—согласился консулъ,—но Кордофанъ, гдѣ въ настоящее время орудуетъ Махди, далеко отсюда, а также и отъ пустыни Байуда. Кромѣ того, я только что получилъ свѣдѣнія, что египетское правительство приняло на-

конецъ рѣшеніе разомъ покончить съ инсургентами. Оно собираетъ въ Хартумѣ по Нилу дѣйствительно весьма значительную армію подъ командою англійскихъ офицеровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ это можетъ измѣнить характеръ условій!—сказалъ докторъ Бріэ. — Однако, для этого необходимо рѣшительно двинуть войска прямо на Кордофанъ, потому что, пока голова Махди не будетъ красоваться на стѣнахъ Хартума, правительству ни за что не управиться съ Суданомъ: это не подлежитъ сомнѣнію!

— Фатима, сходи за моимъ вѣеромъ, я оставила его на столѣ въ моей комнатѣ! — сказала съ особою поспѣшностью въ голосѣ Гертруда Керсэнъ.—Сегодня такой жаркій вечеръ, что я положительно изнемогаю отъ жары...

Маленькая служанка, какъ всегда, со всѣхъ ногъ бросилась исполнять приказаніе своей горячо любимой молодой госпожи.

— Я только что смотрѣлъ на глаза этой дѣвушки въ то время, когда докторъ говорилъ о Махди!—сказалъ капитанъ Гюйонъ. — Они горѣли, какъ раскаленные угли... Что, она родомъ изъ Судана?

— Мы ничего объ этомъ не знаемъ, ни она сама,—сказала Гертруда—но полагаемъ, что эта дѣвочка была вывезена сюда работорговцами изъ страны Великихъ Озеръ еще до того времени, когда полковникъ Гордонъ успѣлъ окончательно уничтожить эту омерзительную торговлю. Фатима была найдена въ пустынѣ неподалеку отсюда чуть живая отъ голода, надъ трупомъ своей матери.

— Бѣдняжка! Бѣдное дитя!—почти въ одинъ голосъ сказали всѣ присутствующіе съ глубокимъ участіемъ.

Въ этотъ моментъ Фатима вернулась, и разговоръ перешелъ на другую тему.

— Это по истинѣ великое несчастіе для успѣховъ цивилизаціи, что Гордонъ не остался генералъ-губернаторомъ Судана!—дипломатически замѣтилъ баронетъ.

— Конечно,—согласился г. Керсэнь, — и хотя мы не всегда живемъ въ добромъ согласіи, какъ вамъ извѣстно,

всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ англійской политикѣ въ этой странѣ, я все-же, не задумываясь, соглашаюсь съ вами относительно вашего славнаго соотечественника: дѣйствительно, египетское правительство никогда не имѣло болѣе честнаго, отважнаго и разумнаго слуги, чѣмъ полковникъ Гордонъ. И если-бы онъ оставался въ Хартумѣ, Суданъ и по сей часъ оставался-бы совершенно спокойнымъ и цвѣтущимъ.

— Но почему-же онъ не остался въ Хартумѣ?

— Потому что онъ не довѣрялъ новому хедиву Тэвфику, а генералъ-губернатору Судана прежде всего необходимо быть увѣренному въ тѣхъ, кому онъ служитъ!

— Какъ-бы тамъ ни было, но, потерявъ его, можно сказать, что Египетъ потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и верховья Нила!—воскликнулъ докторъ Бріэ,—потерялъ такую чудную страну, такую богатую, плодородную и легко управимую благодаря своему кроткому и безобидному населенію!.. Вѣдь, съ того времени, какъ Египтяне овладѣли ею, съ полъ столѣтія тому назадъ, при Могаметѣ-Али, они не сдѣлали здѣсь ничего кромѣ однѣхъ глупостей, самыхъ нелѣпыхъ и самыхъ непростительныхъ, или-же дѣлали вещи совершенно возмутительныя и омерзительныя... Они разрушили и раззорили все, что только могли, ограбили всю страну и довели все населеніе до полнаго отчаянія... Если дѣйствительно когда-либо возстаніе было вызвано въ странѣ крайнею нуждой и голодомъ, то это именно въ данномъ случаѣ!.. И теперь одному Богу извѣстно, чѣмъ все это можетъ кончится!..

— Пожелаемъ во всякомъ случаѣ, что-бы все это кончилось хорошо для нашихъ друзей! — сказалъ г. Керсэнь, подымая бокалъ за здравіе своихъ гостей...

Послѣ обѣда всѣ по обыкновенію перешли пить кофе на терассу, гдѣ разговоръ опять вернулся къ той-же неистощимой темѣ о Суданѣ и тѣхъ надеждахъ, какія можно было возлагать на него.

Гертруда, которой уже немного надоѣло слушать объ этомъ, пошла и присѣла къ роялю; она стала наигрывать

тѣ старые забытые французскіе мотивы, которые теперь, благодаря капризу моды, стали вновь оживать въ памяти людей, чаруя ихъ своей наивной прелестью и простотой. Едва успѣла она заиграть, какъ Норберъ Моони, покинувъ компанію мужчинъ, собравшихся на терассѣ, подошелъ къ ней, чтобы послушать ея игру.

— Благодарю васъ,—ласково сказалъ онъ,—я унесу въ душѣ въ глубь африканской пустыни эти милые, нѣжные мотивы, какъ послѣдній отголосокъ далекой, любимой родины!

— О, господинъ Моони, не старайтесь вызывать сожалѣніе къ себѣ!—воскликнула молодая дѣвушка... вы, вѣрно, хорошо знаете, что всѣ мы здѣсь—и бѣдный папа, и докторъ Бріэ, и я,—всѣ будемъ погибать отъ тоски и скуки, когда вы уѣдете отъ насъ... Васъ трудно будетъ замѣнить, васъ и сера Буцефала...

Хотя этими словами молодая дѣвушка ставила ихъ обоихъ на одну доску, по свойственной всѣмъ женщинамъ маленькой скрытности и лукавству, но въ сущности давно уже съумѣла различить, какого рода впечатлѣніе она произвела на каждаго изъ нихъ. Она отлично понимала, что чувства ихъ къ ней находятся въ обратной пропорціи къ ихъ проявленіямъ.

Ухаживаніе баронета было, быть можетъ, и искренне, но уже банально. Тѣ же маленькіе знаки вниманія, предупредительность, ту же любезность онъ оказывалъ уже, быть можетъ, сотнѣ дѣвушекъ до нея, а завтра съ одинаковымъ усердіемъ будетъ примѣнять все это къ десятку другихъ барышень и все въ томъ же размѣрѣ, въ томъ же видѣ, тогда какъ ухаживаніе молодого астронома носило какой то исключительный характеръ: въ немъ чувствовалось нѣчто лично къ Гертрудѣ одной относящееся, что придавало всѣмъ его любезностямъ и словамъ особую цѣну въ ея глазахъ.

— Если бы я могъ думать, что вы сохраните мнѣ добрую память, мнѣ было бы не такъ тяжело уѣзжать от-

сюда!—продолжалъ молодой ученый.—Но какое право я имѣю надѣяться на это? Простите, если я осмѣлюсь это сдѣлать но право, то впечатлѣніе, которое я уношу отсюда, такъ свѣжо, такъ правдиво, что для меня было бы слишкомъ тяжело, если бы я не имѣлъ права надѣяться хотя на самую маленькую взаимность!

— Вы правы, что избѣгаете обычныхъ банальныхъ изліяній и увѣреній,—сказала Гертруда,—ихъ изношенность и пошлость невольно чувствуется всегда, и особенно непріятна, когда для выраженія искреннихъ чувствъ приходится прибѣгать къ словамъ самымъ избитымъ. Во всякомъ случаѣ, смѣло могу увѣрить васъ, что и я, и отецъ мой, мы всегда сохранимъ о васъ самую дружественную память!

— Вы очень добры, что говорите мнѣ это; но будьте осторожны, я, быть можетъ, злоупотреблю этой вашей добротой и позволю себѣ сдѣлать вамъ одно признанье...

— Я васъ слушаю!—сказала Гертруда Керсэнь, инстинктивно чувствуя, что этотъ человѣкъ не изъ числа тѣхъ для которыхъ подобная близость могла бы подать поводъ къ излишней фамильярности или нахальству.

— Такъ вотъ, я хочу вамъ сказать, что въ этотъ моментъ, когда я уже такъ близокъ къ цѣли моей экспедиціи, мною овладѣваетъ какая то безнадежная тоска, какая то странная апатія, усталость, какой я раньше никогда не испытывалъ. Что это? грустное ли предчувствіе чего то?.. Или же я въ самомъ дѣлѣ слишкомъ понадѣялся на свои силы? не знаю, но мнѣ смертельно больно и тяжело покидать Суакимъ!

— Что же, вы думаете отказаться отъ своего предпріятія?—спросила Гертруда съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Клянусь вамъ,—воскликнулъ онъ,—мнѣ кажется, что одного вашего слова было бы достаточно, чтобы заставить меня сдѣлать это!..

Наступила минута молчанія.

— Но слова этого я не произнесу, —серьезно и задум-

чиво сказала Гертруда, — не произнесу даже въ томъ случаѣ, если бы чувствовала за собой право сдѣлать это! Я не хочу, чтобы вы пожертвовали наукой ради личныхъ интересовъ! Я вѣрю въ васъ и въ вашу задачу, г. Моони! И вотъ почему, скорѣе чѣмъ отвратить васъ отъ нея, я, если бы это было нужно, сама сказала бы вамъ: „Соберите всѣ свои силы и смѣло, съ Богомъ впередъ!.. дайте тѣмъ изъ вашихъ друзей, которые вѣрятъ въ васъ и ваши силы, радость видѣть васъ побѣдителемъ, видѣть ваше торжество"!

— Я нашелъ, наконецъ, ту поддержку, въ которой такъ сильно нуждался! Вы оказали ее мнѣ, мадемуазель Керсэнь, и я никогда не забуду этого. Вы видите меня возрожденнымъ, готовымъ смѣло двинуться впередъ на борьбу и смерть. Благодарю отъ всей души!—добавилъ онъ, пожимая маленькую ручку, довѣрчиво протянутую къ нему.—Прощайте!..

— Какъ? Неужели вы уже покидаете насъ! — сказалъ г. Керсэнь, входя въ гостиную и поймавъ на лету послѣднее слово г. Моони.

— Да, къ сожалѣнію, приходится уже прощаться. Мнѣ надо еще сдѣлать кое какія распоряженія, отдать нѣсколько необходимыхъ приказаній, а мы двинемся въ путь сейчасъ послѣ полуночи, значитъ часа черезъ два!

— Ну, такъ идите, отдавайте свои приказанія, дѣлайте распоряженія, но не прощайтесь съ нами, потому что капитанъ Гюйонъ, докторъ и я—мы рѣшили присутствовать при вашемъ выступленіи изъ Суакима и проводить васъ на небольшой кусочекъ пути, если только вы не имѣете ничего противъ этого.

— Весьма вамъ благодаренъ за такое сердечное вниманіе и расположеніе!

— Такъ значитъ, вы разрѣшаете намъ?

— О, конечно! Какъ вы можете спрашивать, г. Керсэнь?.. Гдѣ мнѣ прикажете поджидать васъ?

— Бога ради, не измѣняйте ничего въ своихъ планахъ

ради насъ. Мы явимся около полуночи прямо къ западнымъ воротамъ города.

— Благодарю еще разъ! Въ такомъ случаѣ до скораго свиданія... Надѣюсь, до свиданія, мадемуазель? — добавилъ онъ, обращаясь еще разъ къ Гертрудѣ.

— Да, я въ этомъ увѣрена! да, до свиданія! Дай вамъ Богъ полнаго успѣха въ вашемъ предпріятіи!

Вскорѣ послѣ полуночи Гертруда Керсэнь, сидя у открытаго окна своей комнаты, выходившаго на западъ, печально смотрѣла на безконечно-длинную вереницу бѣлыхъ бурнусовъ, медленно развертывавшуюся передъ ея глазами и уходившую въ глубь пустыни, змѣясь и извиваясь при тускломъ свѣтѣ серебрянаго полумѣсяца.

То былъ караванъ экспедиціи Норбера Моони, двинувшійся въ путь. Недѣли черезъ двѣ онъ будетъ въ Берберѣ и перейдетъ Нилъ, переправляясь на плоскодонныхъ лодкахъ, а еще дней черезъ пятнадцать—двадцать, на горной возвышенности Тэбали... Ну, а потомъ? Что станется со всѣмъ этимъ?.. Чѣмъ должно будетъ окончиться это смѣлое предпріятіе?.. А если г. Моони потерпитъ неудачу, что тогда?.. Переживетъ-ли онъ горькое разочарованіе, унизительное для его самолюбія сознаніе неудачи, необходимость признать себя побѣжденнымъ, разбитымъ?.. И вотъ, несмотря на ту твердую увѣренность въ немъ и въ успѣхъ его дѣла, какую Гертруда еще такъ недавно высказала въ разговорѣ съ г. Моони, она теперь испытывала мучительное чувство безпокойства за участь молодого ученаго.

Тихій вздохъ, раздавшійся за ея спиной, заставилъ ее обернуться,—и она увидила свою любимицу, Фатиму.

— О чемъ ты, милочка моя? что тебя огорчаетъ? — участливо спросила молодая дѣвушка свою маленькую служанку.—Ты кажешься мнѣ скучной сегодня... ты, которая цѣлые дни щебечешь, точно ласточка, сегодня за все время не сказала еще ни слова!

— У меня есть причина, добрая госпожа!—сказала она печально,—можетъ-ли у меня быть весело на сердцѣ, когда

я вижу, что эти добрые господа уходятъ въ эту ночь въ пустыню?—Какъ я только подумаю объ этомъ, такъ у меня душа и заноетъ!

— Какъ? неужели это тебя такъ огорчаетъ?

— А развѣ это не огорчаетъ всѣхъ насъ здѣсь, въ домѣ?— не безъ хитрости возразила Фатима.—Ахъ, добрая госпожа, право, о нихъ стоитъ еще больше горевать, чѣмъ мы съ вами горюемъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать, Фатима?

— Если-бы вы только знали все то, что я слышу и знаю отъ людей, добрая моя госпожа!—вѣдь меня никто не остерегается, а потому я вижу и знаю многое, чего не видятъ и не замѣчаютъ бѣлые... Ахъ, если-бы вы только знали, что теперь готовится!.. Если-бы вы знали, какъ всѣ здѣсь ненавидятъ гяуровъ!.. Далеко отсюда, въ странѣ Большихъ Озеръ, есть великій пророкъ, который пришелъ на землю спасти дѣтей Аллаха!.. Это настоящій святой и нѣтъ ничего невозможнаго для него, противъ него никто не можетъ устоять! А онъ поклялся уничтожить всѣхъ европейцевъ, всѣхъ до одного! Вотъ, что говорятъ арабы и люди живущіе въ пустынѣ. Они увѣряютъ, что это должно случиться очень скоро, на этихъ дняхъ. Поданъ будетъ условный знакъ, и повсюду, отъ Кордофана и Голубаго Нила и до Дарфура, и въ Суакимѣ, и въ Донголѣ, и во всѣхъ странахъ, расположенныхъ у пороговъ Нила, будетъ избіеніе всѣхъ бѣлыхъ.

— Страшно подумать, что этотъ славный, добрый, хорошій господинъ, этотъ г. Моони, и тотъ красивый молодой англичанинъ, его пріятель, и славный французъ Виржиль, который былъ всегда такъ добръ и услужливъ, и даже этотъ англійскіи камердинеръ, такой угрюмый и молчаливый, попадутъ какъ разъ въ этотъ адъ!.. Сегодня, во время обѣда, когда заговорили о Махди, мнѣ ужасно хотѣлось вставить словечко, но я не посмѣла, а затѣмъ вы услали меня за вѣеромъ!

— Да, милочка, вотъ если-бы ты была тамъ, то услышала, какъ мой отецъ сообщилъ намъ, что громад-

ная армія подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ готова двинуться противъ Махди.

— О, это ничего не значитъ, добрая госпожа!.. Вы не можете себѣ представить, до какой степени взбѣшены всѣ тѣ люди, которыхъ я слышу, даже и всѣ эти амбалы, на набережной, всѣ эти вожаки верблюдовъ и тѣ Берберы, помните въ ту ночь, когда ослы намъ не давали спать... Всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что не хотятъ больше видѣть чужеземцевъ въ своей странѣ, что пророкъ повелѣлъ истреблять невѣрныхъ... они говорятъ такія страшныя вещи, отъ которыхъ волосы дыбомъ становятся на головѣ... Ахъ, добрая моя госпожа, какъ-бы я хотѣла, чтобы вы теперь были во Франціи,—вѣдь это ваша родина, какъ вы говорили мнѣ; уѣзжайте скорѣй отсюда, уѣзжайте вмѣстѣ съ добрымъ господиномъ, вашимъ отцомъ, и увезите Фатиму! Только она одна любитъ здѣсь и останется всегда предана вамъ, какъ собака!.. Но, что я дѣлаю?!—вдругъ воскликнула маленькая служанка.—Ахъ, добрая госпожа моя, какая вы сдѣлались блѣдная... я такъ напугала васъ своими глупыми разсказами, вы захвораете изъ-за меня... Боже мой! Боже мой! Простите меня!

— Нѣтъ, милочка моя, я не захвораю отъ этого, я не больна, не безпокойся обо мнѣ,... я только очень встревожена!.. Все, что ты мнѣ сейчасъ сказала, только подтверждаетъ все то, чего опасаются люди, хорошо знакомые съ характеромъ и нравами здѣшняго населенія... Мнѣ даже кажется, что я знала и слышала все это еще раньше, чѣмъ ты мнѣ сказала... Мнѣ страшно за отца, который теперь за городомъ... Бѣдный папа... онъ ни за что не согласится уѣхать отсюда!.. А я, конечно, что бы ни случилось, не покину его...

— И я также, добрая моя госпожа!—съ жаромъ воскликнула Фатима. Но я вѣдь почти дитя, можетъ быть я преувеличиваю опасность... Я не должна была говорить вамъ о всемъ этомъ... Забудьте все, что я вамъ сказала!.. Ложитесь поскорѣе въ кровать: ужъ поздно,—и господинъ мой

будетъ сердиться, если узнаетъ, что вы по сіе время еще не ложились!..

Гертруда уступила настоятельной просьбѣ своей маленькой служанки, легла въ кровать и закрыла глаза, стараясь заснуть. Но сонъ не приходилъ. Всю ночь испуганное воображеніе молодой дѣвушки рисовало ей страшныя картины кровавой рѣзни, и когда, наконецъ, подъ утро, она забылась тяжелой дремотой, то и во снѣ ее преслѣдовали все тѣ же страшныя кровавыя видѣнія, какія мучили ее всю ночь.

IX. Великій магнитъ.

Прошло уже семь мѣсяцевъ, и вопреки всѣмъ ожиданіямъ и страхамъ, царившимъ въ Суакимѣ, ничто не нарушало еще прежняго положенія дѣлъ. Правда, въ Суданѣ продолжалась все та же анархія, а вдоль обоихъ береговъ Нила упорно держались слухи объ общемъ, поголовномъ возстаніи всѣхъ племенъ и объ избіеніи всѣхъ чужестранцевъ. Но въ дѣйствительности это возстаніе все еще не начиналось и египетскіе гарнизоны безъ всякаго труда держались повсюду и въ городахъ, и во всѣхъ укрѣпленіяхъ внутри страны. Мало того, Махди и его сторонники вмѣсто того, чтобы укрѣпляться въ своемъ владычествѣ и пріобѣтать все больше и больше вліянія, казалось, утрачивали понемногу то и другое. Достаточно было, чтобы небольшая армія въ десять или двѣнадцать тысячъ человѣкъ, подъ командою Гиксъ Паши, выйдя изъ Хартума, двинулись на Эль-Обеидъ, чтобы великій Пророкъ, очистивъ свою столицу, поспѣшно отступилъ къ югу. А на возвышенности Тэбали, въ пустынѣ Байуда, работы подъ управленіемъ энергичнаго Норбера Моони шли удивительно быстро и успѣшно. Все вплоть до этого дня шло именно такъ, какъ того желалъ молодой ученый; какъ онъ часто самъ говорилъ, онъ не могъ достаточно нахвалиться этой мѣстностью съ совершенно исключи-

тельно благопріятными условіями, на которой онъ остановилъ свой выборъ. Надо сказать, что сдѣлалъ онъ этотъ выборъ не на удачу, а на основаніи серьезныхъ предварительныхъ изслѣдованій и изученій, на основаніи положительныхъ данныхъ, позволявшихъ надѣяться на тѣ исключительно благопріятныя геологическія условія, въ которыхъ именно нуждался молодой астрономъ.

Во-первыхъ, магнитный пиритъ, главная основа предпріятія, встрѣчался въ такомъ громадномъ изобиліи въ этой западной части пустыни Байуда, вблизи Дарфура, что цѣлые холмы, даже цѣлыя горы отъ тысячи до тысячи двухсотъ метровъ высоты состояли почти исключительно изъ этого пирита. И вотъ изъ числа этихъ горъ Норберъ Моони избралъ мѣстомъ для своихъ научныхъ экспериментовъ, самую возвышенную и во всѣхъ отношеніяхъ самую удобную, именно пикъ Тэбали, гдѣ и основалъ свое мѣстопребываніе.

Это была громадная скала конической формы, состоящая изъ нѣскольких совершенно однородныхъ скалъ, совершенно изолированная на природномъ возвышенномъ плато, которое имѣло около двухъ километровъ протяженія въ любомъ направленіи и возвышалось на цѣлыхъ семь сотъ или восемьсотъ метровъ надъ всѣми остальными высотами окрестныхъ горъ.

Выборъ этотъ, такъ сказать, самъ собою напрашивался. Стоило только прибыть въ эти мѣста, чтобы васъ сразу, съ перваго-же взгляда, поразили совершенно исключительно благопріятные для всякаго рода астрономическихъ наблюденій видъ и положеніе этого пика.

— Изъ всѣхъ, когда-либо видѣнныхъ мною обсерваторій,—сказалъ по этому поводу Норберъ Моони своему пріятелю баронету, — я не знаю ни одной, кромѣ обсерваторіи, построенной на pic du Midi (на южномъ пикѣ), въ Пиринеяхъ, гдѣ теперь устроился генералъ Нансути, и которая могла-бы, быть можетъ, до извѣстной степени соперничать по своему положенію съ этимъ пикомъ!

Нѣсколько основательныхъ изслѣдованій почвы доказали,

что и въ отношенiи своего геологическаго строенiя пикъ Тэбали являлся неоцѣненнымъ. На самомъ дѣлѣ, эта возвышенность могла быть по праву названа одной громадной глыбой цѣльнаго магнитнаго пирита, высотою въ тысячу пятьсотъ метровъ, конусообразной формы, утвержденной на сплошномъ плато.

Образцы этого пирита, разбитые простымъ молотомъ и подвергнутые тщательному анализу, оказались состоящими изъ смѣси сѣрнистаго и двусѣрнистаго желѣза. Кромѣ того, пиритъ этотъ отличался удивительной плотностью, ковкостью, тягучестью и способностью намагничиваться въ такой-же мѣрѣ, какъ никкель и кобальтъ, если еще не въ большей степени; иначе говоря, онъ дѣйствовалъ подъ влiянiемъ намагниченнаго шеста или хорошей динамо-электрической машины, какъ настоящiй магнитъ, и также, какъ полированная сталь, моментально утрачивалъ свое свойство, какъ только устранялось вызывающее это дѣйствiе влiянiе.

На глубинѣ полутораста метровъ по вертикальной прямой отъ вершины пика встрѣчался повсюду тотъ-же мелкiй желтый песокъ, на которомъ укрѣпилась эта колоссальная масса сѣрнистаго желѣза. Открытiе этого пика было для Норбера Моони такъ неожиданно и вызвало въ немъ такое чувство живѣйшей радости, какого онъ не испытывалъ съ самаго дня митинга въ залѣ „Victoria Hotel“ въ Мальбурнѣ, когда впервые увидѣлъ возможность осуществленiя своей завѣтной мечты.

По своему геологическому характеру этотъ пикъ избавлялъ его отъ необходимости колоссальныхъ работъ по сооруженiю искусственной горы изъ магнитнаго пирита, потому что гора эта была уже создана для него самой природой: она была и выше и шире и болѣе однородна по своему составу, чѣмъ какая-бы то ни была искусственная гора, воздвигнутая при затратѣ громадныхъ денежныхъ средствъ, тысячами рабочихъ рукъ и въ теченiи нѣсколькихъ долгихъ мѣсяцевъ.

Теперь молодому ученому оставалось только приспосо-

бить ее къ той извѣстной цѣли, для которой она предназначена была служить и въ виду которой была избрана Норберомъ Моони.

Прежде всего слѣдовало озаботиться о надежномъ помѣщеніи для машинъ и аппаратовъ громадной стоимости, а также и для всякаго рода припасовъ первой необходимости, которые пока еще были спрятаны подъ простыми навѣсами. Молодой астрономъ началъ съ того, что сталъ проходить дорогу, которая, извиваясь, вела въ гору вплоть до самой вершины пика Тэбали, гдѣ было ровное пространство въ три тысячи квадратныхъ метровъ. На этой-то эксцланадѣ, или площадкѣ, онъ сталъ строить плоскокровельныя, по примѣру всѣхъ арабскихъ построекъ, помѣстительныя зданія изъ камня, которыя должны были служить магазинами, складами, жилыми помѣщеніями и лабораторіями. Всѣ эти зданія, возвышавшіяся на самой вершинѣ горы подобно грозной, неприступной крѣпости, созидались все изъ того-же пирита, добытаго посредствомъ взрывовъ при проведеніи дороги. Сводчатыя кровли этихъ зданій состояли изъ того-же матеріала. Сосѣди Дарфуръ и племя Шерофовъ по первому слову молодого ученаго предоставили въ его распоряженіе достаточное количество рабочихъ рукъ для исполненія всѣхъ этихъ работъ.

Каменьщиковъ здѣсь можно было имѣть въ громадномъ числѣ; землекопы въ нѣсколько дней съ большимъ успѣхомъ обучились своему ремеслу. Благодаря энергіи, усердію и расторопности Мабруки-Спика и Виржиля, служившихъ переводчиками, вскорѣ можно было образовать человѣкъ двадцать надсмотрщиковъ, при бдительномъ надзорѣ которыхъ работы подвигались чрезвычайно быстро и успѣшно. Сравнительно небольшая отдаленность Бербера значительно облегчала доставку продовольствія цѣлой арміи рабочихъ.

Колодцы Уади-Терабъ и Абу-Клеа, находившіеся въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ возвышенности Тэбали, доставляли обитателямъ ея прекраснѣйшую воду, которую

регулярно привозили караваны верблюдовъ въ громадныхъ бурдюкахъ. Прекраснѣйшія цинковыя цистерны, помѣщавшіяся на вершинѣ Тэбали, служили хранилищами для воды, которая вслѣдствіе этого всегда имѣлась въ изобиліи въ маленькой колоніи на пикѣ. Кромѣ того, небольшое селеніе торговцевъ не замедлило основаться въ разстояніи всего какихъ нибудь двухъ километровъ отъ Тэбали и удовлетворяло всѣмъ нуждамъ и потребностяхъ рабочаго люда Луннаго Общества.

У главныхъ воротъ прямоугольной каменной стѣны, служившей оградой для всѣхъ зданій и построекъ маленькой колоніи, Норберъ Моони приказалъ раскинуть большую палатку изъ пестраго полосатаго холста, въ которой онъ особенно любилъ заниматься вычисленіями, счетами и разсчетами, часто весьма сложными, къ какимъ его вынуждали работы. Отсюда открывался превосходнѣйшій видъ, обнимавшій громадное пространство въ пятнадцать или двадцать километровъ въ окружности.

У подножія Тэбали, пикъ котораго являлся самой значительной возвышенностью среди всѣхъ сосѣднихъ горъ, пустыня Байу[illegible] азстилалась подобно большой географической картѣ. Голыя равнины, песчаныя и безжизненныя степи оживлялись небольшими зеленѣющими рощицами пальмъ. Тамъ, вдали, къ востоку, выдѣляясь мелкими бѣлыми пятнышками на желтомъ фонѣ сыпучихъ песковъ, виднѣлись деревни и селенія Южнаго Дарфура, а еще дальше на востокъ—съ помощью зрительной трубы можно было различить, хотя и смутно, среди зеленаго пятна — оазиса Берберъ, круглые низкіе купола и стройные минареты города того же имени. На сѣверѣ можно было скорѣе угадать, чѣмъ видѣть дивный Нилъ, вырисовывавшійся вдали двойною линіей своихъ лѣсистыхъ береговъ, а мѣстами тамъ, гдѣ безконечная цѣпь лѣсовъ прерывалась на время, Священная рѣка сверкала на солнцѣ голубовато - серебристой полосой.

Въ одно октябрьское утро, часовъ около семи, нашъ мо-

лодой ученый по обыкновенію сидѣлъ на своемъ складномъ стулѣ передъ маленькимъ походнымъ рабочимъ столомъ и занимался, всецѣло погрузившись въ свои вычисленія, когда Виржиль вдругъ совершенно неожиданно, съ особой поспѣшностью, вошелъ въ палатку, служившую астроному рабочимъ кабинетомъ.

Добрый парень, очевидно, бѣжалъ сюда очень скоро, потому что былъ красенъ, какъ вареный ракъ, и притомъ сильно запыхался.

— Гости, баринъ... Гости!... Къ намъ гости ѣдутъ!—сказалъ онъ, видимо, сильно взволнованный.

— Гости?—разсѣянно повторилъ за нимъ Норберъ,—ну что ты мнѣ разсказываешь?

— Да нѣтъ же, баринъ, право, гости, и мужчины, и дамы... Господа на коняхъ,—цѣлый караванъ подымается въ гору... Я увидѣлъ ихъ съ лѣсного двора, гдѣ наши люди работаютъ, тамъ, на половинѣ подъема, и полагалъ, что мнѣ слѣдуетъ, предупредить васъ объ этомъ, что вамъ это будетъ пріятно. Мнѣ кажется, что я издали узналъ барышню, дочь г. Керсэнь, и ея маленькую служанку, затѣмъ — отца ея, г. Керсэнь, и доктора Бріэ...

— Ты грезишь!.. Богъ вѣсть, что тебѣ мерещится!—воскликнулъ молодой астрономъ, но тѣмъ не менѣе поспѣшно привсталъ и, схвативъ зрительную трубу, не безъ волненія поднесъ ее къ глазамъ.—Ну, гдѣ же ты ихъ видишь, этихъ мнимыхъ всадниковъ?

— Вотъ, вотъ, смотрите туда, въ концѣ пятнадцатаго поворота... видите?—Одного взгляда было достаточно для того, чтобы Норберъ могъ вполнѣ убѣдиться въ правдивости принесенной Виржилемъ необычайной, невѣроятной вѣсти. Дѣйствительно, то были, несомнѣнно, Гертруда Керсэнь, ея отецъ, докторъ Бріэ и маленькая Фатима, которыхъ онъ благодаря стекламъ своего полевого бинокля видѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя! Какъ ни удивительно, какъ ни невѣроятно было это посѣщеніе, тѣмъ не менѣе это было не игрой воображенія, а живой дѣйствительностью. Въ первый разъ въ

жизни молодой ученый устыдился своего рабочаго наряда, въ немъ проснулось извѣстное чувство кокетства, присущее какимъ нибудь щеголямъ Парижскихъ бульваровъ.

— А я то въ какомъ видѣ! — воскликнулъ онъ съ нескрываемымъ огорченіемъ, окинувъ взглядомъ свой костюмъ, свою шерстяную матроскую рубашку, холщевыя штаны и арабскія туфли безъ задковъ.—Живо, Виржиль!.. тащи мнѣ приличное платье!. свѣжее бѣлье!.. вѣдь мы еще успѣемъ!

Бравый слуга бросился со всѣхъ ногъ въ помѣщеніе своего господина и черезъ минуту принесъ ему и свѣжее бѣлье, и европейскую обувь, и полный лѣтній костюмъ, не забывъ даже широкополой соломенной шляпы. Живой рукой свершилось превращеніе. Едва успѣлъ Норберъ Моони окончить свой поспѣшный туалетъ, какъ въ его палатку вошелъ баронетъ, который только что всталъ. Его утренній туалетъ былъ безукоризненъ и не нуждался ни въ какихъ измѣненіяхъ: объ этомъ неустанно заботился Тиррель Смисъ. Взглянувъ на молодаго баронета, можно было подумать, что онъ только что вышелъ изъ своей щегольской уборной въ Curzon strect въ Лондонѣ.

— Къ намъ ѣдутъ Кереэни!—сказалъ ему Норберъ.

— А... въ самомъ дѣлѣ?

— Посмотрите сами!

И между тѣмъ, какъ Сэръ Буцефалъ, взявъ не спѣша со стола бинокль, подносилъ его къ глазамъ, молодой ученый продолжалъ:

— Я выйду ихъ встрѣтить, а вы, дорогой Когхилль, вы такъ хорошо умѣете всѣмъ этимъ распорядиться, позаботитесь о томъ, чтобы имъ приготовили угощеніе, какихъ нибудь прохладительныхъ напитковъ, въ то время какъ я буду встрѣчать нашихъ гостей.

И не дожидаясь отвѣта, Моони выбѣжалъ на дорогу. Сэръ Буцефалъ въ сущности, весьма огорченный той ролью, которую ему такъ безцеремонно навязали, тѣмъ не менѣе призвалъ своего камердинера и отдалъ ему необходимыя приказанія. Слабый лучъ радости и удовольствія скользнулъ

по гладко-выбритому безцвѣтному лицу образцоваго камердинера, но, не теряя времени и не удостоивъ бѣднаго Тирреля Смиса ни единымъ взглядомъ, молодой баронетъ вышелъ въ свою очередь на дорогу и спѣшилъ нагнать Норбера Моони.

Путники только въѣзжали на эспланаду, когда ихъ встрѣтилъ молодой астрономъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ сюда!—воскликнулъ Норберъ Моони, радостно пожимая руки своихъ друзей.—Я положительно не вѣрилъ своимъ глазамъ! Г. Керсэнь, докторъ Бріэ, мадемуазель Берсэнь, да вы-ли это? васъ-ли я вижу?

— Ну, да, конечно! внѣ всякаго сомнѣнія!—смѣясь отозвалась молодая дѣвушка, легко соскочивъ съ сѣдла при помощи Норбера.—Неужели вы думаете, что я отпустила-бы отца одного въ Хартумъ?

— Въ Хартумъ? Такъ вы ѣдете въ Хартумъ?

— Да,—отвѣтилъ г. Керсэнь, который теперь тоже сошелъ съ коня.—Я назначенъ генеральнымъ французскимъ консуломъ Судана и, конечно, везу съ собою свою дочь...

— Ого!—вставилъ и докторъ Бріэ,—да вы, какъ видно, поотстали съ новостями здѣсь, на вашихъ высотахъ!.. Вы, вѣроятно, не знаете, что армія Гикса, наконецъ, уже собралась подъ Хартумомъ, что она прекрасно дисциплинирована, вооружена и обучена: еще бы, она въ продолженіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ усердно обучалась своему дѣлу!—Вы не знаете, что Магди отступилъ предъ нею! Нѣтъ больше великаго Магди!.. онъ улетучился, окрылился и, подобно птицѣ, отлетѣлъ въ сторону Великихъ Озеръ... Вотъ въ сущности чего стоятъ всѣ эти репутаціи!—А вѣдь какъ я вѣрилъ въ него! Какъ я вѣрилъ въ этого Магди, мой милѣйшій другъ! И что-же? Я не вѣрю больше въ него, ни крошечки не вѣрю!

— И вы такъ-же, господинъ генеральный консулъ,—сказалъ Норберъ Моони, — разъ, вы берете съ собою въ Хартумъ вашу дочь?

— Право, если-бы даже я и вѣрилъ еще въ него, то что-же изъ этого слѣдуетъ? Я во всякомъ случаѣ убѣжденъ, что усмиреніе Судана теперь не болѣе, какъ вопросъ времени. А такъ какъ въ этихъ мѣстахъ французская торговля можетъ занять чрезвычайно важное мѣсто, то я счелъ своимъ долгомъ довести это до свѣдѣнія моего правительства, а министръ, не долго думая назначилъ меня въ Хартумъ. Гертруда, конечно, не захотѣла отпустить меня одного и, какъ видите, настояла на своемъ.

— Ну, понятно!—воскликнула молодая дѣвушка,—развѣ я по праву не участница въ вашей карьерѣ, папа? Знаете, г. Моони, папа только хвастается своими докладами своему правительству: а вѣдь всѣ эти доклады я составляю вмѣстѣ съ нимъ. И вотъ отчасти съ цѣлью посѣтить Хартумъ, да кстати ужъ, такъ какъ это по пути, побывать и на пикѣ Тэбали, признаюсь, я исподволь настаивала на томъ при составленіи этихъ докладовъ. Но, признаюсь, я никакъ не ожидала увидить здѣсь то, что я вижу. Вѣдь это положительно невѣроятно!..

Въ этотъ моментъ къ нимъ подошелъ и баронетъ, все еще немного напыщенный и обиженный тою ловкой штукой, какую съ нимъ только что съигралъ Норберъ Моони, опередивъ его на цѣлую четверть часа и встрѣтивъ гостей безъ него. Но никакая меланхолія не могла устоять передъ заразительной дѣтской веселостью Гертруды Керсэнь. Она, повидимому, была такъ счастлива, что находится на вершинѣ Тэбали, и даже не старалась нисколько скрывать этого. Когда же она переступила порогъ обсерваторіи и очутилась въ громадной сводчатой залѣ, которую Тиррель Смисъ съ помощью Виржиля живой рукой превратилъ въ гостиную, то восторгъ ея не зналъ предѣла.

— Мы находимся съ вами въ настоящее время въ такъ называемой нами „Залѣ Ручекъ“!—Проговорилъ молодой астрономъ. Такое названіе дано ей потому, что всѣ проводы будутъ сосредоточены здѣсь и посредствомъ двухъ ручекъ токъ будетъ регулироваться. При нажимѣ на одну ручку будетъ

устанавливаться токъ, а при нажимѣ на другую онъ будетъ разобщаться. Впрочемъ, послѣ я объясню вамъ подробнѣе,— прибавилъ астрономъ,—а пока́ совѣтую вамъ отдохнуть съ дороги.

Роскошно убранный столъ ожидалъ путниковъ посреди залы, устланной дорогимъ бархатнымъ ковромъ и меблированной широкими диванами, крытыми тѣсненой верблюжьей кожей. По стѣнамъ были развѣшаны большія карты и фотографическіе снимки луны. Въ глубинѣ залы, черезъ дверь, открытую на обѣ половинки, виднѣлись дорогіе астрономическіе инструменты, электрическія машины, словомъ, цѣлый техническій музей. Трудно было повѣрить, что находишься на одинокой горной вершинѣ, среди дикой африканской пустыни.

Послѣ сытнаго завтрака гости объявили любезнымъ хозяевамъ, что желали-бы осмотрѣть всѣ сооруженія сейчасъ-же, такъ какъ въ ту же ночь собирались отправиться въ дальнѣйшій путь.

Но ни Норберъ Моони, ни баронетъ и слышать объ этомъ не хотѣли.

Они убѣдили гостей остаться, обѣщая предоставить въ ихъ ра́споряженіе зданіе обсерваторіи, а сами хотѣли перейти на ночь въ палатку, что въ этихъ жаркихъ странахъ не казалось особымъ лишеніемъ.

Г. Керсэнь уступилъ ихъ просьбамъ и согласился переночевать на Тэбали. Между тѣмъ Гертруда, выйдя изъ-за стола, принялась разсматривать нѣкоторыя изъ картъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ.

— Что это такое?—спросила она, указывая на карту морей и материковъ, которые ей были совершенно незнакомы.

— Это общая карта луны,—отвѣтилъ ей Норберъ,—или вѣрнѣе—ея полушарія, видимаго для насъ.

— Какъ! карта луны!—воскликнула молодая дѣвушка.— Развѣ тамъ уже были люди?

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, чтобы составить карту: стоитъ только внимательно наблюдать за нашей спут-

ницей въ ясныя лунныя ночи съ помощью телескоповъ и заносить свои наблюденія на карты. Съ теченіемъ времени эти многочисленныя наблюденія разныхъ астрономовъ, оказавшіяся тождественными, дали возможность составить географическую карту этого маленькаго міра.

— Но я вижу на этой картѣ имена и названія, вотъ напримѣръ: „Море спокойствія“; „Океанъ бурь“; „Цѣпь Апеннинов“; „Дорфельскія горы“... кто могъ узнать эти названія?

— Это названія условныя, данныя самими наблюдателями; они, въ сущности, ничуть не нарушаютъ законныхъ правъ жителей луны, если только таковые существуютъ, что для меня неизвѣстно.

— Ну, а это что такое?—спросила снова Гертруда, переходя къ другой картѣ.

— Это лунная гора „Гассенди“; а вотъ группа высотъ, или горъ, которую мы замѣчаемъ вблизи сѣвернаго полюса нашего спутника, это такъ называемыя „Горы Вѣчнаго Свѣта“.

— Всѣ эти вулканы какъ будто срисованы съ нашихъ Северныхъ горъ!

— Это вулканы луны или, по крайней мѣрѣ, кратеры прежнихъ вулкановъ, по всѣмъ вѣроятіямъ уже потухшихъ. Они встрѣчаются повсюду на поверхности этой бѣдной луны, которая, повидимому, нѣкогда сильно страдала отъ различныхъ вулканическихъ переворотовъ.

— А вы убѣждены, что это все кратеры?

— Конечно, потому что мы можемъ опредѣлить совершенно точно ихъ форму и очертанія, ихъ высоту и размѣры.

— Какимъ-же образомъ?

— Мало того, что это возможно, это даже очень легко и просто, и дѣлается посредствомъ самой элементарной геометріи.

— И вы не допускаете возможности ошибки относительно ихъ высоты и размѣровъ?

— Нѣтъ! Когда вы смотрите на фотографію какого-нибудь человѣческаго лица, котораго вы никогда не видали, увѣрены-ли вы, что эти черты точно воспроизведены фотографіей?

— Да, конечно!

— Ну, такъ и мы дѣлаемъ фотографическіе снимки съ луны, точно также какъ съ любого живого лица. Вотъ смотрите, это какъ разъ фотографическій снимокъ лунной горной цѣпи Апеннинъ, снятыхъ мною не далѣе, какъ съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Поразительно!

— Да, ну, а взгляните теперь на этотъ снимокъ, изображающій вулканическій островъ, усѣянный кратерами,—это нашъ пикъ Тенерифъ, снятый съ высоты птичьяго полета—неправда-ли, какъ аналогично?

— Дѣйствительно!

— Вотъ такимъ-то путемъ, путемъ сравненій и аналогій, мы создали географію луны, или селенографію, какъ говорятъ любители греческаго языка.

— Понимаю, но скажите мнѣ, какъ могли вы сдѣлать снимокъ отдѣльной цѣпи горъ? я понимаю, что можно сдѣлать снимокъ всей луны, но отдѣльныхъ ея частей...

— И это вамъ не трудно будетъ понять, если вы вспомните, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи телескопы, увеличивающіе въ 2,000 разъ, которые, такъ сказать, приближаютъ къ намъ луну на разстояніе приблизительно сорока восьми миль отъ нашей обсерваторіи. А такъ какъ шаръ, имѣющій въ діаметрѣ 869 миль, на такомъ близкомъ разстояніи долженъ казаться громаднымъ, то мы по желанію можемъ выбирать любую часть его для воспроизведенія фотографическимъ способомъ. Кромѣ того, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что микроскопическая фотографія легко можетъ быть увеличена на столько, чтобы показать намъ разныя мелкія подробности, которыхъ мы не могли разглядѣть невооруженнымъ глазомъ.

— О, какъ-бы я хотѣла видѣть все это своими глазами!—воскликнула Гертруда.

— Вы и увидите, и не далѣе какъ сегодня-же вечеромъ. Луна теперь полная и вполнѣ удобна для наблюденій.

— Неужели вы покажете и цѣпь Апеннинъ, и Океанъ Бурь, и горы Дорфель?..

— Да и еще многое другое!

— Нѣтъ, это нѣчто чудесное! нѣчто поразительное!

— Да, пожалуй, это нѣчто чудесное и даже поразительное, если хотите, но мнѣ кажется еще болѣе поразительнымъ то, что почти все наше человѣчество проводитъ всю свою жизнь въ столь близкомъ сосѣдствѣ со всѣми этими чудесами и ничего не знаетъ о нихъ и даже не интересуется ими!

— И такъ вы дѣйствительно допускаете возможность,—продолжала Гертруда послѣ нѣкотораго молчанія,—что луна сходна съ нашей землей и по своему геологическому строенію, и по своимъ материкамъ, морямъ, горамъ, вулканамъ и т. п.?

— Не только допускаю,—улыбнувшись отвѣтилъ Норберъ Моони — но почти увѣренъ, что это именно такъ. Не забудьте, что луна ничто иное, какъ часть земли, отдѣлившаяся отъ нея тысячу милліардовъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху, когда нашъ земной шаръ представлялъ изъ себя темное тѣло, состоящее изъ вращающихся вокругъ себя обрывковъ. Потому-то химическіе элементы ея почвы совершенно тождественны съ химическими элементами земной почвы; самое большое различіе, какое можетъ быть допущено, заключается въ иной комбинаціи этихъ элементовъ или-же иномъ распредѣленіи между центромъ и периферіей Однако всѣ изслѣдованія заставляютъ предполагать безусловную тождественность геологическаго строенія луны и земнаго шара. Этимъ я, конечно, отнюдь не хочу сказать, что и жизнь тамъ проявляется, или проявилась, въ тѣхъ-же формахъ и при тѣхъ-же условіяхъ. Нѣтъ! Климатическія и температурныя условія луны безусловно совершенно иныя,

чѣмъ наши. Вслѣдствіе ея значительно меньшаго размѣра, ея особаго положенія и ея чередующихся переходовъ отъ холода къ теплу и обратно, совершающихся въ теченіе четырнадцати дней, — не только вѣроятно, но вполнѣ несомнѣнно, что растительное и животное царства луны являются или являлись совершенно иными, чѣмъ наши. Что-же касается ея атмосферы, существованіе которой несомнѣнно, то она до того разрѣженна, что не имѣетъ ни малѣйшей аналогіи съ нашей.

— Вы, конечно, имѣете объ этомъ самыя новѣйшія свѣдѣнія?—насмѣшливо освѣдомился докторъ Бріэ.

— Да, именно, какъ вы изволили сказать, самыя новѣйшія свѣдѣнія,—серьезно отвѣтилъ молодой ученый—Всѣ вечера я провожу за наблюденіями, наиболѣе любопытныя изъ которыхъ и заношу въ нашъ астрономическій журналъ.

— Такъ, напримѣръ, въ теченіе послѣдняго солнечнаго затмѣнія въ прошедшемъ августѣ я замѣтилъ то самое явленіе, которое обратило на себя вниманіе Лосседара и о которомъ онъ упоминаетъ въ своихъ трудахъ: я говорю о закругленіяхъ на концахъ рожковъ солнечнаго серпа. Кромѣ того, мнѣ случалось нѣсколько разъ наблюдать лунный сумракъ, о которомъ уже говорилъ раньше меня Шретеръ. Все это доказываетъ несомнѣнное существованіе атмосферы, хотя другіе признаки, какъ, напримѣръ, отсутствіе градацій и переходовъ въ тѣняхъ, которыя кидаютъ на равнины горы и кратеры луны, какъ-бы противорѣчатъ этимъ доказательствамъ. Вотъ почему я придерживаюсь того мнѣнія, что лунная атмосфера безусловно существуетъ, но что она на столько разрѣжена, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно непригодна для дыханія намъ, жителямъ земли.

— Но, въ такомъ случаѣ, прощай весь вашъ блистательный проектъ!

— Нѣтъ, это мы еще увидимъ! — возразилъ улыбаясь Норберъ Моони. — Мы приняли на всякій случай всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Если атмосфера луны не

возможна для нашего дыханія, мы попытаемся замѣнить ее нашей; если-же это не удастся намъ, то мы обойдемся какъ безъ той, такъ и безъ другой!..

X. Еще гости.

Гости были чрезвычайно заинтересованы любопытными сообщеніями Норбера Моони и готовы были безъ конца слушать молодаго ученаго, но тотъ воспротивился этому и потребовалъ, чтобы пріѣзжіе отправились отдохнуть. Лишь послѣ заката солнца директоръ „Selene Company" согласился продолжать прерванный осмотръ сооруженій своей обсерваторіи.

— Я покажу вамъ нѣчто такое, чего еще не видалъ ни одинъ непосвященный въ это дѣло! —сказалъ онъ.— Но не думайте, что я поведу васъ смотрѣть страшныя рогатыя машины или кабалистическіе препараты... нѣтъ, все у насъ крайне просто.

— Вотъ прежде всего, — продолжалъ онъ, проходя впередъ своихъ гостей въ галлерею, примыкавшую къ „залѣ ручекъ",—это моя частная обсерваторія. Здѣсь вы не увидите ничего такого, чего бы не могли увидѣть и въ Парижѣ, Марселѣ, Монсури или Гринвичѣ. Подвижной куполъ, вращающійся на своей оси, телескопы, термометры, витрина съ мелкими инструментами—вотъ и все. Здѣсь, направо, у насъ большая лабораторія съ очагами, колбами, ретортами... а тамъ, влѣво, у насъ помѣщается складъ химическихъ веществъ, въ которомъ вы видите громадный запасъ хлористаго кали и большія цинковыя коробки.

— Резервуары эти предназначены для того, чтобы быть наполненными кислородомъ, который дастъ намъ возможность дышать при какихъ-бы то ни было атмосферическихъ условіяхъ, какъ подъ водою, такъ и въ воздушномъ пространствѣ.

— Дальше идетъ кладовая, или складъ канатовъ, различ-

ныхъ тканей, шелковыхъ и другихъ, и различныхъ матеріаловъ для изготовленія воздушныхъ шаровъ и парашютовъ различныхъ системъ и всевозможныхъ размѣровъ, совершенно готовыхъ служить въ любой моментъ, въ случаѣ надобности. Всѣ остальныя зданія представляютъ собою наши провіантскіе склады.

— Тамъ хранятся наши запасы мясныхъ и иныхъ консервовъ, наша сушеная зелень, вина, морскіе сухари, мука, крупа, сушеные фрукты и все остальное. Наши цинковыя цистерны, вдѣланныя въ бетонъ, вмѣщаютъ около двадцати милліоновъ литровъ воды... Но все это, повторяю, не представляетъ собою ничего особенно интереснаго. Достаточно сказать вамъ, что мы находимся здѣсь въ одно-этажномъ укрѣпленномъ замкѣ, построенномъ изъ чистаго магнитнаго пирита и богато снабженномъ не только всѣмъ необходимымъ для нашей обыденной жизни, но и всѣмъ необходимымъ для астрономическихъ, метеорологическихъ и воздушныхъ наблюденій, для всѣхъ физическихъ и химическихъ изслѣдованій и быстраго изготовленія всѣхъ тѣхъ предметовъ, какими мы могли позабыть запастись...

— И такъ, какъ видите, до настоящаго времени во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего особенно замѣчательнаго или выдающагося, если не принять во вниманіе полную автономію нашего маленькаго государства, которое, въ случаѣ надобности, могло-бы существовать совершенно самостоятельно, какъ большое судно въ открытомъ морѣ, или крѣпость въ осадномъ положеніи. Для большаго сходства съ послѣдней мы имѣемъ еще и прекраснѣйшія средства къ оборонѣ, цѣлый арсеналъ холоднаго оружія, ружей и револьверовъ, два Гаттлинговскихъ орудія и четыре дальнобойныхъ митральезы системы Максима... Вотъ вамъ наши матеріальныя условія и условія нашей общественной безопасности, а теперь перейдемъ къ осмотру техническихъ работъ, предпринятыхъ нами ввиду того опыта, который я предполагаю сдѣлать въ возможно близкомъ будущемъ!

Съ этими словами молодой астрономъ ввелъ своихъ го-

стей въ круглую залу, занимавшую центръ строеній. Здѣсь посѣтителямъ представилась только большая круглая совершенно черная яма, или дыра.

— Въ этой ямѣ я предполагаю установить въ непродолжительномъ времени подъемную машину, благодаря которой мы будемъ имѣть возможность въ три минуты спускаться къ подножію нашей горы. Въ сущности это ничто иное, какъ глубокій колодезь. Я приступилъ къ вырытію его тотчасъ-же послѣ того, какъ покончилъ съ нивелировкой верхней площади. Это было сдѣлано главнымъ образомъ съ цѣлью зондировать почву и убѣдиться въ геологическомъ строеніи пика Тэбали. Колодецъ этотъ вертикально спускается до глубины 1,520 метровъ при діаметрѣ въ два метра слишкомъ. Съ помощью пара, который мы примѣняли въ этомъ дѣлѣ, вся эта работа была окончена въ теченіе двѣнадцати недѣль. Такимъ способомъ мнѣ удалось добраться до основанія пика и убѣдиться, что это основаніе лежитъ на чистомъ пескѣ, констатировать однородность состава этой скалы, степень ея магнитности и вслѣдствіе этого рѣшиться воспользоваться этой горой въ томъ видѣ какъ она есть, вмѣсто того, чтобы сооружать такую гору искусственнымъ путемъ. Кромѣ того колодецъ этотъ имѣетъ еще другое примѣненіе, которое вы вскорѣ сами съумѣете оцѣнить...

— Вы только что упомянули о паровыхъ машинахъ, которыми пользовались для сверленія этого вертикальнаго колодца,—замѣтилъ г. Керсэнь,—гдѣ-же у васъ эти машины и какимъ путемъ вы могли снабжать ихъ необходимымъ топливомъ?

— Вы затрагиваете какъ разъ именно то единственное препятствіе, которое грозило окончательно остановить нашу Суданскую экспедицію — именно, недостатокъ въ топливѣ. Чтобы объяснить вамъ, какимъ образомъ мнѣ удалось обойти это затрудненіе, будетъ достаточно показать тотъ аппаратъ, который является главнымъ двигателемъ и созидателемъ всего моего предпріятія.

— Все маленькое общество вышло по коридору на широкую круговую дорогу, пролегавшую подъ открытымъ небомъ между строеніями и наружной стѣной, служившей оградой.

На этой широкой дорогѣ, подвергавшейся въ продолженіи доброй половины сутокъ палящему вліянію раскаленныхъ лучей тропическаго солнца, помѣщалось нѣсколько дюжинъ громадныхъ мѣдныхъ рефлекторовъ въ видѣ усѣченныхъ конусовъ. Каждый изъ этихъ аппаратовъ имѣлъ большой котелъ изъ закаленнаго стекла и паровую машину, которая, какъ это было видно по ея движенію, легко могла передавать это движеніе приводнымъ ремнемъ, расположеннымъ подъ навѣсомъ.

— Это инсоляторъ,—сказалъ Норберъ Моони,—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ созданъ, сооруженъ и усовершенствованъ своимъ геніальнымъ изобрѣтателемъ господиномъ Мушо, профессоромъ физики при лицеѣ въ Турѣ, предназначенный имъ для воспріятія солнечной теплоты и примѣненія ея для промышленныхъ цѣлей. Самъ изобрѣтатель имѣлъ, кажется, въ виду прежде всего примѣненіе своихъ аппаратовъ при постройкѣ транссахарской желѣзной дороги. Какъ вы изволили уже видѣть, благодаря содѣйствію этихъ самыхъ инсоляторовъ мы имѣли возможность пробуравить тотъ глубокій колодецъ и, какъ вы сейчасъ будете имѣть случай убѣдиться—тамъ, внизу, у подножія горы, этотъ аппаратъ раскаляетъ до бѣла поясъ плавильной печи, въ которой производится весьма значительное количество стекла.

— Какъ? Неужели эта мѣдная воронка способна выдѣлять такое количество тепла, какое потребно для превращенія песка въ стекло?—воскликнулъ восхищенно докторъ Бріэ.

— Вы сами сейчасъ лично убѣдитесь въ этомъ,—сказалъ Норберъ Моони,—а пока, я полагаю, что будетъ достаточно, если я скажу вамъ, что здѣсь, подъ жгучимъ небомъ Судана, у насъ получается въ этихъ аккумуляторахъ среднимъ числомъ до 38 калорій въ минуту на каждый квад-

ратный метръ подверженной вліянію солнца поверхности, а каждый изъ моихъ аппаратовъ равняется 10 квадратнымъ метрамъ, всего-же ихъ у меня 2,000. Иначе говоря, я могу даромъ получить и использовать до 760,000 калорій въ минуту или 45.600,000 въ часъ, или-же 456.000,000 калорій въ теченіе десяти часоваго дня. Вотъ какъ велико количество тепла, выдѣляемаго для насъ солнцемъ, но которому человѣчество даетъ пропадать даромъ, не утилизируя его ни на какія свои нужды. Мы здѣсь не имѣемъ другого средства нагрѣванія или отопленія. Сегодня утромъ вы изволили кушать за завтракомъ котлеты, изжаренныя посредствомъ инсолятора, а вечеромъ мы васъ угостимъ супомъ и жаркимъ, изготовленными тѣмъ-же самымъ способомъ. Та наливка, которую вы вольете въ свой послѣобѣденный кофе, изжаренный все тѣмъ-же самымъ способомъ, настоена на водкѣ, дистиллированной тоже инсоляторомъ.

— Но въ такомъ случаѣ вы принуждены стряпать и готовить только днемъ?—замѣтила смѣясь Гертруда.

— Да, если-бы мы имѣли непростительную глупость давать испаряться этому теплу, добытому нами въ теченіе дня, но отнюдь не тогда, когда мы позаботимся сохранить это тепло, задержавъ его посредствомъ какого-нибудь тѣла, служащаго плохимъ проводникомъ, въ родѣ теплаго шерстянаго одѣяла или простого глинянаго горшка, какъ это дѣлаетъ мой Виржиль, могу васъ въ томъ увѣрить!

— Это положительно поразительно!—воскликнулъ г. Керсэнь.—Вотъ, въ самомъ дѣлѣ аппаратъ, который призванъ оказывать въ Африкѣ самыя громадныя услуги!

— Да, совершенно вѣрно, такого рода услуги, которыя мы теперь еще даже не въ состояніи вполнѣ оцѣнить,—сказалъ Норберъ Моони.—Подумайте только о томъ, что это сила даровая и безпредѣльная!.. Однимъ простымъ дѣйствіемъ солнца мы имѣемъ теперь возможность рыть артезіанскіе колодцы посреди самой безводной голой пустыни, добывать воду съ какой угодно глубины, вызывать ее на поверхность... Можно провести желѣзныя дороги изъ конца въ

конецъ Сахары, построить фабрики, заводы, заставлять ихъ работать, отоплять паровыя суда, не заботясь о топливѣ. Эта забота всецѣло ложится на солнце... стоитъ только установить эту мѣдную коническую воронку,—и все остальное дѣлается уже само собою. И вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ дать этимъ инсоляторамъ желанное направленіе и уклонъ. Вотъ этотъ рычагъ, который вы видите, безъ труда заставляетъ двигаться рефлекторъ вправо и влѣво въ горизонтальной плоскости, а эти желѣзные подъемцы позволяютъ вращать ихъ и подымать, и спускать выше и ниже. Семилѣтній ребенокъ, дикій полинезіецъ, мало того, даже обезьяна легко научится столь простому и нѐ сложному маневру!..

Съ круговой дороги маленькое общество вернулось къ главнымъ входнымъ воротамъ, гдѣ ихъ ожидали уже осѣдланныя лошади, чтобы спуститься къ подножію горы Тэбали. Это было дѣломъ какого-нибудь получаса. Легкимъ галопомъ проѣхала кавалькада мимо лагеря землекоповъ, состоящаго изъ землянокъ, хижинъ и пестрыхъ холщевыхъ палатокъ и навѣсовъ, и вскорѣ остановилась у плавильныхъ печей, о которыхъ уже упоминалъ Норберъ Моони.

— Такихъ точно плавильныхъ печей мы имѣемъ сто двадцать въ данный моментъ; они опоясываютъ основаніе нашего пика или, если хотите, подножіе горы Тэбали цѣлымъ поясомъ стеклянныхъ заводовъ. Вотъ вы теперь сами видите получающееся стекло, оно, конечно, грубое и не совсѣмъ прозрачное, но вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, которое заключается въ томъ, чтобы изолировать магнитную скалу, изъ которой состоитъ пикъ Тэбали. И это изолированіе совершится посредствомъ слоя такого стекла толщиною приблизительно отъ семидесяти до восьмидесяти сантиметровъ.

— Но какимъ образомъ вамъ удастся получить этотъ слой?—спросилъ докторъ Бріэ.

— Да очень просто! Спуская горячую стеклянную массу подъ основаніе пика Тэбали. Въ пескѣ, доставляющемъ намъ

главное вещество для изготовленія стекла, мы не имѣемъ здѣсь недостатка, а солнце даетъ мнѣ возможность поддерживать дѣятельность ста двадцати плавильныхъ печей въ теченіе отъ двѣнадцати до пятнадцати часовъ въ сутки. Каждая изъ этихъ плавильныхъ печей даетъ намъ, среднимъ числомъ, до двухсотъ кубическихъ метровъ стекла въ день, и стекло это стекаетъ подъ гору по мѣрѣ того, какъ оно выходитъ изъ плавильныхъ тигелей, и тамъ уже разливается. Горизонтальный тоннель, прорытій вплоть до центра основанія пиритной скалы, упирающійся въ тотъ глубокій колодецъ, который мы съ вами уже видили, позволяетъ намъ двигать сливаніе стеклянной массы отъ этого центра къ окружности скалы... Въ тотъ день, когда стеклянная масса достигнетъ окружности скалы, мы будемъ знать, что гора наша окончательно изолирована отъ своей природной песчаной подпочвы.

— Ну, а сколько времени потребуется вамъ на это? — освѣдомилась Гертруда.

— Да еще мѣсяцевъ пять, шесть упорной работы, не меньше!

— Это, однако, довольно долгій срокъ!

— Да, дѣйствительно, особенно для господъ комиссаровъ контрольнаго комитета Selene-Company,—улыбаясь сказалъ Норберъ Моони, бросивъ лукавый взглядъ въ сторону сера Буцефала.—Но тѣмъ хуже для нихъ!—весело продолжалъ онъ,—я не хочу ничего предоставлять случайности и, какъ вы, вѣроятно, повѣрите мнѣ, не соглашусь скомпрометировать успѣхъ моего дѣла излишней, непростительной въ такого рода вещахъ поспѣшностью, въ угоду этимъ господамъ.

— Ахъ, кстати, гдѣ же остальные три комиссара?— освѣдомился докторъ Бріэ. — Мы ихъ еще не видали сегодня.

— Они тамъ на верху, на горѣ, въ спеціально отведенномъ для нихъ помѣщеніи.

— Тамъ они проводятъ все свое время, играя въ карты, куря трубки и потягивая отвратительное англійское пиво,

которое имъ доставляютъ въ громадномъ количествѣ изъ Бербера. Я ихъ теперь почти не вижу и терплю ихъ вмѣшательство только въ случаяхъ безусловной необходимости: напримѣръ, когда требуется подписать какое нибудь условіе, контрактъ или выдать ордеръ для уплаты.

Но при этомъ молодой ученый умалчивалъ о томъ, что эти господа, Вагнеръ, Грифинсъ и Фогель, всѣми средствами старались воспрепятствовать осуществленію его предпріятія; что ихъ враждебность была уже теперь вполнѣ и несомнѣнно доказана цѣлымъ рядомъ самыхъ низкихъ и гнусныхъ подводовъ; что въ силу всего этого пришлось смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ, и строго воспретить имъ доступъ къ работамъ, входъ въ обсерваторію и даже въ магазины экспедиціи. И вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ какъ эти господа, такъ сказать, содержались въ карантинѣ въ той части лѣваго флигеля главныхъ строеній, который былъ отведенъ подъ ихъ квартиры. Кромѣ того, для большей безопасности, они были надлежащимъ образомъ предупреждены, что, въ случаѣ новыхъ измѣнническихъ и предательскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, имъ безъ особой церемоніи всадятъ каждому по три пули въ голову.

Норберъ Моони съ большой охотой совершенно изгналъ бы ихъ изъ Тэбали и отправилъ бы обратно въ Европу, но его удерживало отъ этого ихъ званіе денежныхъ, или финансовыхъ, контролеровъ, избранныхъ собраніемъ акціонеровъ, и потому, если онъ и желалъ окончательнаго разрыва съ ними, то только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ разрывъ произошелъ съ ихъ стороны. Вотъ причины, почему онъ, хотя и предупредилъ ихъ, что не потерпитъ болѣе съ ихъ стороны никакой прямой или косвенной попытки воспрепятствовать осуществленію его предпріятія, тѣмъ не менѣе продолжалъ терпѣть ихъ присутствіе въ Тэбали.

Что же касается ихъ самихъ, то они, конечно, отнюдь не желали удалиться по собственной волѣ. Рѣшившись, во что бы то ни стало, захватить въ свои руки это блестящее дѣло, которое было обязано имъ своимъ существованіемъ,

и потому смотря на Норбера Моони, какъ на узурпатора ихъ блестящей мысли, они скорѣе были согласны вытерпѣть какія угодно ограниченія, неудобства и непріятности, чѣмъ выпустить это дѣло изъ своихъ рукъ!

Съ серомъ Буцефаломъ Когхилль, человѣкомъ принадлежавшимъ къ хорошему обществу, Норберъ Моони ладилъ прекрасно. Чтобы вызвать между ними нѣчто похожее на тѣнь соперничества, надо было только присутствіе прелестной дочери французскаго консула. Молодой баронетъ не могъ, живя бокъ объ бокъ съ Норберомъ Моони, не увлечься его пылкой энергіей, его честными и прямыми взглядами на вещи—не оцѣнить его милаго привѣтливего и веселаго нрава, его геніальнаго изобрѣтательнаго ума и прекрасныхъ душевныхъ качествъ. Чѣмъ бы ни окончилось это предпріятіе, баронетъ гордился тѣмъ, что принималъ въ немъ участіе. Задѣтый за живое въ своемъ любопытствѣ, съ разумнымъ разсчетомъ окружить свое имя новымъ блестящимъ ореоломъ, какимъ, безъ сомнѣнія, должна была украситься его репутація благодаря столь оригинальному и необычайному приключенію, по возвращеніи его въ Лондонъ, молодой лордъ Когхилль довольно охотно мирился съ немного однообразной и уединенной жизнью, какую онъ принужденъ былъ вести въ пустынѣ Байуда.

Не взглянувъ на остальныя плавильныя печи, совершенно подобныя той, которую маленькое общество только что осмотрѣло во всѣхъ подробностяхъ, веселая кавалькада вернулась обратно по прекрасной дорогѣ, ведущей въ гору въ обсерваторію пика Тэбали.

— Если я хорошо понялъ ваши слова,—сказалъ по пути г. Керсэнъ, ѣхавшій рядомъ съ Норберомъ Моони,—вы, очевидно разсчитываете въ концѣ концовъ воспользоваться тою же солнечной теплотой, чтобы произвести на луну извѣстное магнетическое вліяніе, не такъ-ли?

— Да, совершенно вѣрно!

— Что же касается вашихъ настоящихъ работъ, то ихъ главная цѣль заключается въ томъ, чтобы совершенно изо-

лировать пиритную скалу пика Тэбали, подведя подъ его основаніе толстый слой грубаго стекла, который разобщитъ окончательно скалу отъ ея подпочвенныхъ песковъ... Прекрасно, все это я отлично понимаю, но когда эта задача будетъ окончена, то я желалъ бы знать, на сколько это подвинетъ васъ ближе къ вашей цѣли?

— Я объясню вамъ это очень охотно!—отвѣтилъ молодой астрономъ.—Я буду имѣть тогда у себя подъ рукою огромную массу магнитнаго пирита, которую въ любой данный моментъ съумѣю превратить въ магнитъ.

— Какимъ-же образомъ?

— Просто посредствомъ сильныхъ электрическихъ токовъ, которые я пущу разомъ во всѣ части этой громадной каменной массы. Проводы уже готовы и всѣ они соединяются, какъ шнуры, съ моими динамами въ „залѣ ручекъ". Динамомашины, конечно, будутъ приводиться въ дѣйствіе все тѣми же инсаляторами, которые, ставъ безполезными тамъ, внизу, у подножія горы, будутъ перенесены всѣ на круговую дорогу... Покончивъ со всѣми этими приготовленіями въ назначенный день и часъ, мнѣ будетъ достаточно только установить соединеніе проводовъ посредствомъ нажатія тѣхъ ручекъ слоновой кости, которыя я вамъ показывалъ. И въ тотъ же моментъ весь пикъ Тэбали мгновенно станетъ сплошнымъ колосальнымъ магнитомъ!

— И тогда?

— Тогда луна, неудержимо привлекаемая этимъ усиленнымъ земнымъ магнетизмомъ, спустится къ намъ и станетъ доступной нашимъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ!...

Послѣ столь смѣлаго, при всей своей простотѣ, проекта молодого ученаго всѣ невольно смолкли, и остальная часть подъема на пикъ Тэбали совершилась въ полномъ безмолвіи. Только мѣрные удары копытъ верховыхъ коней кавалькады раздавались въ тишинѣ прозрачнаго вечерняго воздуха. Вдали уже ложился сумракъ ночи и вся обширная равнина пустыни Байуда сливалась съ этимъ постепенно усиливающимся сумракомъ, тогда какъ пикъ Тэбали, чуть чуть по-

злащенный послѣдними лучами заходящаго солнца, точно грозный перстъ возвышался къ блѣдному небу, на которомъ медленно всплывала луна. Быть можетъ, это смѣлое предпріятіе было безумнымъ; но теперь оно уже никому не казалось таковымъ. И каждый внутренно говорилъ себѣ, что оно и осуществимо, и возможно, и во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ попытки. И всѣ невольно удивлялись силѣ воли, энергіи и изобрѣтательному генію того, который предпринялъ это смѣлое дѣло и упорно велъ его по пути къ осуществленію.

— Какая громадная разница между этимъ молодымъ вдохновеннымъ и пылкимъ ученымъ и его пріятелемъ, этимъ милымъ, любезнымъ, воспитаннымъ, но въ сущности незначительнымъ англичаниномъ! — мысленно говорила себѣ Гертруда.—Одинъ изъ нихъ похожъ на ребенка, который наивно любуется теченіемъ жизни, другой—на человѣка, владѣющаго всею силой науки, способнаго покорить себѣ всѣ силы природы, чтобы осуществить мечты, созданныя его воображеніемъ.

Послѣ того, что гости слышали отъ Норбера Моони, эти двѣ ручки изъ слоновой кости пріобрѣли въ ихъ глазахъ извѣстный престижъ. При взглядѣ на нихъ невольно чувствовалось какое то особое уваженіе, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ являлось и сознаніе, что это, такъ сказать, органы, регулирующіе финальное дѣйствіе, а потому всѣ подошли посмотрѣть на нихъ. Они просто были помѣчены А и В и ввинчены въ стальную оправу. Та таблетка, къ которой онѣ были придѣланы, весьма походила на таблетку телеграфистовъ, на ней же былъ утвержденъ и еще другой аппаратъ въ родѣ часовъ и довольно большое мѣдное зубчатое колесо, приводимое въ движеніе хрустальной рукояткой.

— Вы объяснили намъ примѣненіе и значеніе этихъ костяныхъ ручекъ, — сказалъ докторъ Бріэ, — но скажите намъ, пожалуйста, что это за аппаратъ въ родѣ часовъ, напоминающій компасъ?

— Это магнитометръ, который постоянно будетъ указывать мнѣ степень силы моего магнита.

— А это зубчатое колесо?

— Это аппаратъ, при помощи котораго я буду имѣть возможность увеличивать и уменьшать силу магнита, судя по тому, какъ я найду нужнымъ, переводя стрѣлку съ № 0 до № 620, соотвѣтствующаго степени пресыщенности.

— Такимъ образомъ вашъ магнитъ можетъ проявить громадную силу, но если вы найдете нужнымъ, то можете уменьшить его силу до 1/360 максимума?

— Да и при томъ самымъ простымъ способомъ, остановивъ это зубчатое колесо на одной изъ зарубокъ подъ № 360.

— Теперь еще одинъ послѣднiй вопросъ и я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ—сказалъ докторъ Бріэ.— Что, если солнце измѣнитъ вамъ вслѣдствіе дурной погоды какъ разъ въ критическiй моментъ, тогда вашъ магнитъ, конечно, будетъ совершенно бездѣйствовать?

— Отнюдь нѣтъ, я построилъ электрическіе аккумуляторы, которые и покажу вамъ, аккумуляторы новѣйшей системы, съ помощью которыхъ я могу запастись солнечной теплотой въ количествѣ, достаточномъ для поддержанія силы магнита на степени пресыщенія въ теченіе десяти сутокъ. А такъ какъ въ этихъ странахъ не случается, чтобы погода оставалась пасмурной болѣе двухъ или трехъ дней къ ряду, то я могу себя считать вполнѣ обезпеченнымъ на этотъ счетъ..

Послѣ обѣда, за которымъ вся маленькая компанія снова собралась въ „залѣ ручекъ", Гертруда Керсэнъ пожелала видѣть въ телескопъ луну съ ея горами и долинами, которыя Норберъ Моони съ особымъ удовольствіемъ показывалъ ей во всѣхъ подробностяхъ; а затѣмъ показалъ ей и Марса, и Венеру, и Сатурна съ его кольцами, а въ концѣ концовъ, наглядѣвшись и налюбовавшись вдоволь всѣми этими чудесами небеснаго пространства, молодая дѣвушка заговорила и о томъ, что въ тайнѣ было, быть можетъ, главною цѣлью ея путешествія.

— А моя звѣзда?—спросила она, вдругъ повернувъ головку въ сторону молодаго астронома, стоявшаго за ея плечомъ.—Вы ничего не говорите мнѣ о ней. Ужъ не угасла-

ли она какимъ-нибудь образомъ, не скрылась-ли окончательно съ горизонта?

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Норберъ Моони, вдругъ оживляясь. — Ваша звѣзда блеститъ ярче прежняго, будьте въ томъ увѣрены, и теперь успѣла уже занять вполнѣ опредѣленное мѣсто въ астрономическомъ каталогѣ, подъ именемъ Gertrudia, которое вы были такъ добры утвердить за нею. Позвольте мнѣ васъ увѣрить, что она совершаетъ свое теченіе вполнѣ правильнымъ, опредѣленнымъ путемъ и что въ опредѣленный срокъ и день она появится на нашемъ горизонтѣ. Но въ настоящій моментъ ея еще нѣтъ и сегодня я не могу вамъ показать ее...

На слѣдующій день, послѣ завтрака, всѣ, и гости, и хозяева, сидѣли въ большой залѣ, когда къ немалому удивленію всѣхъ присутствующихъ, какъ снѣгъ на голову, вошелъ въ комнату новый гость, гость совершенно неожиданный, о самомъ существованіи котораго всѣ уже давно успѣли забыть: это былъ тотъ самый карликъ, котораго они видѣли нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ качествѣ ассистента Радамехскаго могаддема.

Онъ вручилъ, не говоря ни слова, но сопровождая каждое свое движеніе безчисленнымъ множествомъ жестовъ, гримасъ и поклоновъ, посланіе отъ святаго старца, которое Виржиль долженъ былъ тутъ-же перевести на французскій языкъ.

Оно гласило слѣдующее:

„Дорогому сыну нашему, Норберу Моони, весьма свѣдущему въ наукахъ и искусствахъ и весьма премудрому, поклонъ и пожеланіе благополучія“.

„Слугѣ нашему, Каддуру, мы поручили вручить тебѣ это посланіе съ тѣмъ, чтобы увѣдомить тебя, что отнынѣ должно тебѣ вносимую намъ за содѣйствіе, оказываемое тебѣ возлюбленными сынами нашими, дѣтьми племени Шерофа, подать повысить до суммы тысячи піастровъ въ мѣсяцъ.

Хвала Аллаху Всевышнему!

Бэнъ-Камеа,

Радамехскій Могаддэмъ.

Норберъ Моони былъ такъ доволенъ превосходными результатами заключеннаго имъ съ этимъ почтеннымъ лицомъ договора, что не почувствовалъ особеннаго негодованія при вѣсти объ этомъ новомъ вымогательствѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ строго придерживался правила дѣйствовать въ денежныхъ дѣлахъ не иначе, какъ съ согласія господъ коммиссаровъ, выбранныхъ обществомъ акціонеровъ, а потому, извинившись передъ своими гостями и предложивъ карлику освѣжительныхъ напитковъ, попросилъ его обождать отвѣта и послалъ пригласить трехъ членовъ контрольнаго комитета пожаловать къ нему для дѣловыхъ переговоровъ.

Ни отъ кого не утаилось, что во время этого ожиданія, продолжавшагося около четверти часа, безобразный карликъ все время не сводилъ глазъ съ Гертруды Керсэнь, любуясь ею съ нескрываемымъ наслажденіемъ, что, конечно, свидѣтельствовало объ извѣстной долѣ развитія его эстетическихъ чувствъ. Онъ до того увлекся этимъ созерцаніемъ, что даже не замѣтилъ появленія трехъ господъ коммиссаровъ.

Они вошли по обыкновенію какъ-то неуклюже, кучкой, всѣ вмѣстѣ, молча и коротко поклонились и безъ малѣйшихъ затрудненій согласились подписать новое условіе, предложенное Могаддэмомъ.

Вдругъ глаза карлика случайно упали на трехъ мужчинъ, стоявшихъ у стола подлѣ Норбера Моони, который разговаривалъ съ ними.

И въ тотъ же моментъ странная перемѣна произошла въ лицѣ этого маленькаго уродливаго человѣка. Выраженіе восхищенія, ясно читавшееся въ его чертахъ, внезапно смѣнилось чувствомъ неожиданности и отвращенія. Онъ смотрѣлъ на трехъ коммиссаровъ, такъ сильно выпучивъ глаза, что, казалось, они сію минуту должны были выскочить изъ своихъ орбитъ.

И вдругъ, не сказавъ ни слова, не поклонившись, не дождавшись даже отвѣта, который готовили для него, онъ быстрой, торопливою походкой направился къ двери.

Когда поспѣшили вслѣдъ за нимъ, чтобы узнать, что

означаетъ это внезапное бѣгство, онъ исчезъ совершенно безслѣдно и его никто болѣе не видѣлъ.

Случай этотъ былъ столь необычайный, столь странный и необъяснимый, что онъ въ теченіе всего дня продолжалъ служить темой разговоровъ, давая поводъ ко всякаго рода предположеніямъ, догадкамъ и соображеніямъ. Наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ являлось, конечно, то, что карликъ, внезапно вспомнивъ о какой-нибудь позабытой имъ подробности, удалился, чтобы поспѣшить исправить свою забывчивость и, исправивъ ее, безъ сомнѣнія вернется на слѣдующій-же день за отвѣтомъ. Какъ-бы тамъ ни было, его внезапное и безслѣдное исчезновеніе оставалось загадкою для всѣхъ. Никто не видѣлъ его проходящимъ ни въ обсерваторіи, ни на работахъ, ни на круговой дорогѣ. Никто не могъ объяснить не только, какъ онъ скрылся, но и какъ онъ вдругъ появился.

На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, гостямъ надо было проститься со своими радушными хозяевами. Путешественники продолжали свой путь по направленію къ Хартуму. Обитатели пика Тэбали проводили ихъ до самаго подножія горы, сильно огорченные ихъ скорымъ отъѣздомъ. Серъ Буцефалъ инстинктивно чувствовалъ, что увлеченіе небесными свѣтилами не послужило ему въ пользу и потому особенно усердно занимался теперь г. Керсэнь. Что-же касается молодого ученаго, то ему было такъ тяжело и грустно разставаться съ Гертрудой Керсэнь, что самъ онъ этому искренно дивился въ душѣ, тѣмъ болѣе, что друзья обмѣнялись взаимнымъ обѣщаніемъ вскорѣ свидѣться снова или въ Хартумѣ, или-же здѣсь, на пикѣ Тэбали.

XI. Черная стража.

Прошло около семи или восьми недѣль съ того времени, когда посѣщеніе г. Керсэнь, его дочери и доктора Бріэ внесло искру веселія и оживленія въ однообразную и слишкомъ ужъ монотонную жизнь на пикѣ Тэбали. Работы шли

своимъ чередомъ и по прежнему вполнѣ успѣшно. Но одно весьма странное явленіе невольно поразило Норбера Моони, который не могъ не приписать его въ душѣ появленію Радамехскаго карлика. Дѣло въ томъ, что большинство изъ его рабочихъ племени Шерофа одинъ за другимъ незамѣтно покидали его.

До этого посѣщенія у Норбера насчитывалось не менѣе восьмисотъ человѣкъ рабочихъ изъ этого племени, теперь-же ихъ едва оставалось еще нѣсколько десятковъ. Подъ различными предлогами эти люди покидали Тэбали.

Правда, дѣло молодого ученаго, т. е. производимыя имъ работы, ни мало отъ этого не страдали, потому что уроженцы Дарфура спѣшили съ особой охотой замѣщать убывавшихъ сыновъ племени Шерофа, но если-бы вся работа лежала исключительно только на этихъ послѣднихъ, то, при настоящемъ положеніи дѣлъ, трудно было-бы разсчитывать на успѣшное окончаніе задуманнаго предпріятія.

Съ другой стороны, доклады Виржиля и Мабруки-Спика сообщили ему о сильномъ броженіи умовъ среди землекоповъ и рабочихъ стекляннаго производства. Впервые послѣ стольких долгихъ мѣсяцевъ полнѣйшаго порядка и спокойствія эти рабочіе заговорили о близкомъ наступленіи новой золотой эры—объ окончательномъ, рѣшительномъ торжествѣ вѣрныхъ надъ гяурами и о поголовномъ избіеніи всѣхъ европейцевъ въ странѣ. Виржиль, какъ истый старый солдатъ славной алжирской арміи, конечно, относился въ высшей степени пренебрежительно къ этимъ разглагольствованіямъ и пустой болтовнѣ, и если и упоминалъ обо всемъ этомъ при своихъ ежедневныхъ вечернихъ отчетахъ, то только для очистки совѣсти. Но Мабруки-Спикъ, видимо, сильно тревожился этимъ. Уже болѣе года Норберъ Моони не могъ достаточно нахвалиться этимъ человѣкомъ. Старый проводникъ, прежній сподвижникъ первыхъ путешественниковъ и изслѣдователей верховьевъ Нила, служилъ ему вѣрой и правдой и своей осторожностью, своимъ примиряющимъ вліяніемъ и кроткимъ, миролюбивымъ нравомъ, а, глав-

ное, самымъ основательнымъ и глубокимъ знаніемъ нравовъ и характеровъ жителей Судана, Мабруки въ сотнѣ случаевъ оказывалъ Норберу Моони и дѣлу экспедиціи неоцѣненныя услуги.

Глубоко признательный молодой ученый, цѣня его преданность и заслуги, вознаграждалъ его особымъ къ нему уваженіемъ и довѣріемъ, чрезвычайно льстившими самолюбію стараго негра.

Мабруки увѣрялъ, что Шерофа не безъ причины покидали, одни за другими, мастерскія Тэбали, что они, вѣроятно, получили на то приказаніе Могаддема, и что это массовое движеніе, вѣроятно, объясняется какимъ-нибудь новымъ возстаніемъ, готовящимся въ предѣлахъ Суакима. Сверхъ всего этого осторожный старикъ предупреждалъ, что оставшимся еще на работахъ Шерофамъ тоже ни въ чемъ не слѣдуетъ довѣрять, что и эти тридцать или сорокъ человѣкъ народъ не надежный, особенно-же нѣкій Абенъ-Зегри, который пользовался въ ихъ средѣ громаднымъ, неограниченнымъ вліяніемъ. Отпустить ихъ подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ онъ не считалъ разумнымъ, полагая, что такимъ образомъ рискуетъ окончательно поссориться съ ихъ главой и вооружить ихъ всѣхъ противъ себя, за ними слѣдовало только внимательно слѣдить, что онъ и дѣлалъ.

На провѣркѣ вышло, что этотъ строгій, внимательный надзоръ оказался совсѣмъ не лишнимъ. Однажды вечеромъ, замѣтивъ особенное стеченіе рабочихъ у палатки, служившей помѣщеніемъ Шерофовъ и представлявшей собою подобіе большой залы съ полосатыми холщевыми стѣнами и потолкомъ, хитрый старикъ тихонько подкрался къ задней стѣнкѣ этой палатки и не замѣченный никѣмъ притаился въ травѣ. Съ помощью своего остраго кинжала онъ увеличилъ случайно замѣченную имъ въ шатрѣ дыру и теперь могъ свободно не только слышать, но и видѣть все, что происходило въ палаткѣ. Тамъ царила глубокая тишина. Чадящій свѣтильникъ освѣщалъ толпу арабовъ; ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, распростертыхъ ницъ, прильнувшихъ лицомъ къ

землѣ. Всѣ они были закутаны въ бѣлыя покрывала, точно въ саваны, и сохраняли полнѣйшую неподвижность.

Въ первый моментъ Мабруки Спеке подумалъ, что присутствуетъ при обычной вечерней молитвѣ. Но вотъ одинъ изъ этихъ арабовъ поднялся и выступилъ на середину круга своихъ молящихся единоплеменниковъ. Это былъ никто иной, какъ Абэнъ-Зегри. Возвысивъ голосъ, онъ произнесъ воззваніе къ пророку Магомету и затѣмъ уже приступилъ къ настоящему предмету своей рѣчи:

— Мужи племени Шерофа,—началъ онъ,—возлюбленные дѣти Аллаха—настаетъ день великаго освожденія и день этотъ близокъ... Всевышній возлюбилъ васъ. Когда вы родились на свѣтъ, вѣтры притаили свое бурное дыханіе,—море стало спокойно, какъ оливковое масло, и луна показала свой серебряный серпъ надъ землею. Чтобы испытать васъ, Аллахъ ниспослалъ вамъ тяжкое испытаніе: онъ покорилъ васъ подъ власть гяуровъ. Но близокъ часъ, когда всѣ вы возстанете и восторжествуете надъ ними, когда вы, какъ львы, появитесь на вершинахъ горъ и растерзаете своими желѣзными когтями этихъ жалкихъ гяуровъ!

Трепетъ нѣмаго восторга и энтузіазма пробѣжалъ по толпѣ, затѣмъ подавленныя проклятія противъ ненавистныхъ гяуровъ стали вырываться изъ устъ почти всѣхъ собравшихся здѣсь людей. Глаза ихъ горѣли недобрымъ огнемъ изъ подъ высокихъ бѣлыхъ тюрбановъ. Абэнъ-Загри, казалось, съ минуту собирался съ мыслями, затѣмъ поднялъ голову и продолжалъ все тѣмъ же медленнымъ и подавленнымъ голосомъ, обращаясь теперь ужъ съ воззваніемъ къ Богу.

— О, всевышній! чего ты ждешь отъ сыновъ твоихъ?.. Направь стопы ихъ рукою твоею, веди ихъ,—и пусть они слѣдуютъ за тобой. Будь имъ лучемъ, исходящимъ съ Востока, звѣздою путеводной, горящей надъ безбрежнымъ моремъ!.. Ты многомилостивъ! Ты вызвалъ изъ среды дѣтей твоихъ великаго пророка, обѣтованнаго вѣрнымъ еще тринадцать вѣковъ тому назадъ. Пророкъ этотъ возсталъ во

мракѣ, онъ явился на островѣ Нафть, какъ цвѣтокъ лотоса на водахъ Нила!

— Имя его Махди (Божественный). Онъ оплакалъ грѣхи людей, онъ скорбѣлъ о нихъ и жилищемъ его былъ мрачный колодецъ и изъ глубины земли благоуханіе его святой молитвы, точно душистое куреніе, вознеслось къ престолу Аллаха!.. О, благословенное племя Шерофовъ, царство твое наступаетъ!..

Слова эти были встрѣчены громкимъ одобрительнымъ шепотомъ, и этотъ шепотъ какъ бы подзадорилъ оратора, какъ бы придалъ ему еще больше одушевленія и вдохновенія.

— Я вижу тебя! да, я вижу тебя, божественный Махди,— продолжалъ фанатикъ восторженнымъ, вдохновеннымъ голосомъ,—вижу тебя на полѣ битвы. Движеніе твое быстрѣе соколинаго полета. Города, одинъ за другимъ, преклоняются передъ твоею властью; но тщетно побѣжденные лобызаютъ стопы твои, слѣдъ ногъ твоихъ, ты неумолимъ и всѣ гибнутъ до одного... Гиксъ-Паша, ставъ во главѣ войскъ хедива и побуждаемый духомъ тьмы, повелъ ихъ противъ тебя. Онъ захватилъ Дуенъ, онъ завладѣлъ Эль-Обіадомъ и преслѣдовалъ тебя, шелъ за тобою слѣдомъ на Югъ...

— Слушайте меня, дѣти племени Шерофа, слушайте, что сдѣлалъ для васъ Аллахъ уничтожитель!.. Онъ послалъ Махди въ Казгхиль окружить гяуровъ непобѣдимымъ кольцомъ своихъ прововѣрныхъ; въ продолженіи цѣлыхъ трехъ дней сыны Корана чинили надъ гяурами расправу и всѣ они погибли до послѣдняго, никто изъ нихъ не вернулся оттуда!.. Изъ всей этой громадной арміи Гикса, въ одиннадцать тысячь человѣкъ, не осталось въ живыхъ ни одного!..

Трепетъ безумнаго энтузіазма и крики дикой, злобной радости привѣтствовали это извѣстіе, сообщенное Абэнъ-Зегри. Очевидно, этотъ послѣдній встревожился шумомъ, потому что тотчасъ-же поспѣшилъ водворить тишину и порядокъ.

— Недостойные слуги и рабы великаго Махди, — ска-

залъ онъ голосомъ, полнымъ самоуниженія,—я собралъ васъ сюда сегодня, чтобы возвѣстить вамъ, что часъ освобожденія вашего близокъ... но вѣдь онъ еще не насталъ! Берегитесь же возбудить недовѣріе и подозрѣніе врага вашими криками и возгласами. Будемъ ждать условнаго сигнала, который теперь, конечно, не замедлитъ быть данъ всѣмъ намъ. А теперь будемъ молиться, братья мои, возлюбленные сыны племени Шерофа, будемъ молиться и возблагодаримъ Аллаха за его милости и благодѣянія къ вѣрнымъ сынамъ своимъ!..

Всѣ собравшіеся здѣсь арабы снова приняли молитвенное положеніе, обычное у мусульманъ, а Мабруки счелъ этотъ моментъ наиболѣе удобнымъ, чтобы незамѣтно удалиться отъ палатки.

Не медля ни минуты, онъ поспѣшилъ сообщить Норберу Моони во всѣхъ подробностяхъ все, что ему пришлось видѣть и слышать.

Вѣсть объ окончательномъ уничтоженіи всей арміи Гикса-Паши съ перваго взгляда казалась слишкомъ невѣроятной, трудно допустимой. Но совершенное безмолвіе этой громадной арміи, выступившей уже два мѣсяца тому назадъ и двинувшейся на югъ, отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій о ней, несомнѣнно, являлись дурнымъ предзнаменованіемъ. Вскорѣ не оставалось уже никакой возможности сомнѣваться въ этомъ.

Очевидно, страшная катастрофа дѣйствительно совершилась. О ней разсказывали очевидцы, бывшіе свидѣтелями этой страшной бойни. Всѣ вожаки верблюдовъ, всѣ торговцы и купцы, прибывшіе изъ Кордофана, разсказывали объ этомъ. Въ Берберѣ никто уже не сомнѣвался, что фактъ этотъ вполнѣ несомнѣненъ и доказанъ; самъ Норберъ Моони могъ лично узнать о томъ изъ устъ одного рабочаго изъ племени Сомали, недавно только поступившаго въ число рабочихъ Тэбали. Человѣкъ этотъ разсказывалъ, что мѣсяцъ тому назадъ своими глазами видѣлъ всю долину Казгхиль, усѣянной обезглавленными трупами солдатъ египетской арміи.

Ружья, орудія, снаряды,—все очутились во власти Махди, не пощадившаго никого изъ своихъ враговъ.

Событіе это имѣло чрезвычайно важное значеніе. Не говоря уже объ усиливающимся съ каждымъ днемъ броженіи умовъ и волненіи среди рабочихъ Тэбали, нельзя было отрицать того, что эта побѣда Махди, конечно, удесятеритъ его вліяніе и значеніе въ глазахъ туземныхъ народовъ, возвыситъ и подыметъ его престижъ и дастъ ему возможность двинуться опять къ сѣверу и идти на Хартумъ. Въ Берберѣ всѣ этого ожидали съ полной увѣренностью, о чемъ узналъ лично самъ серъ Буцефалъ, предпринявшій поѣздку въ Берберъ съ исключительною цѣлью разузнать послѣднія новости. Мѣстный гарнизонъ ожидалъ только приказаній изъ Каира, чтобы очистить городъ и спуститься внизъ по Нилу. По слухамъ, то-же самое происходило и въ Хартумѣ. Но теперь возникали уже сомнѣнія, возможно-ли само отступленіе. Хартумъ лежитъ такъ далеко отъ египетской границы, средства-же къ передвиженію такъ трудно добыть въ этихъ краяхъ, а на содѣйствіе туземныхъ племенъ, и безъ того уже нерѣшительныхъ и колеблющихся, совершенно нельзя было разсчитывать. Одной малѣйшей искры, одного извѣстія о томъ, что Махди двинулся къ сѣверу, было-бы вполнѣ достаточно, чтобы повсюду вспыхнуло пламя поголовнаго возстанія. Однако, не смотря на все это, Норберъ Моони не хотѣлъ отчаяваться. Уже много—много разъ въ теченіе послѣдняго года онъ слышалъ отъ разныхъ людей эти мрачныя предсказанія, эти страшныя угрозы. Если-бы онъ повѣрилъ имъ тогда и устрашился предсказываемыхъ въ Суакимѣ ужасовъ, что было-бы теперь съ его предпріятіемъ? А теперь оно было почти доведено до конца. Еще всего какихъ-нибудь два,—много три мѣсяца—и все будетъ окончено и готово для рѣшительнаго испытанія. Неужели можно было теперь пожертвовать плодами столькихъ усилій и затратъ, ради какихъ-то опасеній, быть можетъ, столь-же химерическихъ какъ и раньше? Нѣтъ, такая мысль не приходила даже въ голову молодому астроному, который счелъ-бы

ее положительно преступной. Его терзала только одна забота, одна ужасная, мучительная тревога не за себя, а за Гертруду Керсэнь и ея отца при мысли, что они въ этотъ трудный моментъ находятся на столь опасномъ посту...

На сколько Хартумъ могъ считаться мѣстомъ вполнѣ безопаснымъ, когда многотысячная армія подъ командою европейскихъ офицеровъ прикрывала доступъ къ нему съ юга, на столько теперь, когда между столицей верхняго и средняго Нила и грознымъ Махди не лежало ничего, кромѣ голой пустыни, положеніе Хартума становилось ненадежнымъ и опаснымъ.

— Впрочемъ,—утѣшалъ себя Норберъ Моони,—все здѣсь, въ Суданѣ, дѣлается такъ медленно, что, быть можетъ, пройдетъ болѣе года, прежде чѣмъ Махди двинется къ сѣверу. Англіи, конечно, не трудно будетъ опередить его, если она, какъ все заставляетъ предполагать, захочетъ отомстить за поруганіе своего оружія и за кровь сыновъ своихъ, такъ безславно погибшихъ вдали отъ родины... Во всякомъ случаѣ, какъ только рѣшено будетъ очистить Хартумъ и отозвать оттуда мѣстный гарнизонъ, ничто не помѣшаетъ и г. Керсэнь съ дочерью покинуть этотъ городъ... Какъ-бы тамъ ни было, но прежде всего намъ слѣдуетъ спѣшить докончить начатое великое дѣло; спѣшить на сколько только возможно и во что-бы то ни стало.

И онъ двигалъ работы, торопилъ рабочихъ, удваивая и утраивая число ихъ.

Костерусъ Вагнеръ, Игнатій Фогель и Питеръ Грифинсъ однажды по утру прислали сказать молодому ученому, что желали-бы переговорить съ нимъ о дѣлахъ, въ присутствіи сэра Буцефала. Норберъ Моони приказалъ просить ихъ къ себѣ.

— Вотъ извѣстіе, только что полученное нами вмѣстѣ съ ящикомъ пива! — сказалъ Костерусъ Вагнеръ, входя въ комнату.

Онъ протянулъ при этомъ Норберу Моони клочекъ голу-

бой бумаги, который тотъ быстро пробѣжалъ глазами. Это была депеша слѣдующаго содержанія:

„Генералъ Грахамъ, дѣйствовавшій къ югу отъ Суакима во главѣ небольшаго англо-египетскаго отряда, совершенно разбитъ и уничтоженъ близь Токаръ, Османомъ-Дигмой, однимъ изъ пособниковъ великаго Махди. Путь отъ Суакима къ Берберу отнынѣ во власти инсургентовъ“.

— Да, вѣсть эта не утѣшительная, но вѣдь, въ сущности, путь Нила еще свободенъ!

— Конечно, — сказалъ Костерусъ Вагнеръ многозначительнымъ тономъ,—вотъ потому-то тѣ, которые хоть немного дорожатъ своими головами, должны немедленно бѣжать этой дорогой!

— Иначе говоря, вы пришли заявить намъ о вашемъ отъѣздѣ?—спросилъ самымъ естественнымъ тономъ Норберъ Моони.

— Не только о нашемъ, но, вѣроятно и о вашемъ также,—возразилъ Костерусъ Вагнеръ,—такъ какъ мы полагаемъ, что вы не можете болѣе думать о продолженіи вашего несчастнаго предпріятія!..

— А, въ самомъ дѣлѣ?.. Но что могло вамъ внушить эту мысль?—спросилъ молодой ученый.

— А то, что если сами вы не откажетесь сегодня отъ этого опаснаго предпріятія, то завтра васъ къ тому принудятъ рабочіе. Неужели вы не знаете того, что творится въ лагерѣ рабочихъ, во всѣхъ мастерскихъ, подъ всѣми палатками, словомъ, повсюду кругомъ?.. Тамъ только и рѣчи, что о поголовномъ избіеніи всѣхъ насъ, и для этого они только ждутъ условнаго сигнала...

— Они ужъ болѣе года ждутъ его и все не могутъ дождаться!—сказалъ Норберъ Моони.

— Ну, а вы сэръ Буцефалъ, какого мнѣнія, не пора ли уже отказаться отъ этого опаснаго предпріятія, отъ этого заклада?

— То пари, какое я держу, лишаетъ меня право высказывать на этотъ счетъ какое бы то ни было мнѣніе!—сухо отвѣтилъ сэръ Буцефалъ.

— Господа, — сказалъ молодой ученый, — если вы полагаете, что вамъ слѣдуетъ уѣхать — я ничего рѣшительно противъ этого не имѣю, и предоставляю все это всецѣло лично вамъ... Я отнюдь не желаю васъ удерживать насильно, мало того, готовъ даже, чѣмъ могу, содѣйствовать вамъ...

— Но вы, конечно, знаете, что мы не можемъ довѣрить вамъ и оставить въ вашихъ рукахъ интересы компаніи!— воскликнулъ Костерусъ Вагнеръ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, — холодно заявилъ Норберъ Моони, вставая съ креселъ у стола и давая тѣмъ самымъ понять, что считаетъ аудіенцію оконченной, — мнѣ остается только пожелать, чтобы вы оказались плохими пророками, такъ какъ, что касается меня лично, то я не двинусь съ мѣста!

Гг. коммиссары удалились приниженные и устыженные, а Норберъ Моони остался на единѣ съ баронетомъ, который смѣясь глядѣлъ на него.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ баронетъ— Потому что въ томъ, что говорили коммиссары, есть доля правды!

— Что я думаю дѣлать? Да, право, еще и самъ не знаю; единственное, что я могу сказать теперь, такъ это то, что я, конечно, не откажусь отъ своего предпріятія, чтобы доставить удовольствіе этимъ тремъ господамъ, или даже самому Махди.—Онъ принялся крупными шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и вдругъ, подойдя къ звонку, нажалъ кнопку.

— Виржиль—сказалъ онъ—пришли ко мнѣ сейчасъ же Мабруки-Спика, мнѣ надо поговорить съ нимъ!

Тотъ удалился и вскорѣ вмѣсто него явился старый проводникъ.

— Какъ вы думаете, Мабруки,—обратился къ нему Норберъ Моони,—нельзя изъ числа всѣхъ нашихъ людей выбрать хотя всего только одну сотню парней, рѣшительныхъ и отважныхъ, изъ которыхъ можно было бы составить гарнизонъ

для защиты пока Тэбали, вооруживъ ихъ скорострѣльнымъ оружіемъ?

Мабруки покачалъ своей сѣдою головой.

— Я бы вамъ этого не совѣтовалъ,—сказалъ старикъ,— потому что ни одному изъ рабочихъ, не говоря уже о цѣлой сотнѣ, нельзя довѣрить хорошаго ружья!

— Эхъ, чортъ возьми!—воскликнулъ молодой астрономъ,— дѣло плохо! Въ такомъ случаѣ намъ придется самимъ быть гарнизономъ нашей крѣпости!... Конечно, эта мысль ничуть не смущаетъ меня сама по себѣ, но дѣло въ томъ, что служба эта будетъ тяжеленька для отряда, состоящаго изъ четырехъ человѣкъ.

— Я полагаю, что, быть можетъ, есть еще возможность получить хорошихъ солдатъ,—продолжалъ Мабруки, —для этого слѣдуетъ обратиться къ прежней стражѣ Зебэра, если только Махди не успѣлъ еще завербовать ее.

— Что это за стража Зебэра! Я никогда не слыхалъ о ней!

— Это отрядъ чернокожихъ воиновъ изъ страны великихъ озеръ, которыхъ Зебэръ, царь работорговцевъ, вывезъ оттуда, вооружилъ и снарядилъ для своей личной охраны. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ его торговля окончательно пала и уничтожилась, а самъ онъ имѣлъ глупость отправиться въ Каиръ, гдѣ правительство схватило его и держитъ по сейчасъ въ плѣну, стража его, оказавшись не нужной, распущена и теперь находится безъ дѣла. Я не мало не сомнѣваюсь, что если предложить имъ какое нибудь вознагражденіе, то они охотно согласятся вступить къ вамъ на службу!

— И вы полагаете, Мабруки, что на вѣрность этихъ людей, можно будетъ положиться?

— О, въ этомъ я вполнѣ увѣренъ. Это превосходнѣйшіе солдаты!... Ихъ цѣлая деревня въ двухъ дняхъ пути отсюда, въ оазисѣ Гондара!

— Ну, такъ вотъ что, Мабруки: я уполномочиваю васъ дѣйствовать отъ моего имени. Отправляйтесь туда сегодня

же, наймите сотню этихъ солдатъ на тѣхъ условіяхъ, которыя вы найдете удобными и приведите ихъ сюда.

— По прошествіи четырехъ дней они будутъ здѣсь, господинъ!... сказалъ Мамбруки, низко кланяясь и выходя вполнѣ осчастливленный такимъ полнымъ довѣріемъ Норбера Моони.

Тѣмъ временемъ въ отдѣльномъ флигелѣ гг. коммиссаровъ также происходило серьезное совѣщаніе. Друзья пріятели, наполнивъ до верху свои кружки и закуривъ глиняныя трубки, держали совѣтъ.

— Вы сами теперь видите, господа, что нѣтъ никакой возможности заставить этого француза согласиться съ какими бы то ни было резонами!—сказалъ негодующимъ тономъ Костерусъ Вагнеръ. — Слѣдовательно, приходится съ нимъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

— Къ какимъ крайнимъ мѣрамъ?—освѣдомился Питеръ Грифинсъ.

— Я сейчасъ объяснюсь, потерпите немного,—продолжалъ Костерусъ Вагнеръ,—неправда-ли, друзья, всѣ мы того мнѣнія, что оставаться здѣсь долѣе совершенно невозможно, не такъ-ли?

— Конечно! конечно!—хоромъ отозвались остальные два коммиссара.

— Но, опять-таки, мы не можемъ уѣхать отсюда, а француза оставить здѣсь одного... потому что это значило-бы окончательно отказаться отъ дѣла, которое и безъ того стоило намъ цѣлаго года изгнанія.

— Да, это ясно!

— Похитить и увезти француза силой весьма трудно, почти невозможно. Заставить его исчезнуть было-бы подозрительно и неблаговидно, да и не совсѣмъ безопасно. И такъ я вижу только одно средство выйти изъ этого затруднительнаго положенія: а именно, принудить его бѣжать, вызвавъ возмущеніе въ средѣ рабочихъ и устроивъ открытый бунтъ, а это, какъ мнѣ кажется, будетъ не особенно трудно!

— Но не падемъ-ли и мы сами жертвами этого возмущенія, этого бунта?

— Нѣтъ, если только мы съумѣемъ убѣдить арабовъ и доказать, что мы стоимъ всецѣло на ихъ сторонѣ, стоимъ за нихъ, а не за гяуровъ... Какъ вамъ извѣстно, я уже болѣе года занимаюсь тѣмъ, что изучаю ихъ языкъ; вѣдь это единственное мое развлеченіе въ этой проклятой странѣ и это развлеченіе можетъ теперь сослужить мнѣ добрую службу.

— Такъ вотъ слушайте-же: съ сегодняшняго дня мы всѣ трое надѣнемъ арабское платье и подъ вечеръ, когда приканчиваются работы, смѣшаемся съ толпой окрестныхъ поселянъ, работающихъ у насъ. Я берусь разсказать имъ, что мы перешли въ ихъ вѣру, и что мы готовы встать въ ихъ ряды и если по прошествіи восьми дней они не будутъ согласны сдѣлать то, чего мы отъ нихъ требуемъ, то позволяю вамъ назвать меня дуракомъ и болваномъ!..

— Мысль эта кажется удачной! Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ попытаться привести ее въ исполненіе!..

— Да, и сегодня-же вечеромъ слѣдуетъ приступить къ дѣлу!

— И если дѣло пойдетъ удачно?..

— То не пройдетъ недѣли, какъ всѣ мастерскія совершенно опустѣютъ. Тогда мы составивъ по всѣмъ правиламъ протоколъ, отправимся въ Берберъ и оттуда по Нилу съ полнымъ тріумфомъ вернемся въ Лондонъ, а изъ Лондона въ Мельбурнъ. Если этотъ упрямый французъ откажется слѣдовать за нами, чего отъ него легко можно ожидать, то Махди въ скоромъ времени позаботится избавить насъ отъ него разъ навсегда. Въ противномъ-же случаѣ объ этомъ позаботятся сами акціонеры, за это я ручаюсь головой, или пусть меня не зовутъ Костерусъ Вагнеръ!..

— Превосходно, Костерусъ, превосходно!

— Божественно и геніально! ничего лучшаго нельзя было придумать!

И всѣ три глиняныя трубки торжествующимъ жестомъ вернулись къ устамъ трехъ пріятелей, на время забывшихъ

о нихъ въ пылу увлеченія интереснымъ и геніальнымъ проектомъ Костеруса Вагнера.

Прошло четыре дня, но ничего особеннаго, ничего новаго за это время не замѣчалось въ жизни на пикѣ Тэбали. Виржиль замѣтилъ только, что землекопы, повидимому, были какъ будто еще лѣнивѣе и непокорнѣе, чѣмъ обыкновенно, что онъ по скромности своей всецѣло приписывалъ отсутствію Мабруки-Спика. Кромѣ того, онъ былъ ужасно удивленъ, встрѣтивъ однажды вечеромъ на большой дорогѣ, ведущей къ подножію горы, трехъ совершенно незнакомыхъ ему арабовъ, спускавшихся отъ обсерваторіи по направленію къ ближайшей деревнѣ. Увѣдомленный о томъ Норберъ былъ также крайне удивленъ этимъ обстоятельствомъ, но тѣмъ не менѣе никакъ не могъ объяснить его себѣ.

Наконецъ, вернулся Мабруки. Со свойственной ему всегдашней осторожностью, онъ оставилъ приведенныхъ имъ ратниковъ въ трехъ километрахъ отъ пика Тэбали, желая, чтобы Норберъ лично повидалъ ихъ и поговорилъ съ ними прежде, чѣмъ окончательно принять ихъ на свою службу. Не теряя ни минуты, молодой ученый и серъ Буцефалъ сѣли на коней и поѣхали туда для пріема своихъ новыхъ войскъ и инспекторскаго смотра имъ. Было около шести часовъ вечера. Чернокожіе воины только что окончили свой скромный ужинъ, состоявшій изъ печенаго маиса, и расположившись въ кружокъ, пѣли свои пѣсни подъ аккомпанементъ тамъ-тама. Все это были рослые, стройные юноши, атлетическаго сложенія, гибкіе, какъ тростникъ, и сильные, и смѣлые, какъ львы—цвѣтъ той благословенной страны, изъ которой ихъ вывезъ, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ, Зебэръ. Одежда ихъ состояла только изъ пояса изъ шкуры пантеры, да верблюжьей шапки, а вооружены они были луками и длинными стрѣлами.

— Гдѣ ихъ вождь?—спросилъ Норберъ, прибывъ на то мѣсто, гдѣ чернокожіе расположились лагеремъ. Мабруки назвалъ его по имени съ прибавленіемъ его званія.

Въ тотъ-же моментъ представительный молодой негръ въ

болѣе богатомъ одѣяніи, чѣмъ остальные его товарищи всталъ и выступилъ впередъ.

— Я—Шаака, паша черныхъ воиновъ изъ страны Великихъ Озеръ!—сказалъ онъ съ большимъ достоинствомъ.

— Твои люди и ты, согласны вы служить мнѣ?—спросилъ Норберъ.

— Да, служить, какъ добрые солдаты! Мабруки назначилъ намъ условія, на которыя мы изъявили свое согласіе; будь увѣренъ, что мы исполнимъ свои обязанности вѣрно и добросовѣстно!

— Прекрасно! Все, что вамъ сказалъ Мабруки, вѣрно!

Шаака подалъ знакъ своимъ людямъ и всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, встали разомъ и затѣмъ по одиночкѣ стали проходить и склоняться передъ своимъ новымъ господиномъ. Затѣмъ молодой вождь взялъ руку Норбера Моони, къ счастью бывшую въ перчаткѣ для защиты отъ мошекъ и насѣкомыхъ, и, склонившись надъ ней, плюнулъ на нее.

Норберъ сначала былъ крайне изумленъ и озадаченъ такимъ поступкомъ, но тотчасъ же сообразилъ, что негръ этимъ желаетъ выразить свое почтеніе, что ясно читалось въ его ласковыхъ глазахъ. Поэтому молодой ученый, не подавая вида, насколько ему непріятна эта церемонія, съ лихвой отплатилъ своему новому подчиненному тою же монетой, засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ тому свое сердечное расположеніе.

При этомъ радость молодого вождя и всѣхъ его соратниковъ достигла высшихъ предѣловъ.

— Великій вождь! великій, добрый господинъ!—кричали они въ неизъяснимомъ восторгѣ,—мы всегда съ тобой! всегда твои... Всегда!.. всегда!..

Когда волненіе ихъ немного улеглось, Шаака приказалъ имъ собрать свое оружіе и пожитки, принесенные имъ съ собой и объявилъ Норберу, что онъ и его люди готовы слѣдовать за нимъ.

Всѣ двинулись къ селенію Тэбали. Въ тотъ моментъ, когда они уже подходили, зоркій глазъ Мабруки успѣлъ за-

мѣтить чрезвычайное стеченіе рабочихъ къ палаткѣ Абэнъ Зегри. Полагая, что тамъ происходитъ опять нѣчто, подобное тому, чего онъ былъ свидѣтелемъ нѣсколько времени тому назадъ, онъ предложилъ Норберу Моони сдѣлать небольшой обходъ и пройти не мимо, а позади палатокъ селенія, чтобы лично убѣдиться въ замыслахъ этихъ людей. Моони согласился и, отдавъ приказъ черной стражѣ не трогаться съ мѣста, пошелъ впередъ въ сопровожденіи сера Буцефала.

Каково же было его удивленіе, когда, подойдя ближе къ пестрой палаткѣ Абэнъ-Зегри, онъ услышалъ знакомый голосъ, который тотчасъ-же призналъ за голосъ Костеруса Вагнера, обращающагося на арабскомъ языкѣ къ собравшимся здѣсь людямъ. Теперь уже молодой ученый достаточно освоился съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, чтобы свободно понимать то, что говорилъ ораторъ этой довольно многочисленной толпѣ. Сквозь отверстіе въ ткани палатки Норберъ могъ ясно видѣть передъ собою Костеруса Вагнера, обращеннаго лицомъ прямо въ его сторону, съ головой, украшенной высокимъ бѣлымъ тюрбаномъ, неумѣло драпирующагося въ широкій бурнусъ, равно какъ и двое пріятелей его, Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель, которыхъ молодой астрономъ также вскорѣ замѣтилъ, замѣшавшихся въ толпѣ рабочихъ и также переряженныхъ арабами.

— Маловѣрные!—восклицалъ укоризненно ораторъ,—такимъ то путемъ вы закрываете себѣ путь къ вѣчному спасенію и вѣчному блаженству!... Вы работаете на невѣрнаго гяура и въ день праведнаго суда пророкъ отринетъ васъ отъ лица своего. Развѣ вы не знаете, чего хочетъ тотъ, на кого вы работаете?... Онъ хочетъ попрать вѣчные законы природы; Аллахъ, который далъ взойти лунѣ надъ вашими головами, какъ священный символъ своего присутствія среди излюбленныхъ дѣтей своихъ, послѣдователей корана, Аллахъ не проститъ вамъ, что вы помогаете этому французу, который въ безбожной гордости своей задумалъ низвести съ небесъ эту священную для всѣхъ васъ луну, низвести ее съ небесъ на землю, чтобы попрать ее ногами.

Въ толпѣ послышались возгласы удивленія, недоумѣнія и негодованія. Котерусъ Вагнеръ продолжалъ свою рѣчь съ новыми жалобными воззваніями; но Норберъ Моони не сталъ уже больше слушать его, онъ слышалъ довольно. Крупными шагами онъ поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свою черную стражу.

— Шаака,—сказалъ онъ, обращаясь къ молодому вождю,— ты мнѣ обѣщалъ помогать и быть вѣрнымъ; докажи же теперь, что ты умѣешь держать свое обѣщаніе... Ты и твои люди должны послѣдовать за мной и оцѣпить ту палатку, которую видно отсюда, а затѣмъ схватить тѣхъ, кого я вамъ укажу!.

— Когда господинъ сказалъ слово, Шаака повинуется ему!—торжественно и въ тоже время съ достоинствомъ отвѣтилъ молодой негръ. Онъ подалъ знакъ,—и черная толпа, собравъ оружіе, тихо и безъ шума двинулись впередъ, раздѣлившись на двѣ колонны, при чемъ одна изъ нихъ обошла спереди, а другая сзади палатку Абэнъ-Зегри.

Манёвръ этотъ былъ выполненъ весьма удачно и затѣмъ энергично доведенъ до конца. Десять минутъ спустя Костерусъ Вагнеръ, Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель, схваченные и придерживаемые шестью здоровенными неграми, оказались плѣнниками въ рукахъ Норбера Моони, къ которому они и были приведены въ качествѣ таковыхъ.

Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы и возможности предоставить обсужденіе ихъ низкаго поведенія Selene-Company, которая одна могла по праву произнести надъ ними свой приговоръ, молодой ученый приказалъ хорошенько связать ихъ и держать подъ строгимъ арестомъ.

Одинъ изъ бывшихъ плавильныхъ заводовъ у подножія горы, состоявшій изъ трехъ довольно просторныхъ комнатъ, сталъ теперь безполезнымъ вслѣдствіи того, что въ этомъ мѣстѣ стеклянный слой уже достигъ назначенныхъ ему предѣловъ, показался Норберу Моони мѣстомъ, довольно подходящимъ для временной тюрьмы виновныхъ. Виржиль, назначенный, на ряду съ молодымъ вождемъ, начальникомъ

или командиромъ черный стражи, тотчасъ-же позаботился, чтобы у входа были поставлены часовые.

Теперь Норберъ Моони могъ быть по крайней мѣрѣ временно спокоенъ относительно того, что затѣвалось у подножія Тэбали. Теперь въ его распоряженіи были силы, вполнѣ достаточныя, чтобы подавить всякую попытку возстанія или бунта; тѣмъ самымъ онъ чувствовалъ себя до извѣстной степени обезпеченнымъ въ успѣшномъ окончаніи задуманнаго предпріятія. Но другого рода забота положительно не давала ему покоя. Если дѣйствительно армія Гикса была уничтожена, и если Махди двинулся на Хартумъ, то что должно было грозить въ настоящее время г. Керсэнь и его милой дочери? Какого рода страшнымъ опасностямъ должны были они подвергаться ежечасно?

Мысль объ этомъ страшно угнетала молодаго ученаго, мѣшая ему спать по ночамъ, преслѣдуя его даже во время его работъ и занятій въ продолженіе дня. И вдругъ онъ принялъ такого рода рѣшеніе.

— Сэръ Буцефалъ,— сказалъ онъ въ одинъ прекрасный день баронету, — не согласитесь-ли вы принять на себя въ теченіе нѣсколькихъ дней мои обязанности, словомъ, замѣнить меня въ случаѣ, если-бы мнѣ представилась необходимость исполнить одну обязанность, которую я считаю священной?

У сера Буцефала не мелькнуло даже тѣни недовѣрія или подозрѣнія при этихъ словахъ молодаго ученаго. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, какого рода человѣкомъ былъ Норберъ Моони.

— Располагайте мною, какъ вамъ будетъ угодно!— просто сказалъ онъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я оставлю васъ здѣсь на недѣльку, а самъ съѣзжу въ Хартумъ, чтобы предостеречь нашихъ друзей противъ грозящей имъ опасности!

— Хорошо!—согласился баронетъ.

И на другой-же день, раннимъ утромъ, Норберъ пустился въ путь.

XII. Въ Хартумѣ.

Всего четыре дня пути обычнымъ, неспѣшнымъ переходомъ отдѣляли Хартумъ, столицу Судана, отъ возвышенности Тэбали. Но Норберъ, сгорая нетерпѣніемъ, сдѣлалъ этотъ путь въ двое сутокъ. На другой день послѣ своего отъѣзда онъ увидѣлъ вдали широкую низменную равнину; въ рощѣ пальмъ, при стеченіи Бѣлаго и Голубаго Нила, стали вырисовываться стройные минареты и плоскія крыши зданій „царицы Судана“.

Во все время своей бѣшеной скачки Норберъ замѣчалъ несомнѣнные признаки безпорядка и волненія въ странѣ. По обѣ стороны береговъ Нила всюду встрѣчались толпы вооруженныхъ людей съ недоброжелательными, свирѣпыми лицами, отнюдь не выражавшими довѣрія.

Попадались и цѣлыя семьи, эмигрировавшія изъ этихъ мѣстъ, увозя съ собою все, что было наиболѣе цѣннаго и дорогого; верблюды, нагруженные палатками, зерномъ, разной домашней утварью, со всѣхъ сторонъ стекались къ городу. Женщины, старцы, дѣти плелись за этими караванами; лица ихъ были мрачны и унылы, глаза ввалились, ноги были въ крови отъ труднаго продолжительнаго пути.

По мѣрѣ приближенія къ Хартуму это бѣгство цѣлаго населенія принимало все болѣе и болѣе яркій, опредѣленный и печальный характеръ. Цѣлые толпы жалкихъ, несчастныхъ людей обезумѣвшихъ отъ страха, спѣшили укрыться за стѣнами города, надѣясь хоть тамъ найти себѣ убѣжище. И на устахъ всѣхъ этихъ эммигрантовъ и бѣглецовъ было все тоже имя: оно какъ бы носилось въ воздухѣ надъ этой толпой это было имя:

„Махди! Махди идетъ!..“

— Слышите вы, повсюду раздается это имя Махди! Махди! видали вы его когда нибудь, Мабруки?—спросилъ, наконецъ, своего спутника Норберъ Моони.

— Я хорошо зналъ его дядю, который былъ плотникомъ

въ Шабака, близь Сеннаара, и помню, что не разъ видалъ у него и самаго Махди, когда тотъ былъ еще мальчикомъ и находился въ ученьѣ у старика!—отвѣчалъ Мабруки.—Въ ту пору его больше хулили, чѣмъ хвалили, потому что онъ былъ весьма плохой работникъ. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ великой особой, я встрѣтилъ его всего одинъ разъ. Теперь это человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, чрезвычайно худой, съ виду похожій на перваго встрѣчнаго дервиша. И что касается меня, то я считаю его ничѣмъ не выше всякаго другого.

— Дядюшка его никогда не могъ отъ него добиться никакого толка и даже считалъ его сквернымъ мальчишкой. Я убѣжденъ, что и теперь онъ не научился даже читать лучше, чѣмъ когда его дули въ школѣ. Что же касается цитатъ изъ корана и разныхъ фокусовъ и штукъ, то въ этомъ онъ не имѣлъ себѣ равныхъ, и вотъ чѣмъ онъ себѣ составилъ такую репутацію и славу и пріобрѣлъ такое громадное вліяніе въ странѣ. Повѣрите-ли вы, что онъ провелъ нѣсколько лѣтъ на днѣ небольшого колодца, вырытаго имъ собственными руками, на островкѣ Абба, одномъ изъ острововъ Нила, гдѣ онъ дни и ночи проводилъ въ постѣ и молитвѣ!.. Мало по малу, слухи о его святости стали распространяться по всей странѣ, люди стали приходить къ нему за совѣтомъ, со всѣхъ концовъ, всѣ несли ему дары и подношенія.

— Такимъ путемъ онъ сталъ богатъ и затѣмъ породнился съ самыми богатыми и вліятельными семьями Судана черезъ женитьбу на дочери Баггара, богатѣйшаго работорговца. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, онъ объявилъ себя пророкомъ, посланнымъ Аллахомъ, чтобы продолжать и довѣршить дѣло Магомета.

— Въ такомъ случаѣ, вы, Мабруки, считаете его просто шарлатаномъ?

— Что мнѣ сказать вамъ на это?—возразилъ старый негръ,—весьма возможно, что самъ онъ вѣритъ въ свою божественную миссію, въ свою собственную святость.

— Кромѣ того, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что есть и

доля правды въ его словахъ, обращенныхъ къ людямъ, чтобы побудить племена Судана къ возстанію противъ чужестраннаго ига. Нельзя, конечно, отрицать того, что эта несчастная страна не можетъ быть особенно довольной египетскимъ владычествомъ, отъ котораго она не мало натерпѣлась всякаго горя. Эти баши-бузуки всѣмъ достаточно насолили!.. И вотъ когда Махди говоритъ народу, что хочетъ изгнать ихъ изъ страны, то не мудрено, что находитъ людей, готовыхъ служить ему и идти за нимъ. Сверхъ всего того не слѣдуетъ еще забывать, что онъ принадлежитъ къ числу столь могущественныхъ въ этой странѣ дервишей гэлани, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ состоитъ въ званіи старшаго духовнаго лица всей провинціи верхняго Нила. Уже это одно даетъ ему громадное вліяніе и престижъ, и заставляетъ каждаго добраго мусульманина, если не чтить его, какъ лицо священное, то во всякомъ случаѣ считать своимъ неотступнымъ долгомъ безпрекословно повиноваться ему во всемъ!

— Изъ этого, какъ я вижу,—сказалъ Норберъ Моони,—вы заключаете, что онъ имѣетъ громадные шансы на рѣшительный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ?

— Да, я полагаю, что онъ дѣйствительно имѣетъ очень большіе шансы—и былъ-бы крайне удивленъ, если по прошествіи мѣсяца весь Суданъ не очутится въ его рукахъ.

— Пусть онъ поспѣшитъ только поскорѣе прибыть подъ Хартумъ, и тогда это дѣло будетъ рѣшенное!

— Но вѣдь Хартумъ имѣетъ средства для обороны, онъ можетъ противустоять ему!—воскликнулъ молодой ученый, указывая на окопы, валы и укрѣпленія города, уже смутно вырисовывавшіеся передъ ними вдали, на самомъ краю горизонта.—Тамъ есть достаточное количество оружія, снарядовъ, провіанта, много войскъ, не говоря уже объ европейскомъ населеніи города, да вотъ еще обо всѣхъ этихъ бѣглецахъ, которые, какъ мнѣ кажется, не питаютъ особаго расположенія къ великому Махди, судя по тому, съ какою поспѣшностью и ужасомъ они бѣгутъ отъ него!

— Да, Хартумъ можно было бы защищать и даже, быть можетъ, отстоять,—сказалъ старый проводникъ, задумчиво покачавъ головою,—но для этого прежде всего надо имѣть желаніе это сдѣлать и затѣмъ поставить во главѣ защитниковъ человѣка умнаго, рѣшительнаго и смѣлаго, а въ Хартумѣ нѣтъ ни того, ни другого. И потому стоитъ только Махди во главѣ своихъ приверженцевъ подойти къ воротамъ Хартума, чтобы ворота эти сами собою отворились передъ нимъ!

Спустя нѣсколько часовъ Норберъ Моони вмѣстѣ со своимъ спутникомъ въѣзжалъ въ восточные ворота Хартума и былъ пораженъ безпечнымъ, лѣнивымъ, неопрятнымъ и приниженнымъ видомъ египетскихъ солдатъ, занимавшихъ караулъ при въѣздѣ въ городъ. Самый городъ, казалось, былъ также отнюдь не въ блестящемъ положеніи. Съ перваго взгляда можно было усомниться, что эти жалкія лачуги, этотъ грязный пригородъ, или слобода, эти тѣсныя, смрадныя, кривыя улицы и есть тотъ самый густо населенный городъ, столь значительный и столь богатый, Хартумъ. Въ сущности, вся слава Хартума всецѣло приписывается его дивному мѣстоположенію при сліяніи двухъ Ниловъ, дѣлая его, такъ сказать, воротами Судана, складочнымъ мѣстомъ для зерна и слоновой кости. Но, какъ всѣ города центральной Африки, Хартумъ мало заботился о своей внѣшности. Среди жалкихъ лачугъ, построенныхъ изъ необожженнаго кирпича и въ большинствѣ случаевъ съ грязнымъ маленькимъ дворикомъ, обнесеннымъ низенькимъ землянымъ валомъ, возвышалось всего нѣсколько болѣе или менѣе внушительныхъ зданій: дворецъ губернатора, нѣсколько мечетей и домъ французскаго консульства.

Не теряя ни минуты, Норберъ Моони направился прямо туда, оставивъ Мабруки съ верблюдами и ихъ вожаками на главной площади. Г. Керсэнь онъ засталъ въ его кабинетѣ, тутъ-же была и его дочь.

— Какой пріятный сюрпризъ!—радостно воскликнулъ консулъ, искренно обрадованный пріѣздомъ своего юнаго друга.

— Вы пріѣхали какъ нельзя болѣе кстати!—воскликнула Гертруда, — мы готовы были положительно погибнуть отъ скуки!

Норберъ Моони съ перваго-же взгляда на молодую дѣвушку замѣтилъ, что хотя она была прелестна болѣе чѣмъ когда-либо, но тѣмъ не менѣе лицо ея было немного утомлено и казалось блѣднѣе обыкновеннаго, она даже какъ будто похудѣла за это время.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ, вѣроятно, будетъ не трудно убѣдить васъ въ томъ, что я намѣренъ сообщить вамъ!—сказалъ молодой человѣкъ, крѣпко пожимая протянутыя къ нему руки.—Я пріѣхалъ сюда исключительно съ цѣлью похитить обоихъ васъ отсюда, вмѣстѣ съ докторомъ Бріэ и увезти васъ или на Тэбали, или въ Берберъ, а оттуда въ Каиръ по Нилу!

— Въ Каиръ? Это будетъ довольно трудно, особенно въ данный моментъ: не имѣя формальнаго отпуска, я не смѣю покинуть Судана,—сказалъ г. Керсэнь.—Но въ Тэбали, это дѣло другое, противъ этого я ничего рѣшительно не имѣю. Намъ съ дочерью уже немного надоѣлъ Хартумъ и то, что здѣсь теперь творится, могу васъ увѣрить, можетъ довести до болѣзни даже и самаго здороваго человѣка!

— Трудно себѣ представить, что это за жалкіе трусы, это мѣстное населеніе! — воскликнула Гертруда и добрые, кроткіе глаза ея вспыхнули на мгновеніе яркимъ пламенемъ негодованія.—И статскіе, и военные, всѣ они одного стоятъ!.. Повѣрите-ли вы, уже теперь всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ о капитуляціи, не позаботившись даже создать хотя-бы самое жалкое подобіе обороны, не попробовавъ даже защищать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ этотъ городъ, прежде чѣмъ этотъ мерзкій Махди успѣлъ того потребовать... нѣтъ, какъ хотите, это просто возмутительно!

— Да, страхъ и деморализація такъ сильны въ стѣнахъ Хартума,—подтвердилъ консулъ,—что объ оборонѣ и думать нечего. Это настоящая паника, которая, главнымъ образомъ, распространяется солдатами. И это въ хорошо укрѣплен-

номъ городѣ, съ избыткомъ провіанта, артиллеріи, снарядовъ, словомъ, всего потребнаго къ войнѣ, заключающемъ въ себѣ, сверхъ своихъ пятидесяти тысячъ жителей, болѣе двадцати тысячъ бѣглецовъ изъ разныхъ мѣстъ Судана, и гарнизонъ, состоящій изъ 8,000 человѣкъ солдатъ!... Я не солдатъ и не военный и никогда имъ не былъ,—продолжалъ г. Керсэнь,—но мнѣ кажется, что съ такими средствами къ оборонѣ, и я бы взялся выдержать цѣлый годъ осады такого Махди!

— Вы не высказывали этого губернатору?

— Я только объ этомъ и твержу ему, но онъ, какъ и всѣ, не хочетъ даже и слушать меня... А между тѣмъ у насъ здѣсь, на голубомъ Нилѣ, стоитъ цѣлая флотилія изъ пятнадцати пароходовъ, которыхъ вполнѣ достаточно было бы для отраженія Махди, если бы ихъ снабдить извѣстнымъ количествомъ оружія, чего у насъ много.

— И какъ вы думаете, о чемъ говорятъ въ настоящее время въ городѣ?—Отнюдь не о томъ, что слѣдуетъ вооружить эти суда, но о томъ, чтобы вынимать жребіи, раздѣленные между всѣми европейцами, чтобы рѣшить, кому изъ нихъ сѣсть на эти суда и бѣжать изъ Хартума!

— Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ положеніе иностранныхъ резидентовъ должно быть крайне тягостное!

— Да, болѣе тяжелое даже, чѣмъ вы полагаете. Намъ приходится принимать на себя послѣдствія тѣхъ ошибокъ, которыхъ мы не совершали, платиться за тѣ грѣхи, въ коихъ мы не повинны. Мы принуждены раздѣлять всѣ мерзости и всѣ опасности, не имѣя даже права голоса въ совѣтѣ, ни права участія въ дѣлѣ; мы являемся здѣсь представителями культуры и цивилизаціи, и чувствуемъ себя совершенно безсильными сдѣлать что либо для нее. Видѣть своими глазами и ясно сознавать, что слѣдовало бы сдѣлать, и что такъ просто было бы сдѣлать и не имѣть право приказать исполнить это—вотъ какова наша роль здѣсь!... Но что прикажете дѣлать? Намъ бы надо было сюда настоящаго человѣка, а такіе люди теперь очень рѣдки, особенно же здѣсь, въ Суданѣ!

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другую тему, говорили о ходѣ работъ на Тэбали, о томъ, на сколько онѣ успѣли подвинуться за это время, т. е. съ октября мѣсяца. Затѣмъ настало время обѣда, и Гертруда удалилась на верхъ, въ свою комнату, чтобы совершить обычный туалетъ къ обѣду. Едва только г. Керсэнъ остался одинъ съ Норберомъ Моони, какъ сталъ открывать ему всю свою душу. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность излить передъ кѣмъ нибудь все то горе, какимъ было переполнено въ настоящее время его родительское сердце; и бѣдный отецъ былъ до того взволнованъ, что едва могъ сдерживать слезы во время этого разговора.

— Милый другъ, вы застаете меня въ самомъ ужаснѣйшемъ положеніи,—сказалъ онъ ему въ полъ-голоса,—я не хотѣлъ вамъ говорить всего въ присутствіи Гертруды, но глубоко убѣжденъ, что мы идемъ на встрѣчу ужасной катастрофѣ, что готовится поголовная рѣзня всѣхъ европейцевъ. Фанатизмъ арабовъ доведенъ до послѣдней степени и вѣрнѣе всего, что ни одинъ европеецъ не выйдетъ живымъ изъ Хартума. Вы, конечно, понимаете, что въ подобный моментъ я не могу оставить своего поста. Здѣсь есть французы: долгъ мой повелѣваетъ мнѣ остаться съ ними и раздѣлить ихъ участь... Но дочь моя, мое бѣдное дѣтя, какъ могу я примириться съ мыслью, что и она должна будетъ подвергаться всѣмъ этимъ опасностямъ, всѣмъ этимъ ужасамъ, которые грозятъ намъ во всякомъ случаѣ, будетъ-ли городъ обороняться, или сразу сдастся на милость побѣдителя! Признаюсь, я готовъ отдать все на свѣтѣ, лишь бы знать, что моя Гертруда находится въ надежномъ мѣстѣ, гдѣ ей не грозитъ никакой опасности. Я уже не говорю о томъ, что и помимо всякой явной опасности самый климатъ Хартума неблагопріятно дѣйствуетъ на ея здоровье, не смотря на всѣ усилія, которыя прилагаемъ мы съ докторомъ Бріэ. А къ тому же, если бы подобное безопасное мѣсто и нашлось, она ни за что въ мірѣ не согласится разстаться со мной и покинуть Хартумъ!

— Ну, понимаете вы теперь, что я испытываю и какъ я отъ всего этого страдаю!...

— Я настолько понимаю васъ, г. Керсэнь,—сказалъ Норберъ Моони, сочувственно пожимая руки консула,—что именно съ этою цѣлью явился сюда, въ этотъ трудный для васъ моментъ, чтобы сказать вамъ, что я весь къ вашимъ услугамъ, располагайте мной!

— Я это чувствую, вижу это, дорогой мой другъ, и благодарю васъ отъ всей души, именно потому-то я и высказался вамъ такъ откровенно!—сказалъ консулъ, зашагавъ въ глубокомъ волненіи изъ угла въ уголъ по своему кабинету.—Но что намъ дѣлать, какъ быть въ данномъ случаѣ?... Я не долженъ и не хочу оставлять своего поста, не долженъ и не хочу уѣхать изъ Хартума въ этотъ моментъ; а между тѣмъ по тысячѣ причинъ, грозящихъ и жизни, и здоровью Гертруды, нельзя здѣсь оставаться долѣе!... Что же мнѣ дѣлать?

— Мнѣ кажется, что вы могли бы пріѣхать вмѣстѣ съ нею въ Тэбали подъ предлогомъ погостить тамъ нѣсколько дней, затѣмъ оставить ее у насъ, подъ нашею охраной, вмѣстѣ съ докторомъ и ея маленькой служанкой. Когда вы такимъ образомъ увезете ее изъ Хартума, то постараетесь придумать средство, какъ бы вамъ получить ея разрѣшеніе вернуться въ Хартумъ, если вы это считаете безусловно необходимымъ!

— Да!—воскликнулъ консулъ,—это дѣйствительно хорошая мысль, которая говоритъ въ пользу вашего сердца!.. Но дѣло въ томъ, что мнѣ не хотѣлось бы въ настоящее время покидать Хартума, хотя бы даже на нѣсколько дней: я того мнѣнія, что это не прилично для представителя Франціи, а кромѣ того, если бы даже это возможно, то прилично ли оставить молодую дѣвушку на попеченіи двухъ молодыхъ людей, которыхъ я искренно уважаю, но которые не состоятъ съ ней положительно ни въ какомъ родствѣ! Мнѣ кажется, увы, что это не годится, не прилично даже и здѣсь, въ пустынѣ!

— Но поймите меня, ради Бога,—поспѣшилъ добавить г.

Керсэнь, замѣтивъ глубокую скорбь, отразившуюся на лицѣ Норбера Моони,—поймите меня, что мое возраженіе отнюдь не относится къ вамъ лично, нѣтъ, Боже меня упаси! И если бы мнѣ пришлось сообразоваться только со своимъ личнымъ чувствомъ, я бы съ величайшей охотой и радостью довѣрялъ ее въ ваши руки и былъ бы вполнѣ спокоенъ. Но свѣтъ... но люди... мнѣніе общества... кто можетъ идти противъ этого?..

— Господинъ консулъ,—сказалъ на это Норберъ Моони съ трудно подавляемымъ волненіемъ и какъ бы не рѣшительно,—въ столь исключительныхъ условіяхъ рѣшились-ли бы вы довѣрить вашу дочь ея жениху?

— Ея жениху?—повторилъ недоумѣвая г. Керсэнь, остановившись въ удивленіи передъ своимъ гостемъ.—Право, не знаю... но, впрочемъ, да, конечно,... это было бы безусловно немного противъ правилъ, но тѣмъ не менѣе въ столь исключительныхъ условіяхъ... да... но что заставило васъ сдѣлать мнѣ подобный вопросъ?

— Думаете вы, что я могу надѣяться хоть сколько нибудь,—продолжалъ все такъ же робко и смущенно молодой ученый,—быть принятымъ въ качествѣ таковаго вашею дочерью и вами?

— По совѣсти скажу, что даже и отцу довольно трудно знать въ точности то, что дѣлается въ головкѣ и на сердцѣ у молодой дѣвушки!—сказалъ г. Керсэнь съ добродушной, ласковой улыбкой.—Что касается меня, дорогой юный другъ мой, то я, не минуты не задумываясь, сознаюсь, что ваше предложеніе готовъ принять съ величайшею радостью!

— Я не имѣю состоянія, или вѣрнѣе тѣ небольшія средства, какія имѣю, находятся въ дѣлѣ, успѣхъ котораго въ силу перемѣнившихся теперь условій, можетъ быть весьма гадательнымъ!—началъ было Норберъ Моони.

— Не все-ли это равно, вѣдь это-же совсѣмъ не важно,—перебилъ его г. Керсэнь,—не въ этомъ вовсе дѣло! Вы обладаете именемъ, выдающимся положеніемъ въ ученомъ мірѣ,

съ блестящею будущностью, которая вполнѣ стоитъ того маленькаго приданаго, какое я могу дать своей дочери... Но мнѣ совершенно неизвѣстны ея чувства къ вамъ.

— Я ей не нравлюсь!—воскликнулъ Норберъ, уже совершенно обезкураженный,—о, вѣдь я это раньше зналъ! я это чувствовалъ!.. Боже мой, почему мнѣ суждено быть столь неловкимъ и неискуснымъ въ выраженіи своихъ самыхъ искреннихъ, самыхъ горячихъ чувствъ!

— Я отнюдь не сказалъ вамъ, г. Норберъ, что вы не нравитесь моей дочери!—протестовалъ г. Керсэнь.—Почему вы такъ преждевременно рѣшаете этотъ вопросъ въ отрицательную сторону... Я только хотѣлъ этимъ сказать, что положилъ себѣ за правило не вліять въ этомъ отношеніи на выборъ моей дочери и предоставить ей сдѣлать его совершенно помимо всякаго давленія съ моей стороны. А потому мое согласіе будетъ имѣть силу и значеніе лишь послѣ того, какъ вы заручитесь ея согласіемъ. Нѣтъ ничего легче, какъ узнать на этотъ счетъ ея мнѣніе и притомъ сегодня-же...

— О, нѣтъ! прошу васъ, не дѣлайте этого сегодня!—съ тревогой въ голосѣ воскликнулъ Норберъ Мооии. Эта нерѣшительность или робость какъ-то странно противорѣчила съ обычной смѣлостью и рѣшительностью характера молодого ученаго.—Кромѣ того, осмѣлюсь просить васъ объ одной величайшей милости, не говорите съ ней ничего объ этомъ, предоставьте мнѣ самому объясниться съ вашей дочерью!

— Сдѣлайте одолженіе!—тотчасъ-же согласился г. Керсэнь.—Хотя это не совсѣмъ согласуется съ французскими обычаями, какъ вы и сами, вѣроятно, знаете, но такъ какъ вы уже предварительно переговорили со мной, то я не вижу въ вашемъ желаніи ничего такого, чтобы слѣдовало порицать. Я сейчасъ пошлю попросить сюда Гертруду или же оставлю васъ на единѣ съ нею, когда она сама придетъ сюда къ обѣду.

— Простите, я хочу просить васъ еще объ одной милости!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ поспѣшилъ заявить Нор-

беръ Моони. — Я хотѣлъ-бы, чтобы вы разрѣшили мнѣ повременить немного...

— Повременить?.. Я васъ не понимаю!

— Да!—пояснилъ Норберъ Моони уже болѣе твердымъ тономъ.—Я боюсь излишней поспѣшностью утратить послѣднiй слабый шансъ, какой я, быть можетъ, имѣю на согласiе мадемуазель Гертруды. Если-бы вы только знали, какое громадное значенiе имѣетъ для меня ея согласiе въ этомъ дѣлѣ! Это для меня вопросъ жизни! а вмѣстѣ съ тѣмъ ваша дочь такъ мало знаетъ меня, я для нея еще совершенно незнакомый, чужой человѣкъ! Позвольте-же мнѣ доказать ей всю мою преданность и любовь...

— Въ противномъ же случаѣ, въ случаѣ ея отказа, намъ придется отказаться отъ тѣхъ плановъ, посредствомъ которыхъ мы надѣемся спасти ея здоровье и жизнь!

— Да, но въ такомъ случаѣ, какъ же вы думаете обусловить это положенiе дѣлъ, дорогой мой?—спросилъ немного сбитый съ толка консулъ.—Съ одной стороны вы своимъ предложенiемъ будете связаны по отношенiю ко мнѣ, тогда какъ дочь моя по прежнему будетъ оставаться свободной. Я нахожу это несправедливымъ по отношенiю къ вамъ, мой милый другъ!

— Что изъ того!... Связаннымъ по отношенiю къ вамъ я останусь на всегда, могу васъ въ томъ увѣрить. И все, чего я прошу у васъ, такъ это, чтобы вы вполнѣ располагали мною для сохраненiя этой жизни, столь дорогой для обоихъ насъ, и чтобы вы позволили мнѣ, т. е. дали мнѣ время заслужить расположенiе вашей дочери.

— Я вижу,—сказалъ улыбаясь г. Керсэнъ,—что и самые серьезные ученые подъ-часъ не чужды извѣстной доли романтизма!... Пусть будетъ такъ, какъ вы того хотите; я согласенъ, и что касается меня, то отъ всей души желаю, чтобы моя дочь съумѣла оцѣнить столь искренныя и деликатныя чувства, какъ ваши... Но тѣмъ не менѣе наше затрудненiе по прежнему остается не разрѣшеннымъ. Какимъ

путемъ заставить Гертруду уѣхать изъ Хартума, оставивъ меня одного здѣсь?

— Быть можетъ, докторъ Бріэ могъ бы помочь намъ въ этомъ.

— Какимъ образомъ?

— Потребовавъ немедленнаго отъѣзда и довольно продолжительнаго пребыванія внѣ Хартума, куда васъ могутъ призвать ваши обязанности, если вы сочтете это нужнымъ...

— Быть можетъ, это въ самомъ дѣлѣ своего рода рѣшеніе вопроса; мы поговоримъ объ этомъ съ нимъ сегодня же или же завтра утромъ...

Вдругъ съ улицы донесся страшный шумъ, гамъ, смутные звуки и голоса, и въ тотъ моментъ, когда Норберъ Моони и г. Керсэнь направились къ терассѣ, чтобы узнать причину этого волненія, дверь кабинета съ шумомъ распахнулась,—и Фатима, запыхавшись, страшно взволнованная, вбѣжала и крикнула.

— Господинъ, генералъ Гордонъ!.. Генералъ Гордонъ идетъ!... Весь городъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу!..

— Генералъ Гордонъ?.. да ты обезумѣла, дѣвочка! Какъ это возможно!—недовѣрчиво воскликнулъ консулъ.

— Кричальщики говорятъ намъ объ этомъ и вся толпа повторяетъ за ними то же самое!—увѣряла Фатима.

— Нѣтъ, это невозможно!... Генералъ Гордонъ безъ войска, безъ всякаго увѣдомленія! Нѣтъ это совершенно невѣроятно!

— Да поглядите сами! — нетерпѣливо воскликнула Фатима—посмотрите сами, если не вѣрите мнѣ!...

Мужчины вышли на терассу, гдѣ почти въ тотъ же моментъ появилась и Гертруда. Всѣ сосѣдніе балконы, окна и крыльца были полны народомъ. Громадная толпа запружала почти всѣ улицы города и, повидимому со всѣхъ концовъ устремлялась къ одному пункту.

— Возможно-ли, что это дѣйствительно Гордонъ?—внутренно спрашивалъ себя консулъ.—Вотъ еще новая перипетія въ нашей драмѣ и новый факторъ въ этой сложной за-

дачѣ!.. Но нѣтъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это просто ложная тревога, которая впослѣдствіи повергнетъ всѣхъ мѣстныхъ обывателей въ еще большее уныніе и отчаянную безнадежность...

Вдругъ въ толпѣ послышались громкіе крики, и концѣ улицы, возвышаясь надъ общемъ уровнемъ многоголовой толпы, показался верблюдъ, всего только одинъ верблюдъ, на которомъ ѣхалъ человѣкъ небольшого роста, съ блѣдно-голубыми глазами, бѣлокурыми волосами и баками, въ парадномъ мундирѣ главнокомандующаго. И по мѣрѣ того, какъ онъ медленно двигался впередъ, всѣ руки протягивались къ нему и всѣ голоса, сливаясь въ одинъ общій хоръ, взывали къ нему, всѣ колѣна преклонялись передъ нимъ на его пути... Цѣлое населеніе, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовало его криками.

— Да живетъ Гордонъ! Да живетъ великій герой!.. Да живетъ отецъ нашъ, спаситель Кордофана!

Шествіе прошло мимо, генералъ Гордонъ подъѣхалъ къ губернаторскому дворцу и, сойдя съ верблюда, свободной, спокойной походкой вошелъ на крыльцо и затѣмъ въ домъ, точно онъ только что вчера вечеромъ вышелъ изъ него. А между тѣмъ прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Гордонъ добровольно покинулъ свой постъ, который онъ теперь, въ минуту крайней опасности, явился занять снова.

Когда онъ скрылся въ домѣ, то люди, не переставая взывать къ нему, стали кидаться другъ другу въ объятія, обнимать и поздравлять съ великою радостью прибытія генерала Гордона, приплясывая и прискакивая отъ радости. Можно было подумать, что этотъ человѣкъ, пріѣхавшій одинъ на верблюдѣ изъ глухой пустыни, точно упавшій съ неба, стоитъ одинъ, самъ по себѣ, цѣлой арміи. Никто уже не думалъ о грозящей опасности, никто не вѣрилъ въ силу и могущество великаго Махди, передъ которымъ всего еще за часъ всѣ они трепетали. Теперь Гордонъ былъ здѣсь, — и этого было достаточно. Хартумъ могъ вздохнуть сво-

бодно, могъ надѣяться, что избѣжитъ страшной опасности...

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, и генералъ Гордонъ принималъ у себя весь дипломатическій корпусъ, гражданскихъ властей и военное начальство Хартума, а также и наиболѣе именитыхъ горожанъ. Онъ выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что съумѣетъ справиться съ Махди, объявилъ, что городъ немедленно будетъ приведенъ въ оборонительное состояніе, дисциплина будетъ водворена со всею строгостью, и деморализація войскъ окончательно исчезнетъ. Онъ объявилъ, что явился отъ имени англійскаго правительства усмирить Суданъ. Черезъ нѣсколько дней, много что черезъ нѣсколько недѣль, британская армія должна подняться вверхъ по Нилу, или-же, разбивъ инсургентовъ близъ Суакима, явиться сюда, чтобы окончательно покончить съ ними.

Всѣ удалились вполнѣ обнадеженные, за исключеніемъ, быть можетъ, одного только французскаго консула, который, несмотря на всѣ эти рѣчи, не могъ сильно обманываться.

— Я еще сегодня говорилъ вамъ,—сказалъ г. Керсэнь, выйдя изъ губернаторскаго дворца, — что намъ не доставало смѣлаго энергичнаго человѣка,—теперь онъ, т. е. именно такой человѣкъ явился къ намъ въ лицѣ Гордона, но я боюсь, что у него не найдется достаточнаго числа достойныхъ его помощниковъ. Если та англійская армія, о которой онъ говорилъ намъ, успѣетъ явиться во время, то, конечно, все можетъ кончиться благополучно. Но весь вопросъ въ томъ, успѣетъ-ли она подойти во время? или вообще, придутъ-ли эти войска когда-нибудь сюда?

— Вѣдь отъ Каира до Хартума путь не близкій, а для европейскаго войска это путь еще болѣе дальній, еще болѣе затруднительный, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда.. Впрочемъ, поживемъ—увидимъ!

Затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ,—во всякомъ случаѣ это неожиданное появленіе Гордона можетъ служить для насъ съ вами прекраснѣйшимъ шансомъ убѣдить

мою дочь уѣхать отсюда безъ меня. Нынче вѣтеръ подулъ въ благопріятную для насъ сторону. Сегодня всѣ полны самыхъ радужныхъ надеждъ, воспользуемся-же этимъ счастливымъ настроеніемъ умовъ для нашихъ цѣлей, призвавъ на помощь моего друга, доктора Бріэ!

И вотъ г. Керсэнь вмѣстѣ съ Норберомъ Моони зашли къ добродушному доктору, чтобы попросить его къ обѣду. По зрѣломъ размышленіи и обсужденіи даннаго вопроса, было рѣшено разыграть въ присутствіи Гертруды небольшую комедію, которая и была какъ нельзя быть лучше разыграна на слѣдующій день за столомъ въ домѣ французскаго консула, въ присутствіи его дочери.

— Признаюсь, — сказалъ докторъ, садясь къ столу, — я весьма охотно соглашусь принять ваше любезное предложеніе, милый г. Моони, и не могу представить себѣ ничего лучшаго, какъ отправиться вмѣстѣ съ вами на недѣльку, другую въ Тэбали!

— Мы съ дочерью также очень охотно отправились-бы съ вами,—продолжалъ тотчасъ-же г. Керсэнь,—тѣмъ болѣе что нѣсколько дней отдыха были-бы крайне полезны для обоихъ насъ, не говоря уже о томъ, что намъ было-бы особенно пріятно полюбоваться успѣхами вашихъ работъ. Но, къ сожалѣнію, если прибытіе генерала Гордона совершенно удалило отъ насъ всякую мысль объ опасности для Хартума, благодаря тѣмъ энергичнымъ мѣропріятіямъ, какими онъ тотчасъ-же по своемъ пріѣздѣ озаботился, и тому подкрѣпленію, какое мы ежечасно можемъ ожидать изъ Каира, по его словамъ,—тѣмъ не менѣе самый его пріѣздъ принуждаетъ меня временно оставаться въ Хартумѣ, чтобы сообщить моему правительству о новомъ положеніи дѣлъ. Вотъ почему намъ нечего и думать о возможности ѣхать съ вами на Тэбали!

Легкая тѣнь огорченія и разочарованія промелькнула на миломъ личикѣ Гертруды Керсэнь, но она, конечно, ни единымъ словомъ, ни единымъ звукомъ не высказала своихъ чувствъ.

*

— Очень, очень жаль,—сказалъ на это докторъ Бріэ,— племянницѣ моей безусловно необходимо перемѣнить климатъ, и маленькая поѣздка на Тэбали была-бы ей очень полезна!

— Да, но что-же дѣлать!—вздохнулъ г. Керсэнь.—Долгъ и обязанность всегда прежде всего! Для меня положительно невозможно уѣхать въ настоящее время изъ Хартума—это несомнѣнно!

— Но, можетъ быть, будетъ возможно совмѣстить и интересы долга, и интересы здоровья нашей милой дѣвочки? Скажите, милый другъ, когда вы разсчитываете освободиться и пріѣхать на Тэбали?

— Недѣльки черезъ двѣ, никакъ не позже!

— А въ такомъ случаѣ, почему-бы вы не довѣрили мнѣ мою племянницу и ея маленькую служанку на этотъ короткій срокъ? Они поѣхали-бы съ нами туда прежде васъ, Гертруда скоро-бы оправилась тамъ, вернула-бы свой прекрасный румянецъ, который ей такъ къ лицу и, когда вы пріѣдете къ намъ въ Тэбали, вы застали-бы ее вполнѣ бодрой и здоровой. Я, какъ врачъ, настаиваю на томъ, что для нея положительно необходимо уѣхать отсюда и при томъ какъ можно скорѣе!

— Ахъ, дядя! — воскликнула укоризненно молодая дѣвушка,—мнѣ-бы вовсе не хотѣлось уѣзжать отсюда безъ папаши, я такъ не люблю оставлять его одного!

— Дѣло вовсе не въ томъ, что ты любишь или не любишь,—на сколько только могъ, строго и сурово произнесъ докторъ,—но въ томъ, что безусловно необходимо для твоего здоровья!

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на г. Керсэнь.

— Этотъ планъ кажется мнѣ довольно подходящимъ,— сказалъ консулъ.—Я буду гораздо спокойнѣе составлять мои доклады нашему правительству, когда буду знать, что здоровью моей дочери не грозитъ никакой опасности и кромѣ того, готовъ поручиться, что отъѣздъ моей дорогой Гер-

труды заставитъ меня гораздо скорѣе пріѣхать на Тэбали, чѣмъ я думалъ. Ну, что ты скажешь на это, Гертруда?

— Скажу, что сдѣлаю такъ, какъ вы пожелаете, дорогой папаша!—немного нерѣшительно вымолвила молодая дѣвушка, видимо колеблясь между страхомъ оставить отца одного и желаніемъ сдѣлать ему пріятное.

— Въ такомъ случаѣ, принимая въ соображеніе всѣ условія даннаго вопроса, я положительно высказываюсь за твой отъѣздъ!

— Во всякомъ случаѣ, вы, докторъ, ручаетесь мнѣ за все, не такъ-ли? — добавилъ консулъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы казаться веселымъ и довольнымъ.

— За все рѣшительно! Стоитъ вамъ сказать только еще одно слово, и я отправлюсь къ нотаріусу, чтобы подписать въ его присутствіи законный актъ относительно возлагаемой на меня отвѣтственности!—шутилъ докторъ.

Такимъ образомъ дѣло было улажено. Рѣшено было ѣхать въ этотъ-же вечеръ; г. Керсэнь намѣревался проводить путешественниковъ за три-четыре мили отъ города и подтвердилъ еще разъ свое обѣщаніе пріѣхать за дочерью на Тэбали никакъ не позже двухъ недѣль.

Утро и день ушли на приготовленія къ отъѣзду. Около семи часовъ маленькая группа тронулась въ путь. Въ восемь часовъ, т. е. немного болѣе часа спустя, г. Керсэнь простился съ дочерью и со своими друзьями и рѣшилъ вернуться обратно въ Хартумъ.

— Я довѣряю вамъ ихъ обоихъ!.. Дай Богъ, чтобы намъ суждено было вскорѣ свидѣться! — опять почти шепотомъ сказалъ г. Керсэнь Норберу Моони, крѣпко пожимая его руку.—Прощайте, докторъ!.. Прощай, дорогая моя дѣвочка!— дабавилъ онъ, сжимая въ своихъ объятіяхъ горячо любимую имъ дочь.

И затѣмъ, быстро повернувъ коня, онъ голопомъ поскакалъ въ обратный путь по направленію къ городу, не оглядываясь изъ опасенія, чтобы не замѣтили его слезъ, противъ воли выступившихъ на глаза.

— Увижу-ли я ее еще когда-нибудь?—думалъ онъ, несясь по пути въ Хартумъ.

У Гертруды также тяжело было на сердцѣ, хотя сама она не могла себѣ объяснить, почему именно ей было такъ грустно и такъ тяжело при этой разлукѣ. Но ей почему-то казалось, что она была не права, согласившись на этотъ отъѣздъ, что было-бы въ сто разъ лучше поупорствовать въ этомъ дѣлѣ, и, вопреки всѣмъ увѣщаніямъ, остаться съ отцомъ. Но теперь было уже поздно! Теперь уже нельзя было измѣнить своего рѣшенія—все было улажено, сдѣлано, оставалось только покориться послѣдствіямъ своей уступчивости. Какъ-бы то ни было, но она была настолько опечалена и огорчена, что только черезъ силу отвѣчала на вопросы Норбера Моони и доктора Бріэ, старавшихся развлечь и развеселить ее.

Въ полночь наши путники сдѣлали привалъ, какъ это всегда водится. Всѣ они расположились подъ двумя большими палатками, которыя проворно раскинули арабы, вожаки верблюдовъ, подъ руководствомъ Мабруки-Спика, близъ небольшого пригорка, мимо котораго проходила большая дорога.

На другое утро, около пяти часовъ путешественники расположились позавтракать передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь, когда бѣдная поселянка, гнавшая передъ собою маленькаго ослика, нагруженнаго свѣжими винными ягодами, проходя мимо нихъ по дорогѣ, немного пріостановилась и спросила путниковъ:

— Не желаете-ли вы купить моихъ плодовъ?

У нея не только купили ихъ цѣлую корзинку, но еще тутъ-же полакомились ими, дополнивъ фруктами свой ранній завтракъ.

Не прошло еще трехъ минутъ послѣ того, какъ наши путники покушали этихъ плодовъ, какъ непреодолимая сонливость овладѣла ими. Прежде другихъ поддалась этому странному вліянію Фатима и, какъ снопъ, повалилась на землю подлѣ своей госпожи. Вскорѣ и Гертруда послѣдовала ея примѣру. За ними и Норберъ Моони, и докторъ. Вожаки

верблюдовъ также одинъ за другимъ засыпали крѣпкимъ сномъ. Только старый Мабруки еще кое-какъ боролся противъ одолѣвавшей его сонливости и какого-то отупѣнія, въ которомъ однако все еще удерживалось смутное сознаніе, что его долгъ приказываетъ ему бодрствовать, что ему нельзя спать, когда всѣ остальные спятъ. Но подъ конецъ и онъ не могъ устоять и подпалъ подъ вліяніе этой необъяснимой сонливости, какъ и всѣ, растянувшись во всю свою длину на землѣ, объятый крѣпкимъ сномъ.

XIII. Князь тьмы.

Проснувшись, Гертруда увидѣла себя въ большой круглой залѣ съ высокимъ потолкомъ, освѣщенной семью мѣдными свѣтильниками.

Всѣ стѣны были изукрашены скульптурой, изваяніями, рѣзьбой и живописью, удивительно художественной и оригинальной.

Базальтовыя колонны, статуи изъ порфира опоясывали всю залу. Гертруда Керсэнь не даромъ была дочерью выдающагося, страстнаго, археолога; она съ перваго-же взгляда поняла, что находится въ пещерѣ или подземельѣ лучшей эпохи процвѣтанія египетскаго искусства.

Какъ ни велико было ея изумленіе, тѣмъ не менѣе она предалась съ увлеченіемъ и любопытствомъ, свойственнымъ прирожденному знатоку такого рода вещей, разсматривать и разглядывать окружавшія ее сокровища древняго искусства. Въ промежуткахъ между колоннами и каменными изваяніями, стѣны залы, казалось, были убраны яркими драпировками. Но въ сущности эти драпировки были ничто иное, какъ превосходнѣйшія фрески, сохранившія всю яркость и весь блескъ своихъ красокъ въ теченіе тридцати вѣковъ.

Художникъ, которому были поручены эти дивныя украшенія стѣнъ, началъ съ того, что изукрасилъ ихъ предварительно своимъ высоко художественнымъ рѣзцомъ, начер-

тивъ тѣсно сплоченные ряды и батальоны суровыхъ воиновъ, диковинныхъ животныхъ, птицъ, боговъ и богинь, акроцефаловъ, киноцефаловъ и ибіоцефаловъ на ряду съ нѣжными и яркими цвѣтами и растеніями, символическими чашами и урнами, съ глобусами, парящими между двумя широко распростертыми крыльями и украшеніями въ видѣ длинныхъ и стройныхъ пальмовыхъ листьевъ или стрѣлокъ. Затѣмъ уже принялся за дѣло живописецъ и своей мягкой, нѣжной кистью наложилъ живыя краски и вдохнулъ жизнь во всѣ эти фигуры и образы, созданные рѣзцомъ скульптора. Вокругъ всего фреска, писаннаго на красномъ фонѣ, шла довольно строгая блѣдно-зеленая полоса, выдѣлявшая ослѣпительную бѣлизну остальной части стѣнъ. Поэтичные цвѣты лотоса, точно живые, открывали свои таинственныя чашечки и, казалось, покачивались на своихъ стройныхъ длинныхъ стебляхъ. Золотые пальмовые листья и стрѣлки оттѣняли фризу заканчивавшую вверху эти мнимыя драпировки.

Теперь Гертруда вдругъ замѣтила, что лежитъ на роскошномъ фантастическомъ ложѣ, изукрашенномъ съ невѣроятно затѣйливымъ вкусомъ.

Ложе это изображало собою большого бронзоваго тигра, лежащаго, вытянувшись во всю свою длину, а на спинѣ его, широкой и ровной, положенъ былъ кожанный тюфякъ, который долженъ былъ служить постелью. Казалось, оно только что было изготовлено для какой-нибудь сказочной царицы. Тутъ-же рядомъ стояло покойное кресло изъ слоновой кости, такой тонкой рѣзьбы, что казалось положительно кружевнымъ, и серебрянный столъ. Драгоцѣнный металлъ, послужившій для него матеріаломъ, представлялъ собой наименьшую долю цѣнности этой вещи. Полированный, точно зеркало, дискъ этого стола покоился на головѣ колѣнопреклоненной фигуры раба негра дивной скульптурной работы. Превосходная львиная шкура разложенная на мраморныхъ плитахъ пола, довершала роскошь обстановки того алькова, въ которой проснулась Гертруда.

Взглянувъ на эту львиную шкуру, молодая дѣвушка

вдругъ замѣтила, что Фатима лежитъ у ея ногъ и все еще крѣпко спитъ.

Какимъ образомъ могли обѣ онѣ очутиться въ этомъ странномъ зданіи? Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онѣ уснули?—вотъ вопросы, на которые Гертруда не знала, какъ отвѣтить. Она взглянула на свои часы, но они стояли.

— Фатима!—воскликнула она, вдругъ объятая необъяснимымъ ужасомъ, и вскочивъ со своего ложа, опустилась на коверъ подлѣ своей маленькой служанки.

Та раскрыла глаза, но, повидимому, не могла дать себѣ отчета въ томъ, что происходитъ съ нею, однако машинально поднялась на ноги и стала озираться кругомъ. Гертруда тоже встала.

Въ этотъ моментъ потайная дверь въ стѣнѣ съ шумомъ и грохотомъ откатилась въ сторону и на порогѣ ея показался громаднаго роста негръ въ богатомъ, великолѣпномъ нарядѣ.

— Господинъ! — громко крикнулъ онъ и, отступивъ въ лѣво, распростерся на каменномъ полу залы.

Вслѣдъ за нимъ медленной, торжественной поступью входилъ Радамехскій карликъ. На немъ былъ индѣйскій костюмъ ослѣпительной бѣлизны, эффектно выдѣлявшійся благодаря красному поясу, унизанному драгоцѣнными каменьями, на которомъ болталась его сабля въ такихъ-же пунцовыхъ ножнахъ, изукрашенныхъ драгоцѣнными камнями. Его громадный тюрбанъ былъ на этотъ разъ также украшенъ высокимъ султаномъ изъ конскаго волоса, каждый волосокъ котораго былъ унизанъ брильянтами. Его мерзкое, черное лицо казалось еще болѣе отталкивающимъ, еще болѣе отвратительнымъ въ этомъ пышномъ изысканномъ нарядѣ, а его уродливая фигура еще болѣе безобразной и неуклюжей.

Однако, ни мало не подозрѣвая, что ему чего либо недостаетъ въ смыслѣ красоты, изящества и граціи, онъ съ торжествующимъ видомъ приблизился къ Гертрудѣ и улыбаясь остановился передъ ней.

— Чего вамъ надо? — спросила она съ надменной холодностью.

Карликъ воздѣлъ обѣ руки кверху, привѣтствуя ее по арабскому обычаю, не произнеся ни слова. Но во взглядѣ его было столько надменной гордости, столько самоувѣренности и самомнѣнія, что Гертруда не могла устоять противъ непреодолимой потребности немного унизить его.

— Ахъ, да, я помню, вы нѣмой, бѣдное жалкое созданье! вы не можете отвѣчать мнѣ!... Вы, вѣроятно, присланы ко мнѣ вашимъ господиномъ съ какимъ нибудь посланьемъ. Вы рабъ Радамехскаго могаддэма.... Я знаю, помню, что видѣла васъ распростертымъ ницъ передъ этимъ старцемъ.... Вѣроятно, ему я обязана этимъ похищеніемъ и тѣмъ насильственнымъ заключеніемъ, котораго я стала жертвой? Но вы понимаете по французски?....

Карликъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вы меня слышите и понимаете?—снова спросила Гертруда.

Карликъ еще разъ повторилъ свой утвердительный жестъ.

— Въ тáкомъ случаѣ,—сказала молодая дѣвушка, выпрямившись во весь ростъ,—идите и скажите вашему господину, что онъ совершилъ неслыханное, мерзкое дѣло, такое дѣло, которому нѣтъ даже имени.... Конечно, онъ хочетъ денегъ, ему нуженъ выкупъ; пусть только онъ назначитъ цыфру и обратится къ моему отцу—или же пусть онъ меня немедленно вернетъ въ Хартумъ.—и я даю ему слово, что его посланному будетъ уплочена полностью та сумма, какую онъ назначитъ!... Идите!... Я хочу какъ можно скорѣе вырваться отсюда!

Но вмѣсто того, чтобы исполнить это повеленіе карликъ опустился на колѣни передъ Гертрудой Керсэнь, взялъ подолъ ея платья, поднесъ его къ своимъ губамъ. Въ то же время онъ смотрѣлъ на нее съ умоляющимъ видомъ и такой униженностью, которая какъ нельзя болѣе противорѣчила его недавней надмѣнности. Гертруда была дѣвушка съ добрымъ, чуткимъ сердцемъ, ей стало жаль что она, быть

можетъ, напрасно обидѣла и безъ того уже несчастное, обездоленное существо а потому она продолжала болѣе мягкимъ тономъ.

— Что могу я сдѣлать для васъ?.... Кажется, вы просите моей жалости, моего снисхожденія.—Быть можетъ, могаддэмъ дурно обращается съ вами? въ такомъ случаѣ мнѣ васъ жаль! Пріѣзжайте въ Хартумъ, отецъ мой тамъ лицо вліятельное и уважаемое, онъ съумѣетъ защитить васъ и сдѣлать, что можно для васъ!...

Горькая, ироническая улыбка заиграла на губахъ безобразнаго карлика. Онъ поднялся и, подбоченясь, откинувъ назадъ корпусъ, всталъ передъ Гертрудой и, глядя ей прямо въ глаза сказалъ сильнымъ, властнымъ голосомъ.

— Я не рабъ и никогда не былъ рабомъ. Я не нуждаюсь ни въ чьемъ покровительствѣ, и если я склонился предъ тобою, то склонился только передъ твоей красотой...... Я пришелъ предложить тебѣ, счастливое дитя, раздѣлить со мною тронъ Судана. Я царь и властелинъ этой земли и тебя избралъ быть ея царицей!....

А такъ какъ пораженная точно громомъ Гертруда не въ силахъ былъ что либо отвѣтить ему на это, то онъ продолжалъ съ насмѣшливой, злобной улыбкой.

— Я—нѣмой!... Я—рабъ!... Нѣтъ, ты жестоко ошибаешься. Неужели ты могла такъ даться въ обманъ тому, что только было кажущееся?... Ты говоришь о какомъ то выкупѣ, бѣдное дитя! Но что такое можетъ значить для меня тотъ выкупъ, какой можетъ предложить твой отецъ, сравнительно съ тѣми несмѣтными богатствами, какими я владѣю!—Знай, что цѣлый міръ мой данникъ и власть моя неограничена на столько, на сколько она таинственна. Ты говоришь о могаддэмѣ, подлѣ котораго ты видѣла меня въ роли раба. Да знаешь-ли ты, что этотъ могаддэмъ и этотъ Махди—оба они ни что иное, какъ жалкія орудія въ моихъ рукахъ; да и не они одни, а еще многіе другіе, которые и сами того не подозрѣваютъ.... Я властелинъ Судана, но вскорѣ я стану властелиномъ цѣлой Африки и всего свѣта! Когда я говорю тебѣ о престолѣ, то говорю такъ только изъ скромности,

потому что у меня не одинъ престолъ, а цѣлыхъ десять, сто, и я могу положить ихъ къ твоимъ ногамъ, если захочу. Скажи мнѣ только одно слово, и весь міръ падетъ къ твоимъ ногамъ, какъ только что сдѣлалъ я.... Я—каддуръ, всемогущій магъ и чародѣй, Князь Тьмы. Радуйся же, дитя мое, потому что я избралъ тебя, чтобы раздѣлить съ тобою и мою славу, и мое все могущество!....

— Довольно!—гнѣвно и повелительно воскликнула Гертруда.—Низкій рабъ, неужели ты думаешь, что обольстишь меня этими розсказнями, что онѣ могутъ внушить мнѣ какое-бы то ни было другое чувство кромѣ пренебреженія?

Но карликъ не счелъ себя побѣжденнымъ.

— Опять ты произнесла это мерзкое слово рабъ!,—воскликнулъ онъ,—я уже сказалъ тебѣ, что я не рабъ, а властелинъ, которому всѣ здѣсь повинуются, здѣсь и повсюду! Но ты не хочешь этому вѣрить!... Можетъ быть ты хочешь, чтобы я доказалъ тебѣ это?.... Если только черный цвѣтъ моей кожи, заставляетъ тебя ставить меня въ разрядъ презрѣнной расы, то я мгновенно могу измѣнить ее! Смотри!

И между тѣмъ, какъ Фатима и Гертруда смотрѣли на него съ все возрастающимъ недоумѣніемъ, уродливый карликъ сталъ мѣняться на ихъ глазахъ. Кожа его стала мало по малу, но замѣтно блѣднѣть, приняла сѣроватый мутный оттѣнокъ, затѣмъ этотъ сѣрый оттѣнокъ смѣнился зеленоватымъ, а изъ зеленоватаго перешелъ въ желтый, который въ свою очередь сталъ постепенно блѣднѣть. Лицо его искажалось быстро смѣняющимися конвульсіями, но наконецъ онъ вышелъ послѣ этихъ судорожныхъ усилій хотя все тѣмъ же безобразнымъ уродомъ, но уже совершенно бѣлымъ!

Фатима внѣ себя отъ ужаса громко вскрикнула и упала лицомъ на землю. Гертруда Керсэнь чувствовала, что сердце ея усиленно бьется, но ни за что на свѣтѣ не согласилась бы выразить того страха и того волненія, которые начинали овладѣвать ею.

— Не старайся запугать меня этими фокусами и продѣлками!—презрительно сказала она.—Будь ты бѣлый или

черный, ты для меня останешься все тѣмъ же шарлатаномъ, какимъ ты есть!—И если это ты меня завлекъ сюда, то дай мнѣ скорѣе уйти отсюда! Ты ничего не выиграешь тѣмъ, что будешь медлить. И только возвративъ мнѣ немедленно свободу, ты можешь заставить меня простить тебѣ твою смѣшную попытку. Помни, что я принадлежу къ такому могущественному народу, который умѣетъ заставлять уважать своихъ дѣтей.

— Что ты мнѣ говоришь о твоемъ народѣ, о разныхъ націяхъ! — воскликнулъ громовымъ голосомъ карликъ. — Я уже сказалъ тебѣ и повторяю еще разъ, что моя власть не знаетъ границъ, что дѣйствія народовъ и совѣты царей и государей зависятъ отъ меня. Я тотъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всѣ невидимыя нити судебъ народовъ и людей. Въ моихъ рукахъ всѣ люди тѣ же куклы, которыми я могу играть, какъ мнѣ вздумается.... Ты мнѣ не вѣришь?... Тебѣ нужны доказательства моихъ словъ?... Ты будешь ихъ имѣть!

Онъ ударилъ въ ладоши своихъ громадныхъ рукъ,—и въ тотъ же моментъ задняя стѣнка одного изъ альковов отошла, открывъ нѣчто въ родѣ сцены. Но вмѣсто декорацій изъ размалеваннаго холста и дерева, передъ глазами удивленныхъ дѣвушекъ явилась великолѣпная длинная галлерея, освѣщенная множествомъ серебряныхъ свѣтильниковъ, изливавшихъ свой свѣтъ на драгоцѣнный мраморъ, стройныя колонады, и рѣдкостныя по красотѣ и цѣнности украшенія. Впереди этой галлереи возвышался золотой тронъ на особаго рода возвышеніи, или подмосткахъ, вокругъ которыхъ на ихъ глазъ собрался блестящій дворъ, почтительно кланявшійся этому трону, какъ будто на немъ сидѣлъ какой нибудь государь, между тѣмъ какъ тронъ этотъ былъ пустъ въ данный моментъ. Въ этомъ многочисленномъ собраніи важныхъ сановниковъ были, казалось, представители всѣхъ націй и народностей, всѣхъ расъ и всѣхъ племенъ: тутъ были и китайцы съ узкими вздернутыми глазками, и японцы въ лаковыхъ панцыряхъ, индѣйцы, арабы

въ бѣлыхъ бурусахъ, канадцы въ мѣховыхъ курткахъ, зулусы съ ихъ ассагаями, буры съ ихъ короткоствольными ружьями, татуированные индѣйцы и сотни другихъ со всѣми своими типичными аттрибутами и свойственной имъ физіономіей. Когда вся эта пестрая толпа, продефилировавъ передъ трономъ, размѣстилась по обѣ стороны галлереи, тотъ же громаднаго роста негръ, который возвѣстилъ о приходѣ Каддура, появился на авансценѣ и, очевидно, ожидалъ приказаній своего господина.

— Позови посланнаго изъ Канады! — сказалъ карликъ.

Одѣтый съ ногъ до головы въ котиковыя шкуры метисъ американецъ приблизился почтительно къ Каддуру и сказалъ:

— Повелитель, Ріель ожидаетъ только твоихъ приказаній, чтобы устроить возстаніе среди своихъ братьевъ канадцевъ противъ владычества Англіи!

— Посланнаго буровъ!—крикнулъ карликъ. Тяжело выступая, грубый, загорѣлый на солнцѣ мужикъ снялъ почтительно свою соломенную шляпу, досталъ изъ нее запечатанное письмо и вручилъ его негру, сказавъ по голландски:

— Буры Капланда шлютъ привѣтъ Каддуру и возстанутъ всѣ разомъ по первому его знаку!

Карликъ любезно перевелъ эти слова для Гертруды на французскій языкъ, затѣмъ скомандовалъ:

— Индусовъ!

На этотъ разъ выступила изъ рядовъ молоденькая дѣвушка въ костюмѣ баядерки, окутанная прозрачнымъ газовымъ покрываломъ, затканнымъ серебромъ, и чистымъ, тонкимъ голоскомъ проговорила:

— Индія какъ будто заснула теперь, но она только выжидаетъ. У нея сто милліоновъ человѣкъ, готовыхъ служить Каддуру всемогущему, чтобы отомстить за себя и возвратить себѣ свободу!

— А дочь моя, представительница Ирландіи здѣсь? — освѣдомился карликъ.

Молодая Ирландка съ удивительной бѣлизною кожи и

черными печальными глазами въ глубокомъ трауре, отозвалась на этотъ вопросъ Каддура.

— Непобедимые на все готовы!—сказала она по англійски.—Они взорвутъ Лондонъ, если властелинъ найдетъ это нужнымъ для блага нашего отечества!..

— А сынъ Махди?—потребовалъ карликъ.

— Каддуръ великъ, Махди его пророкъ! — сказалъ тотчасъ-же появившійся молодой арабъ.

— Довольно!.. — сказалъ Каддуръ. — Пусть всѣ они исчезнутъ!

Стѣна алькова задвинулась,—и все это видѣніе исчезло въ тотъ-же моментъ.

— Ты сама видишь теперь, кто я такой?—сказалъ карликъ, обращаясь къ Гертрудѣ Керсэнь.

И сложивъ на своей уродливой груди безобразно длинныя руки, онъ устремилъ на дѣвушку полный ироніи взглядъ.

Но она отвѣтила ему тѣмъ-же.

— Я вижу только, что ты имѣешь въ своемъ распоряженіи хорошо обученныхъ актеровъ, которые прекрасно знаютъ свои роли! — сказала она послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Актеровъ?.. Ты называешь актерами всѣхъ этихъ агентовъ моей власти, которыхъ я показалъ тебѣ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ я еще могъ-бы показать тебѣ, если-бы захотѣлъ?.. Нѣтъ, не смѣй такъ думать, дитя! Это не актеры, а орудія, послушныя и могущественныя орудія въ моихъ рукахъ, которыя, служа мнѣ тѣломъ и душою, воображаютъ, что служатъ исключительно своимъ страстямъ и своему мстительному чувству. Во всѣхъ четырехъ концахъ свѣта эти люди устраиваютъ заговоры, вооружаются и готовятся, сами не зная другъ друга, къ чему-то такому, чего и сами они еще не знаютъ, понуждаемые взаимной ненавистью злобой, завистью и алчностью. Но я одинъ правлю ими. Я одинъ могу разнуздать въ удобный моментъ ихъ ярость и ихъ бѣшеныя страсти. Стоитъ мнѣ сказать только слово, и завтра, если я того захочу, весь міръ будетъ одной сплош-

ной развалиной, завтра я одинъ буду царить при свѣтѣ дня, какъ царю теперь во мракѣ!.. Кто-же, какъ не я, обезсиливаю теперь могущественную Великобританію?.. Этотъ Махди, какъ сама ты видишь, не болѣе какъ мой подчиненный. Если я захочу, возстанетъ и Индія, и Канада, во всемъ послушныя мнѣ. Буры и Зулусы, всѣ благодарны мнѣ за то, что я доставлялъ имъ побѣду за побѣдой. Самъ Ситтивайо развѣ не былъ побѣдителемъ до тѣхъ поръ, пока довольствовался ролью моего подчиненнаго?! Но за то, въ тотъ-же день, какъ онъ захотѣлъ уйти отъ меня, былъ разбитъ на голову?! А Ирландія? Развѣ она не готова въ каждый любой моментъ поджечь тѣ фитили, какіе я готовлю ей? Мои соглядатаи и тайные агенты разсѣяны по всему лицу земли. Случись только въ мірѣ какое-нибудь болѣе или менѣе значительное событіе, — и оно тотчасъ-же дѣлается мнѣ извѣстнымъ. А этотъ глупый ребенокъ, этотъ Моони, воображаетъ, что онъ съумѣетъ утаить отъ меня свой безумный замыслъ. Не успѣлъ онъ и самъ еще выработать его, какъ я уже зналъ весь его планъ во всѣхъ мельчайшихъ его подробностяхъ... Да и сама ты отправлялась въ Тэбали, а, видишь, очутилась здѣсь!..

— Да, благодаря какому-то подлому, измѣнническому поступку!—гнѣвно воскликнула Гертруда.—Но не смотря на всѣ эти твои продѣлки, карликъ, я все же не вѣрю въ твою власть, которой ты такъ похваляешься передо мною!

— Ты все еще не вѣришь? чего же тебѣ надо, чтобы ты могла убѣдиться?—спросилъ карликъ.—Хочешь-ли я покажу тебѣ, что пишетъ въ настоящій моментъ Гордонъ, этотъ бѣдный, но славный воинъ, своему правительству.

Карликъ еще разъ ударилъ въ ладоши. Другой альковъ открылся такъ же, какъ и первый, но въ немъ виднѣлась не богатая, роскошная тронная зала, а простое телеграфное бюро.

— Я отвелъ проволоку изъ Хартума,—сказалъ злобною усмѣшкой карликъ,—и теперь депеши Гордона не могутъ достигнуть Каира, не пройдя предварительно здѣсь черезъ

мои руки. Поди и прочти вотъ эту, если она тебя интересуетъ!—добавилъ онъ, обращаясь къ Гертрудѣ.

Но такъ какъ та оставалась невозмутимой и не трогалась съ мѣста, то онъ продолжалъ:

— Ну, такъ я самъ прочитаю ее тебѣ! Слушай!

„Генералъ Гордонъ серу Эвелину Барингъ, генеральному агенту ея Британскаго Королевскаго Величества въ Каирѣ.

„Хартумъ 2-го Марта.

Чтобы все спасти, достаточно двинуть на Хартумъ всего одинъ батальонъ англійскихъ солдатъ по пути Нила. Важно не число, а только престижъ. Возстаніе падетъ само собою, если только я получу поддержку, хотя-бы даже только мнимую, видимую, поддержку, состоящую изъ европейскихъ войскъ. Въ противномъ случаѣ все погибло! Не пройдетъ трехъ дней, какъ мы будемъ блокированы.

Подпись: Гордонъ.

— Я передамъ эту депешу по назначенію,—продолжалъ карликъ съ злобной усмѣшкой,—но слегка измѣнивъ ее, напр., въ томъ смыслѣ, что Гордонъ вовсе не нуждается ни въ какой поддержкѣ со стороны европейскихъ войскъ!.. Что ты на это скажешь, дитя?.. Вѣришь-ли ты теперь въ мою власть?..

— Я вѣрю только въ то, что ты страшный мерзавецъ и негодяй!—отвѣчала Гертруда, сохраняя все то же высокомѣрное, презрительное отношеніе къ безобразному карлику и не уступая ему ни въ чемъ.

XIV. Бѣлая и черная магія.

На этотъ разъ карликъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ оставался погруженнымъ въ какую то мрачную задумчивость.

— Безумная!—проговорилъ онъ, наконецъ, съ тяжелымъ вздохомъ,—что же въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ убѣдить тебя?... Неужели ни чувство робости, ни чувство страха

незнакомы тебѣ?... Какъ смѣешь ты шутить гнѣвомъ того, чья власть, какъ сѣть, охватываетъ со всѣхъ сторонъ весь этотъ земной шаръ, которымъ я играю, какъ мячомъ. Вижу, что всего того, чего ты до сихъ поръ была свидѣтельницей, мало для тебя. Вѣдь, молодыя дѣвушки вообще любопытны. Быть можетъ, ты хочешь видѣть доказательства моей сверхъестественной силы, власти и могущества? Я могу позабавить тебя и этимъ! Хочешь, я покажу тебѣ сейчасъ того, кѣмъ въ данный моментъ заняты твои мысли?...

Съ этими словами, не выжидая отвѣта дѣвушки, Каддуръ отцѣпилъ у себя отъ пояса маленькій серебряный свистокъ и съ помощью его издалъ рѣзкій пронзительный свистъ. Почти въ тотъ же моментъ раздвинулась стѣна третьей ниши и въ ней показалось какое-то легкое облако позади экрана, состоящаго изъ большого зеркальнаго стекла. Облако это мало по малу стало сгущаться и принимать опредѣленную форму человѣческой фигуры. Еще минута,—и Гертруда узнала своего отца. Онъ сидѣлъ въ креслѣ передъ своимъ письменнымъ столомъ въ кабинетѣ французскаго консульскаго дома въ Хартумѣ и, склонившись надъ своими бумагами, внимательно изучалъ ихъ. Вдругъ онъ откинулся на спинку своего кресла и, казалось, погрузился въ глубокую задумчивость; затѣмъ открылъ одинъ изъ ящиковъ своего бюро и досталъ оттуда портретъ, который Гертруда съ чувствомъ щемящей боли признала за свой. Это была миньятюра, сдѣланная въ Парижѣ, на которой художникъ изобразилъ ее малюткой въ бѣлокурыхъ кудряхъ. Керсэнь прижалъ этотъ портретъ къ своимъ губамъ и долго цѣловалъ его. Слёзы выступили у него на глазахъ. При видѣ этого и глаза дочери его наполнились слезами на столько, что онѣ стали застилать отъ нея дорогой образъ ея отца.... Мало по малу видѣніе стало блѣднѣть и, наконецъ, совершенно исчезло.

— Вотъ настоящее,—сказалъ Каддуръ,—а теперь смотри, вотъ и будущее!...—И на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всего съ минуту назадъ такъ ясно виднѣлся образъ г. Керсэнь, молодая дѣвушка увидѣла сперва блѣдно вырисовывавшуюся

окружность и смутныя очертанія чего-то, что затѣмъ мало по малу стало принимать опредѣленные контуры. Гертруда узнала главную площадь Хартума, которую ограничивалъ съ одной стороны дворецъ генералъ-губернатора, а съ другой—фасадъ зданія французскаго консульства. Повидимому, солнце начинало только всходить надъ Хартумомъ. Жители города всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій бѣжали по пустынной площади, всѣ были блѣдны, растеряны и повидимому, въ смертельномъ страхѣ и ужасѣ. Вдругъ изъ генералъ-губернаторскаго дворца вышелъ офицеръ, за нимъ слѣдомъ еще человѣкъ пять. Офицеръ этотъ, въ чинѣ генерала, былъ человѣкъ небольшого роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами. Онъ поспѣшно спускался со ступенекъ крыльца. Всѣ черты его пріятнаго лица дышали бѣшенствомъ. Когда онъ обратился лицомъ въ сторону Гертруды, она узнала въ немъ генерала Гордона.... Почти въ тотъ же самый моментъ толпа ободранныхъ арабовъ показалась на площади. Едва увидѣли они ту группу, которая спускалась съ крыльца генералъ-губернаторскаго дворца, какъ вдругъ остановились и открыли по ней огень. Одинъ за другимъ затрещали оружейные выстрѣлы, генералъ упалъ. Толпа оборванцевъ въ мигъ обступила его, а генеральская свита разбѣжалась во всѣ стороны. Еще минута,—и Гертруда съ содроганіемъ увидѣла окровавленную голову Гордона, которую рослый арабъ высоко поднялъ надъ толпой.... Съ замираніемъ сердца молодая дѣвушка обратила свои взоры въ сторону дома французскаго консульства и ей показалось, что изъ него спокойной поступью вышелъ ея отецъ, совершенно одинъ..... Онѣмѣвъ отъ ужаса, она вперила свои глаза въ это видѣніе, ожидая что вотъ—вотъ увидитъ зрѣлище еще болѣе ужасное, по крайней мѣрѣ болѣе ужасное для любящаго сердца нѣжной дочери, какъ вдругъ все разомъ затмилось и исчезло.

Это видѣніе подѣйствовало на нее такъ сильно, что потребовалось нѣкоторое время прежде, чѣмъ она успѣла окончательно оправиться, но, овладѣвъ собою тотчасъ—же, она сказала все съ тѣмъ-же невозмутимымъ хладнокровіемъ:

— Будущее—не въ твоей власти! Оно не принадлежитъ тебѣ, жалкій карликъ! А то, что ты далъ увидѣть мнѣ сейчасъ, все это дурной сонъ, не болѣе. Гордонъ не падетъ подъ предательскими ударами вашихъ оборванцевъ! Нѣтъ, онъ перевѣшаетъ васъ всѣхъ до одного!....

— Какъ ты осмѣливаешься говорить со мною такъ!—воскликнулъ карликъ, скрежаща зубами.—Ты рѣшительно не боишься ничего! Ну, такъ смотри же..... Съ этими словами онъ поднялъ свои руки кверху, какъ бы призывая помощь свыше. И вотъ поднялся страшный шумъ и гамъ, казалось, что самыя нѣдра земли разверзлись, и оттуда въ ужасномъ хаосѣ стали появляться невиданныя чудовища; даже тѣ чудовища, которыя поддерживали ниши, тоже вдругъ ожили, и все подземелье наполнилось ихъ страшнымъ воемъ и рычаніемъ. Со стѣнъ стали отдѣляться со странными, архаическими движеніями фантастическія созданія, изображенныя на нихъ рѣзцомъ и кистью художника: древніе боги и созданія съ собачьими, кошачьими, бычачьими и птичьими головами, странныя животныя, чудовищные крокодилы съ страшно разинутыми пастями, всѣ надвигались на молодую дѣвушку, устремивъ на нее свои горящіе какимъ-то необычайнымъ фосфорическимъ блескомъ жадные глаза.

Обезумѣвъ отъ ужаса и страха, Фатима жалась къ своей госпожѣ и, вцѣпившись въ нее обѣими руками, издавала пронзительные крики, содрогаясь отъ головы до ногъ.

— Уйми свой звѣринецъ!—презрительно повелительнымъ тономъ обратилась Гертруда къ Радамехскому карлику.— Если ты хочешь этимъ запугать меня, то знай, что тратишь даромъ свое время и свое искусство!

Каддуръ произнесъ нѣсколько словъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ, и чудовища, боги, всѣ причудливыя созданія кисти и рѣзца,—все это разомъ стало мертво и неподвижно, а въ подземельѣ воцарилась полнѣйшая тишина.

Гертруда презрительно пожала плечами. Между тѣмъ карликъ сосредоточилъ теперь все свое вниманіе на Фатимѣ, устремивъ на нее свои горящіе глаза, затѣмъ подалъ знакъ,

и маленькая служанка, отпустивъ руки и оставивъ одежду своей госпожи, послушно приблизилась къ Каддуру. Глаза ея были широко раскрыты, но, повидимому, не видѣли передъ собой, а были какъ-бы обращены внутрь.

— Фатима, — какимъ-то замогильнымъ голосомъ произнесъ карликъ,—я знаю, ты любишь свою госпожу, а она вѣритъ въ твою преданность и любитъ тебя, какъ родную сестру. Но я приказываю тебѣ: „возьми сейчасъ этотъ кинжалъ у меня за поясомъ и вонзи его въ сердце твоей госпожи“!

Фатима глубоко вздохнула; двѣ крупныя слезы выступили у нея на рѣсницахъ и затѣмъ тяжело скатились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. Все-таки она подошла къ карлику, достала у него изъ-за пояса кинжалъ, на который онъ указалъ ей, и обратилась къ Гертрудѣ съ поднятою уже рукою, чтобы нанести ей рѣшительный ударъ.

— Остановись!—сказалъ карликъ.

Она остановилась, какъ-бы окаменѣвъ на мѣстѣ въ этой позѣ убійцы, съ занесеннымъ уже оружіемъ.

Гертруда не могла удержать своихъ слезъ при этомъ.

— Бѣдное дитя! — прошептала она глубоко растроганнымъ голосомъ, осторожно стараясь опустить какъ-бы застывшую въ этой грозной позѣ руку своей маленькой служанки.—Не бойся, бѣдная моя, я не сочту тебя виновной въ томъ, что ты сейчасъ хотѣла сдѣлать... Мнѣ знакома сила гипнотизма, — добавила она, обращаясь къ карлику,—и всѣ твои чародѣйства не заставятъ меня усумниться въ любви и преданности Фатимы!

— Пусть такъ, но во всякомъ случаѣ они по крайней мѣрѣ доказываютъ тебѣ, что я въ состояніи сдѣлать!—сказалъ Каддуръ и при этомъ сдѣлалъ жестъ, которымъ вернулъ Фатимѣ сознаніе.

Выйдя тотчасъ-же изъ своей каталепсіи, но все дрожа отъ ужаснаго перваго напряженія, служанка опять стала жаться къ своей госпожѣ, какъ вспугнутый звѣрекъ.

— Послушай!—продолжалъ карликъ, обращаясь къ Гер-

трудѣ Керсэнь.—Ты—женщина! Не можетъ быть, чтобы тебя не прельщала перспектива такой неограниченной, всесильной, всемогущей власти, подобной которой нѣтъ. Ты теперь знаешь, что я намѣренъ сдѣлать въ области политики, знаешь, что въ моихъ рукахъ находятся всѣ сокровища міра, такъ какъ, при такой власти, какою обладаю я, нѣтъ такого сокровища, которое могло-бы отъ меня укрыться или было-бы недоступно мнѣ. Сейчасъ сама-же ты была свидѣтельницей моей сверхестественной власти и способностей. Ты не можешь болѣе сомнѣваться, что никакая тайна не можетъ оставаться тайной для меня. Ни этотъ видимый, ни даже невидимый и таинственный міры не имѣютъ ничего отъ меня скрытаго. Я знаю все! Я все могу! Я имѣю въ своемъ распоряженіи всѣ мудрости древнихъ и всѣ познанія новѣйшихъ наукъ! Всѣ преданья старины и все ихъ колдовство, бѣлая и черная магія, все одинаково знакомо мнѣ... Я—та всемогущая пружина, которая движетъ всѣмъ... И вотъ я говорю тебѣ: „Хочешь ты раздѣлить со мною это всесильное владычество? Хочешь быть царицей Африки, императрицей Индіи и Китая и всего міра? Такъ пойдемъ рука объ руку со мной! Завтра-же всѣ французы будутъ избиты въ Алжирѣ и въ Тунисѣ, англичане—въ Индіи и Египтѣ, Землѣ Капской и на всѣхъ островахъ; Россія набросится на Германію, мусульманскій міръ—на христіанскій міръ, а полъ года спустя я буду короновать тебя міровою царицей въ Византіи.. По одному твоему знаку все свершится. А я, хотя и всемогущій и всесильный, останусь въ тѣни, никому неизвѣстнымъ, какимъ былъ и до сихъ поръ. За то ты будешь царить со мною, и никто не будетъ знать, гдѣ и въ чемъ источникъ твоей власти!..

— Если-же прелесть власти не прельщаетъ тебя или могущество и блескъ тяготятъ тебя, и ты предпочитаешь спокойную, тихую жизнь, скажи мнѣ одно только слово,—и я все брошу, откажусь рѣшительно отъ всего и удалюсь въ тотъ край, какой ты пожелаешь назвать своей родиной, унося съ собой всѣ скопленныя мною сокровища, предоста-

вивъ бѣдному человѣчеству выпутываться, какъ оно знаетъ, изъ всѣхъ своихъ затрудненій.

Однако и эти блестящія картины мірового владычества не прельстили дѣвушку. И въ отвѣтъ она разразилась только громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Полно, бѣдный карликъ! — проговорила она, — жаль, право, что у тебя нѣтъ зеркала въ числѣ всѣхъ твоихъ комедіантскихъ приборовъ!

Этотъ смѣхъ и жесткіе слова Гертруды обдали, точно ледянымъ душемъ, свѣтлыя мечты уродливаго карлика. Страшный крикъ, крикъ дикой ярости вырвался изъ устъ его.

— Несчастная!—завопилъ онъ.—Такъ-то ты отвѣчаешь мнѣ!.. Знай же, что ужъ не долго тебѣ придется смѣяться... клянусь тебѣ!.. Изъ-за тебя пострадаетъ весь міръ!.. Если ты прожила бы сто лѣтъ, то и тогда не нашла-бы достаточно часовъ, чтобы оплакивать тотъ день, когда ты такъ безумно оскорбила Каддура!

И въ страшномъ бѣшенствѣ онъ удалился.

Едва успѣли затвориться за нимъ двери, какъ Гертруда и Фатима услышали лязгъ и бряцаніе тяжелыхъ цѣпей, засововъ и запоровъ.

Прошелъ часъ. Ничто не нарушало могильной тишины таинственнаго подземелья.

Но затѣмъ дверь отворилась,—и крикъ радости вырвался изъ груди обѣихъ плѣнницъ. На порогѣ стоялъ Норберъ Моони!

— Гертруда!—воскликнулъ онъ.—Мадемуазель Керсэнъ! Боже мой, какъ я счастливъ, что опять вижу васъ! Я уже не надѣялся разыскать васъ въ этой таинственной тюрьмѣ!.. Но простите ли вы мнѣ когда нибудь, что я завлекъ васъ сюда?

— Простить васъ?!—воскликнула Гертруда.—Да въ чемъ мнѣ прощать? Вѣдь, и сами вы въ плѣну! Будемъ-же только радоваться, что мы видимъ васъ! Знаете вы хоть что нибудь о моемъ дядѣ и о Мабруки? Что сталось съ ними?

— Я не видалъ ихъ съ того самаго момента, какъ мы

поѣли этихъ фигъ, пропитанныхъ, несомнѣнно, какимъ то сильнымъ наркотическимъ веществомъ!

— Въ сущности, вы скорѣе были бы въ правѣ упрекать меня въ томъ, что очутились въ плѣну,—продолжала Гертруда, — такъ какъ попали сюда только изъ за меня!

— Ахъ, почему мнѣ не дано доказать вамъ какимъ нибудь болѣе яркимъ способомъ всю мою преданность вамъ!— воскликнулъ Норберъ Моони.—Намъ надо, во что бы то ни стало, выдти отсюда. Но какъ узнать, какъ мы сюда попали и кто насъ держитъ здѣсь?

— Какъ, развѣ вы не знаете объ этомъ?.. Да это—Радамехскій карликъ!.. И надо-ли мнѣ признаться въ томъ, что такъ ужасно унизительно для моего самолюбія женщины?—продолжала Гертруда Керсэнь, краснѣя до корней волосъ,—этотъ негодный шарлатанъ предлагалъ мнѣ, всего какой нибудь часъ тому назадъ, стать его женой!

— Дерзкій уродъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ Норберъ Моони.

— Я разсмѣялась ему въ лицо, какъ вы, конечно, могли того ожидать, и онъ ушелъ страшно взбѣшенный, угрожая мнѣ самымъ ужаснымъ мщеніемъ.

— Прежде всего намъ слѣдовало-бы пріобрѣсти увѣренность въ томъ, чего онъ хочетъ и что онъ можетъ! — сказалъ молодой ученый, осматриваясь кругомъ.—Ну, это помѣщеніе вовсе не походитъ на то, въ которомъ находился я до настоящаго момента.

Не успѣлъ онъ докончить этихъ словъ, какъ одна изъ стѣнокъ подземелья растворилась,—и Радамехскій карликъ во главѣ цѣлаго отряда въ двѣсти или триста человѣкъ черныхъ воиновъ, появился въ широкомъ отверстіи раскрывшейся ниши. Что особенно поразило при этомъ Норбера Моони, такъ то, что черная стража во всѣхъ отношеніяхъ удивительно походила на тѣхъ черныхъ воиновъ, которыхъ онъ завербовалъ для защиты Тебали. То были люди совершенно того-же типа, одинаковаго съ ними вооруженія, съ тѣми-же

щитами и поясами изъ леопардовой шкуры и въ тѣхъ-же шлемахъ,—словомъ, все было то же, что и у тѣхъ.

— Что я хочу, что я могу?—сказалъ Каддуръ, точно эхо повторивъ послѣднія слова молодого человѣка,—я покажу вамъ это и при томъ сейчасъ. Я хочу, чтобы вотъ эта дѣвушка стала моей женой, а я могу многое, чтобы этого достигнуть, чтобы принудить ее рѣшиться на это, напр. я могу васъ подвергнуть пыткѣ, тебя и ея дядю, и вашихъ вѣрныхъ слугъ. Затѣмъ могу отвести васъ на Тэбали и на вашихъ глазахъ уничтожить все то, что съ такимъ трудомъ ты сооружалъ въ своей безумной гордости, исполненный надменнымъ самомнѣніемъ. Тогда-то мы посмотримъ, не ты ли первый станешь просить ее принять мое предложеніе!

— Гертруда,—воскликнулъ Норберъ Моони,—пусть никакая жалость не заставитъ васъ покориться его волѣ! Конечно, мнѣ будетъ страшно больно видить уничтоженіе всего того, что создано съ такимъ трудомъ, но никакая пытка въ мірѣ не сравнится для меня съ той, какой является для меня мысль о подобномъ бракѣ!

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, другъ мой!—отвѣтила молодая дѣвушка, ни мало не смущаясь.—Если что либо могло увеличить то отвращеніе, какое мнѣ внушаетъ это чудовище, то это именно тѣ средства, какія онъ избралъ, чтобы восторжествовать надомною!

Каддуръ позеленѣлъ отъ злобы.

— Принесите веревки!—крикнулъ онъ,—и свяжите этого господина!.. Прежде всего мы отправимся въ Тэбали, гдѣ приступимъ въ свою очередь къ иного рода работамъ. Кромѣ того г., Моони не единственный, съ кѣмъ мнѣ надо свести кое-какіе счеты.

XV. Сыны страны великихъ озеръ.

Серъ Буцефалъ Когхилль только что всталъ и по обыкновенію прогуливался взадъ и впередъ по площадкѣ Тэбали, какъ къ нему вдругъ подошелъ Виржиль.

— Господинъ милордъ,—сказалъ онъ,—мнѣ сейчасъ дали знать, что по дорогѣ къ намъ показался большой отрядъ вооруженныхъ людей. Г. Моони отдалъ при своемъ отъѣздѣ строжайшее приказаніе, чтобы никто не смѣлъ приближаться безъ надлежащаго разрѣшенія къ мѣсту работъ,—поэтому я прикажу нашимъ чернымъ воинамъ взяться за оружіе и вмѣстѣ съ ними двинусь на встрѣчу этому отряду.

— Прекрасно!—отвѣчалъ съ величайшимъ равнодушіемъ молодой баронетъ,—это ваше дѣло!

И когда Виржиль уже двинулся по направленію къ казармѣ, гдѣ помѣщалась черная стража, серъ Буцефалъ добавилъ самымъ небрежнымъ тономъ.

— Можетъ быть, это г. Моони возвращается: вѣдь, уже скоро двѣ недѣли, какъ онъ уѣхалъ. Развѣ такое продолжительное отсутствіе не удивляетъ васъ?..,

Это продолжительное отсутствіе не только удивляло, но и тревожило Виржиля въ высшей степени, но онъ не считалъ нужнымъ выказывать этого; онъ зналъ только, что ему было приказано, и твердо исполнялъ, что ему было вмѣнено въ обязанность. Молодой ученый уѣзжая поставилъ его старшимъ надзирателемъ надъ работами, и вотъ онъ будетъ охранять ихъ и слѣдить за ними, если надо, вплоть до окончанія вѣка.

— Вѣроятно, у г. Моони есть свои причины оставаться въ Хартумѣ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ! — замѣтилъ онъ, почтительно поклонившись баронету.

Тотъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ все тѣмъ же ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ, какъ всегда, и когда по его хронометру, который онъ держалъ въ рукѣ, прошло ровно 60 минутъ съ момента начала прогулки, серъ Буцефалъ остановился, придвинулъ къ маленькому столику легкій бамбуковый стулъ и сталъ просматривать европейскія газеты, которыя ему ежедневно доставлялъ нарочный, привозившій ихъ изъ Бербера.

— Хмъ! Гордонъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Судана!.. Онъ прибылъ въ Хартумъ, проѣхавъ всю пустыню

на верблюдѣ, совершенно одинъ! Да, это на него похоже!.— пробормоталъ серъ Буцефалъ, быстро пробѣжавъ глазами „Times“.—Вотъ, вѣроятно, причина, задержавшая г. Моони въ Хартумѣ!—Затѣмъ онъ глубокомысленно погрузился въ чтеніе своихъ газетъ.

Тѣмъ временемъ Виржиль, призвавъ къ оружію черную стражу, выстроилъ ихъ въ двѣ линіи и скомандовавъ „бѣгомъ“!, спустился съ ними съ горы внизъ къ подножію Пика. Не прошло и двадцати минутъ, какъ эта сотня черныхъ воиновъ, проворныхъ и легкихъ, какъ пантеры, съ Виржилемъ во главѣ, была уже въ долинѣ и даже миновала пріютившуюся у подножья горы арабскую деревню.

На разстояніи какихъ нибудь двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ селенія Виржиль построилъ свой батальонъ сомкнутыми рядами, чтобы преградить путь нежданнымъ гостямъ.

Ждать ихъ пришлось не долго. Караванъ этотъ состоялъ изъ одного паланкина, колыхавшагося на спинѣ верблюда; въ паланкинѣ сидѣли плѣнная Гертруда и ея маленькая служанка, за нимъ шли три другихъ верблюда, на которыхъ связанные и въ цѣпяхъ помѣщались Норберъ Моони, докторъ Бріэ и Мабруки, которые въ такомъ видѣ совершили мучительное пятидневное путешествіе. Далѣе ѣхалъ самъ Радамехскій карликъ на великолѣпномъ арабскомъ конѣ, богато разукрашенномъ, за нимъ слѣдовала его черная стража...

Виржиль съ перваго взгляда узналъ своего господина и тотчасъ же понялъ, что случилось какое-то несчастіе. Но смѣлый и неустрашимый, онъ ни минуты не колебался въ своемъ рѣшеніи.

— Стой!—крикнулъ онъ, выскочивъ шаговъ на двадцать впередъ остальныхъ... Что вамъ здѣсь надо... Какъ вы осмѣлились связать этихъ господъ?..

Радамехскій карликъ поспѣшилъ выѣхать впередъ. Чрезвычайно удивленный, что наткнулся на сопротивленіе тамъ, гдѣ нельзя было ожидать, и даже немного смущенный этимъ, онъ вскорѣ вернулъ себѣ весь свой апломбъ, убѣдившись,

что его стража гораздо многочисленнѣе маленькаго отряда Виржиля.

— Что мнѣ здѣсь надо?—повторилъ онъ.—Мнѣ надо овладѣть Пикомъ Тэбали, и я овладѣю имъ!—надменно заявилъ онъ.—И если вы не сдадитесь сейчасъ-же, то будете всѣ уничтожены, всѣ до послѣдняго.

— Ахъ, ты дрянной карликъ! Въ умѣ-ли ты? чтобы мы сложили предъ тобой оружіе! Да я скорѣй заставлю тебя проглотить твой языкъ!—вскричалъ возмущенный Виржиль и, выхвативъ саблю изъ ноженъ, скомандовалъ своему отряду громовымъ голосомъ:

— Стой! Ружья къ плечу! Цѣлься!..

Та же команда послышалась и въ противуположномъ лагерѣ.

Но, къ немалому удивленію обѣихъ сторонъ, ни тотъ, ни другой отрядъ не повиновались командѣ. Одинъ изъ вождей негритянской стражи Каддура, отдѣлясь отъ своихъ, подошелъ къ нему сообщить что-то. Одновременно съ нимъ и Шаако подошелъ къ Виржилю, со словами:

— Сыны странъ великихъ озеръ не сражаются никогда другъ противъ друга!—и онъ указалъ рукой на чернокожихъ воиновъ Каддура.—Прикажи намъ, что хочешь, и всѣ мы готовы повиноваться тебѣ, но только не приказывай стрѣлять въ своихъ братьевъ!..

Вождь негровъ Каддура, подойдя къ карлику, сказалъ ему почти то-же.

— Посмотри, господинъ, эти люди такъ-же, какъ и мы,—дѣти страны Великихъ Озеръ. Братъ не можетъ идти на брата!

— Аа!—заревѣлъ въ ярости Каддуръ,—братъ не можетъ идти на брата! Погоди, Мадуппа, я тебѣ покажу, что значитъ такъ говорить со мной!

И, выхвативъ изъ кабуры револьверъ, онъ въ упоръ выстрѣлилъ въ бѣднаго негра, стоявшаго передъ нимъ, и разомъ уложилъ его на мѣстѣ.

— Ну, что? пойдете вы теперь, мерзавцы?—ревѣлъ Каддуръ, обращаясь къ своей многочисленной стражѣ.

— Да, пойдемъ, но только противъ тебя, если только посмѣешь еще угрожать намъ! — отвѣтили воины перваго ряда. — Мы—твои солдаты и клялись тебѣ въ вѣрности, но не можемъ идти на нашихъ братьевъ!

Каддуръ испускалъ пѣну и грызъ ногти въ безсильномъ бѣшенствѣ. Наконецъ, видя, что ничто не поможетъ, крикнулъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ. — Ну, такъ, налѣво кругомъ и домой!

Но не на то разсчитывалъ Виржиль, безмолвно присутствовавшій при этой сценѣ и только о томъ и думавшій, какъ-бы ему освободить своего господина.

— Нѣтъ, постой, карликъ!—крикнулъ онъ, схвативъ его коня за узду, — наши солдаты отказались драться: у нихъ на то есть добрая причина. Но у насъ съ тобой нѣтъ никакой причины поступать также, какъ они... Такъ вотъ, сразимся одинъ на одинъ!.. Кто побѣдитъ, того будутъ и плѣнники: ты,—такъ твои, а я,—такъ пусть будутъ мои!

Черные воины какъ той, такъ и другой стороны пришли въ восхищеніе отъ этого вызова: они умѣли цѣнить храбрость и мужество.

Между тѣмъ, не дожидаясь согласія Каддура, Виржиль накинулся на него съ высокоподнятой саблей. Карликъ едва успѣлъ отразить первый ударъ, поднявъ на дыбы своего скакуна, затѣмъ, выхвативъ драгоцѣнный дамасской стали ятаганъ, отразилъ имъ второй ударъ Виржиля и занесъ его надъ головой отважнаго солдата. Когда Виржилю пришлось парировать ударъ, то его сабля, далеко не высшаго достоинства, сломилась пополамъ, скрестившись съ дамасскою сталью ятагана.

Всѣ присутствующіе полагали, что отважный французъ безвозвратно погибъ. Не тутъ-то было! Едва увидѣлъ онъ себя обезоруженнымъ, какъ однимъ прыжкомъ, точно тигръ, вскочилъ на спину карлика и, запрокинувъ его назадъ, вцѣпился ему пальцами въ горло. Сдавивъ въ своихъ сильныхъ

рукахъ, онъ стащилъ карлика съ сѣдла и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, повалилъ его наземь, затѣмъ, не давъ ему возможности шевельнуть рукой, крѣпко придавилъ колѣномъ.

Оба отряда громкими криками одобренія привѣтствовали эту блестящую побѣду. Если-бы у Виржиля было въ этотъ моментъ какое-нибудь оружіе подъ рукой, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наглый карликъ тутъ-же бы заплатилъ жизнью за всѣ свои вины. Впрочемъ, и безъ того онъ чуть было не задохся въ сильныхъ рукахъ Виржиля. Но первый моментъ злобы прошелъ, — и бывшій алжирскій стрѣлокъ, видя, что врагъ его уже безсиленъ, рѣшилъ не доводить дѣло до конца. Онъ поднялся съ земли и, сдѣлавъ знакъ своимъ людямъ, приказалъ связать и унести карлика, лежавшаго безъ всякаго движенія и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Между тѣмъ черная стража Каддура стала подходить и брататься съ черными защитниками Тэбали. Слышались радостные крики, похлопываніе по бедрамъ, прыжки, скачки и приплясываніе. Было ясно, что о какой-бы то ни было враждебности двухъ отрядовъ не можетъ быть и рѣчи. Быть можетъ, даже черная гвардія Каддура была особенно рада такому исходу дѣла, который гарантировалъ ей полную безопасность отъ его мщенія. Кромѣ того, убійствомъ ихъ вождя Мадуппа этотъ надменный карликъ показалъ имъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ заставлять ихъ повиноваться ему. И потому никто изъ его воиновъ ни мало не протестовалъ противъ того, что его связали и унесли; никто не воспрепятствовалъ и Виржилю, кинувшемуся прямо къ своему господину, какъ только онъ успѣлъ справиться съ карликомъ.

Не прошло двухъ минутъ, какъ и Норберъ Моони, и докторъ, и Мабруки были освобождены имъ изъ узъ, а Гертруда и Фатима выпущены изъ душнаго закрытаго паланкина. Обѣ женщины изъ-за занавѣсокъ видѣли все, что происходило на мѣстѣ поединка, и можно себѣ представить,

что переживали онѣ въ эти моменты, когда продолжалась борьба безобразнаго карлика съ ихъ мужественнымъ защитникомъ. Норберъ Моони, какъ только очутился на свободѣ, прежде всего озаботился, чтобы скорѣе укрыть Гертруду отъ возможнаго повторенія того, что уже разъ случилось съ нею. Онъ поспѣшилъ отправить ее впередъ вмѣстѣ съ докторомъ и Фатимой. Затѣмъ поручилъ Виржилю предложить воинамъ Каддура поступить въ число защитниковъ Тэбали.

Однако, ихъ вожди, подержавъ совѣтъ между собою, вѣжливо отклонили это предложеніе. Радамехскій карликъ, такъ говорили они, былъ побѣжденъ въ честномъ бою и они не считаютъ себя въ правѣ противиться волѣ побѣдителя надъ побѣжденнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они не считали возможнымъ идти на своихъ братьевъ, такъ точно считаютъ не честнымъ, съ ихъ личной точки зрѣнія наемныхъ воиновъ, передаваться побѣдителю, пока живъ ихъ настоящій господинъ, которому они обязались служить. Кромѣ того, они знали, гдѣ имъ теперь найдется дѣло: Махди шелъ на Хартумъ; и они въ любой моментъ могли встать подъ его знамена.

Норберъ Моони, конечно, преклонился передъ этимъ проявленіемъ своеобразнаго рыцарскаго чувства въ этихъ сынахъ Страны Великихъ Озеръ, не имѣвшихъ здѣсь ни семьи, ни родины. Затѣмъ, попросивъ ихъ отдохнуть съ пути и принять отъ него угощеніе, обмѣнялся дружескими привѣтствіями съ вождями этихъ чернокожихъ воиновъ и поспѣшилъ на вершину Тэбали.

Слѣдомъ за нимъ шла и его черная стража во главѣ съ Виржилемъ. Четверо человѣкъ несли Каддура, все еще безчувственнаго, на щитѣ. Издали онъ напоминалъ громадный ростбифъ на большомъ блюдѣ, какъ весело замѣтилъ серъ Буцефалъ при видѣ приближающаго шествія.

Первой заботой Норбера Моони было приказать отнести все еще безчувственнаго карлика въ помѣщеніе трехъ господъ коммиссаровъ, пустовавшее теперь, въ лѣвомъ флигелѣ зда-

нія обсерваторіи, и попросить доктора тотчасъ-же оказать ему необходимую помощь. При этомъ онъ не забылъ также поставить часовыхъ къ его дверямъ, для большей безопасности, на всякій случай.

Покончивъ со всѣмъ этимъ, онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ его ожидала Гертруда, едва успѣвшая оправиться послѣ всѣхъ пережитыхъ ею ужасныхъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе ласковая и улыбающаяся.

Теперь только, когда опасность миновала, они могли отдать себѣ полный отчетъ, на сколько она была велика и серьезна. Что сталось бы съ ними, если бы взаимный отказъ черныхъ воиновъ дратися другъ противъ друга, а также удивительное мужество и присутствіе духа Виржиля не измѣнили всего положенія дѣла и не превратили Каддура въ плѣнника его жертвъ? Не подлежало, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что злобный карликъ съ злорадствомъ принялся бы разрушать и уничтожать все, что здѣсь было создано путемъ стольких трудовъ и усилій, что онъ разграбилъ-бы и разгромилъ всю обсерваторію, перерѣзалъ и разстрѣлялъ-бы всѣхъ защитниковъ Тэбали, какъ онъ о томъ и заявлялъ, быть можетъ, даже подвергнувъ ихъ предварительно самымъ ужаснымъ пыткамъ... А теперь всѣ они были свободны... изъ этой борьбы вышли побѣдителями они, а не онъ... теперь ужъ не они, а онъ былъ въ ихъ рукахъ! Если бы Норберъ Моони въ этотъ первый моментъ негодованія вспомнилъ, что этотъ мерзкій карликъ, этотъ подлый шарлатанъ осмѣлился поднять глаза на Гертруду, осмѣлился угрожать ей и подвергнуть самаго Моони и всѣхъ его спутниковъ самому унизительному обращенію,—если бы Моони послушался въ этотъ моментъ своего перваго внушенія онъ, конечно, немедленно приказалъ бы его казнить. Но, по свойственному всѣмъ порядочнымъ людямъ чувству деликатности, онъ не уступилъ этому первому побужденію и счелъ необходимымъ во всякомъ случаѣ, хотя на время, отложить эту казнь, тѣмъ болѣе что карликъ все еще не приходилъ въ себя. Потому-то онъ и началъ съ того, что прежде всего

попросилъ доктора навѣстить плѣнника и оказать ему всякую помощь, какая только потребуется.

Докторъ, вернувшись отъ больного,—заявилъ, что, несмотря на всѣ усилія, ему не удалось привести карлика въ чувства, что онъ по прежнему находится въ совершенно безчувственномъ и безсознательномъ состояніи и потому есть основаніе предполагать сильное сотрясеніе мозга. Въ силу всего этого, конечно, мысль о смертной казни для карлика была отсрочена на неопредѣленный срокъ: трудно рѣшиться хладнокровно изрѣчь смертный приговоръ даже и своему злѣйшему врагу, когда онъ безоруженъ и безсознателенъ.

Затѣмъ явился вопросъ, — не счастливый ли это въ самомъ дѣлѣ случай, что карликъ все-таки остался живъ; не является-ли этотъ уродецъ по отношенію къ Радамехскому Могаддэму и всему племени Шерофа цѣннымъ залогомъ, которымъ можно было бы съ выгодой воспользоваться? Таково было всеобщее мнѣніе послѣ того, какъ собраны были различныя свѣдѣнія и подробности, удержавшіяся въ памяти того или другого изъ присутствующихъ. Вержиля всѣ единогласно осыпали самой сердечной благодарностью за его несравненный героизмъ, которымъ онъ спасъ ихъ отъ поистинѣ трагическаго положенія и самой печальной развязки, грозившей не только плѣнникамъ, но и всѣмъ обитателямъ Тэбали и даже самому ихъ дѣлу.

Гертруда Керсэнь разсказала теперь исторію депеши Гордона и все то, что ужасный карликъ далъ ей возможность видѣть и чѣмъ онъ старался прельстить и запугать ее. Что этотъ Каддуръ являлся, несомнѣнно, крупною личностью въ Суданѣ, быть можетъ, даже самой крупной, благодаря своему дьявольскому генію, своимъ обширнымъ знаніямъ и связямъ, это, конечно, не подлежало сомнѣнію. Возможно, что случай далъ теперь Норберу Моони въ руки единственное вѣрное средство повліять не только на все населеніе Судана, но и всѣхъ другихъ мусульманскихъ странъ. Карликъ хвалился тѣмъ, что этотъ грозный Махди—не болѣе, какъ жалкая кукла въ его рукахъ, кукла, которою онъ

управляетъ по своему произволу. А если это было такъ, хотя бы даже и на половину, если этотъ уродливый карликъ, дѣйствительно, имѣетъ какое нибудь вліяніе на Махди, то какое громадное значеніе долженъ будетъ имѣть его плѣнъ на всѣ дальнѣйшія событія въ Суданѣ!..

Махди шелъ на Хартумъ,—это уже не подлежало никакому сомнѣнію,—и если, дѣйствительно, телеграмма Гордона была перехвачена и перефразирована,—чего было довольно трудно не допустить, послѣ того что видѣла своими глазами Гертруда,—то прибытіе въ скоромъ времени вспомогательной англійской арміи становилось съ минуты на минуту все болѣе гадательнымъ. Кромѣ того, даже и въ чисто личныхъ интересахъ г. Моони, хотя бы по отношенію къ найму рабочихъ, необходимыхъ для окончанія работъ на Тэбали, было во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно имѣть у себя въ рукахъ такой залогъ, какимъ являлась личность Каддура.

Слѣдовало вылѣчить его и держать подъ строжайшимъ надзоромъ: отъ этого, быть можетъ, могла зависѣть участь всѣхъ. Виржилю отдано было приказаніе удвоить число стражи вокругъ помѣщенія, отведеннаго плѣнному, и держать ухо востро, потому что онъ, безъ сомнѣнія, будетъ пытаться бѣжать отсюда, какъ только встанетъ на ноги.

— Не бойтесь; я за нимъ пригляжу, и мой глазъ вѣрный!—сказалъ Виржиль, выслушавъ приказаніе Норбера.... Не этому комару мнѣ носъ подточить!....

XVI. **Смерть Каддура.**

Гертруда Керсэнь, твердо вѣря обѣщанію, данному ей отцомъ—пріѣхать за нею въ Тэбали по прошествіи двухъ недѣль, не пропускала теперь ни одного утра, чтобы не подойти къ телескопу и не направить его на дорогу къ Хартуму въ робкой надеждѣ увидѣть гдѣ нибудь вдали группу путешественниковъ, направляющихъ по пути къ Тэбали. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы огорчить своихъ любезныхъ хозяевъ, выразивъ имъ свое мучительное нетерпѣніе поскорѣе увидѣться съ отцомъ. И вотъ она являлась каждое утро къ завтраку съ веселымъ улыбающимся лицомъ, глубоко затаивъ на сердцѣ горькое разочарованіе и мучительную тревогу, возраставшую съ каждымъ днемъ.

Друзья-же ея, въ свою очередь, старались сдѣлать все, зависящее отъ нихъ, чтобы развлечь ее, и, конечно, тщательно избѣгали всякаго малѣйшаго напоминанія о томъ, что все болѣе и болѣе тяжелой думой налегло и имъ на душу. Докторъ ежедневно докладывалъ всему маленькому обществу о состояніи здоровья своего больного, который въ послѣднее время сталъ уже замѣтно поправляться.

— Да, этотъ карликъ самое странное существо, какое мнѣ когда либо случалось наблюдать въ своей жизни! —сказалъ онъ однажды, садясь за завтракъ рядомъ со своей племянницей.—Вотъ уже двое сутокъ, какъ онъ пришелъ въ сознаніе,—и я до сихъ поръ не могу добиться отъ него ни звука!... Поражены-ли у него гортанныя связки, лишился-ли онъ языка, или только прикидывается нѣмымъ, какъ онъ это дѣлалъ тогда, когда мы впервые видѣли его въ Радамехѣ, и здѣсь,—рѣшить трудно..... Мало того, я до сихъ поръ не могу даже опредѣлить,—негръ онъ или бѣлый, что также возможно предположить, судя по тому, что видѣла Гертруда въ то время, когда была его плѣнницей. Я готовъ вѣрить, что онъ выкрашенъ съ ногъ до головы, потому что цвѣтъ его кожи скорѣе аспидно—сѣрый, чѣмъ черный, и вовсе не походитъ на цвѣтъ кожи нубійцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ реактивныхъ средствъ не подѣйствовало на его окраску. Надо полагать, что эта краска глубоко внѣдрилась въ его поры не только на поверхности кожи, потому что, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, эта краска подвергается измѣненіямъ согласно личнымъ ощущеніямъ, иначе говоря, то блѣднѣетъ, то сокращается весьма замѣтно.

— А развѣ такого рода внѣдреніе или всасываніе воз-

*

можно съ точки зрѣнія физіологіи?—удивленно освѣдомился Норберъ Моони.

— Возможно-ли?... Я, конечно, не возмусь произвести самъ нѣчто подобное,—сказалъ докторъ,—хотя, такъ какъ въ общей сложности окраска кожи чернокожихъ является результатомъ особаго рода пигмента, то можно, безъ сомнѣнія, допустить, что посредствомъ введенія въ организмъ элементовъ этого пигмента, главнымъ образомъ, въ кровообращеніе непосредственно или же посредствомъ питанія, такое измѣненіе, пожалуй, дѣло возможное.

— Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что многое, чего мы, европейцы, не можемъ даже понять и не умѣемъ дѣлать, не болѣе, какъ пустая шутка для восточныхъ фокусниковъ и факировъ, и потому я не рѣшусь утверждать, что они не въ силахъ сдѣлать и этого!... Въ концѣ концовъ, Гертруда вѣдь, своими глазами видѣла, какъ этотъ негръ превратился въ бѣлаго.

— И я тоже!—сказала Фатима, прислуживавшая своей госпожѣ за столомъ.

— И такъ вотъ уже двое свидѣтелей!—воскликнулъ докторъ,—ахъ, если бы только это животное повторило при мнѣ этотъ удивительный фокусъ, я могъ-бы построить на этомъ свою теорію!—Но увы,—на это нечего надѣяться: онъ, конечно, не согласится доставить мнѣ это громадное удовольствіе, хотя я и хожу за нимъ, какъ мать за нѣжно любимымъ сыномъ, и берегу, точно зѣницу ока.

— Да, докторъ, вы можете похвастать, что вернули къ жизни превосходнѣйшій образецъ физической и нравственной красоты!—смѣясь замѣтилъ баронетъ.

— Физическая, нравственная красота или уродство моихъ больныхъ весьма мало интересуютъ меня, могу васъ въ томъ увѣрить,—сказалъ докторъ.—Когда мнѣ приходится быть у больнаго, я стараюсь излечить его болѣзнь и только,—а всеостальное до меня не касается!

Прежнее помѣщеніе коммиссаровъ выходило, какъ мы уже говорили выше, окнами на большую круговую дорогу,

въ лѣвомъ флигелѣ обсерваторіи, и примыкало къ зданію склада, обращеннаго теперь въ казарму для черной стражи. Эти условія главнымъ образомъ и заставили Норбера Моони избрать это помѣщеніе тюрьмою для Каддура, такъ какъ здѣсь присмотръ за нимъ былъ несравненно легче и удобнѣе. Что же касается бывшихъ коммиссаровъ, то ихъ такъ и оставили внизу, у подножія горы, въ надеждѣ, что они, въ концѣ концовъ, сбѣгутъ изъ своихъ предварительныхъ тюремъ, что было бы, конечно, самымъ простымъ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ виновности и надлежащемъ возмездіи. Но они и не думали бѣжать, такъ какъ были увѣрены, что имъ не удастся никоимъ образомъ избѣгнуть кровавой расправы бродячихъ арабскихъ отрядовъ инсургентовъ.

Оправившись, карликъ получилъ разрѣшеніе два раза въ сутки пользоваться свѣжимъ воздухомъ, совершая небольшія прогулки по круговой дорогѣ, подъ надзоромъ часоваго, поставленнаго у его дверей и у гауптвахты казармъ чернаго отряда, находившейся на разстояніи какихъ нибудь двадцати метровъ другъ отъ друга. Всякаго рода общеніе между солдатами и плѣннымъ было строго воспрещено, хотя, собственно говоря, въ этомъ запрещеніи не было даже никакой надобности. Каддуръ не произносилъ ни звука, не дѣлалъ ни малѣйшаго жеста, прохаживаясь медленной, тяжелой поступью по своему выступу, ограниченному протянутыми веревками, при чемъ отъ всей его безобразной коротенькой особы виднѣлись только одни громадныя ступни ногъ и густая копна волосъ его рыжей бороды. Все остальное тщательно скрывалось имъ въ густыхъ складкахъ бѣлаго бурнуса, которымъ онъ весьма искусно окутывалъ себя, стараясь придать своей невзрачной маленькой особѣ нѣсколько внушительный и осанистый видъ.

Иногда онъ все время, назначенное для прогулки, проводилъ, стоя на мѣстѣ въ тѣнистомъ углу, по дальше отъ обоихъ солдатъ, неподвижно опершись лбомъ на ладонь правой руки и какъ бы погрузившись въ глубокую задумчивость, или же присаживался на какой нибудь большой ка-

мень, снималъ съ лѣвой ноги свою сандалію, а ногу держалъ обѣими руками, внимательно вглядываясь въ нее упорнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, какъ это дѣлаютъ факиры.

Но никогда, ни единымъ взглядомъ или жестомъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія обмѣняться мыслями, хотя бы словомъ, со своими стражами. Виржиль, который никогда не упускалъ его изъ виду во время его прогулокъ, наконецъ, совершенно успокоился на этотъ счетъ. Но то, чему онъ не могъ воспрепятствовать уже потому, что и самъ не понималъ всей опасности, и потому еще, что и самъ онъ отчасти поддавался этому странному вліянію, такъ это то, что строгая сдержанность, молчаливость и задумчивость Каддура невольно производили сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кто были ежедневными свидѣтелями этого строгаго и серьезнаго поведенія. Всѣ они начинали смотрѣть на карлика, какъ на человѣка съ большой ученостью, достойнаго извѣстнаго уваженія, хотя бы только за строгость и важность своего нрава и осанки.

Послѣ того, какъ онъ въ теченіи семи—восьми дней продѣлывалъ все тѣ-же штуки, Каддуръ однажды срѣзалъ на краю дороги прутикъ орѣшника, случайно росшаго тутъ, сдѣлалъ себѣ изъ него палочку, длиною приблизительно около 90 сантиметровъ, и затѣмъ сталъ проводить все свое свободное время въ томъ, что вырѣзывалъ на ней различные рисунки и фигурки, кускомъ стекла, который онъ подобралъ гдѣ то подъ окномъ. И въ этомъ Виржиль не видѣлъ ничего предосудительнаго, потому что, какъ извѣстно, всѣ заключенные споконъ вѣковъ всегда развлекались рѣзьбой на деревѣ въ свободныя минуты.

Однажды, когда этотъ вѣрный и бдительный стражъ, убѣдившись въ томъ, что все на большой круговой дорогѣ, по которой теперь прогуливался карликъ, въ полномъ порядкѣ, рѣшилъ пойти посмотрѣть, какъ идутъ работы, Шаака и нѣсколько человѣкъ изъ его товарищей сидѣли скорчившись на солнышкѣ у дверей своей казармы и предавались воспоминаніямъ о своей далекой родинѣ. Несмотря

на давность времени, на дальность разстоянія, на труды и тяжкое ярмо рабства, какое было наложено ихъ прежнимъ господиномъ Зэбаромъ, всѣ они сохранили въ своихъ сердцахъ самыя сладкія воспоминанія о той странѣ африканскихъ Великихъ Озеръ, гдѣ прошли годы ихъ счастливаго дѣтства. Но въ ихъ наивномъ воображеніи эти воспоминанія далекаго прошлаго снова принимали по временамъ нѣчто фантастическое.

— Увы! —сказалъ одинъ изъ нихъ,—придется-ли намъ когда нибудь увидѣть родной Бахръ—Эль-Газаль, гдѣ крокодилы кротки, какъ голуби, гдѣ высокія травы высоки и зелены, какъ деревья?

— Гдѣ дурра даетъ плоды ужъ восемь дней спустя послѣ того, какъ ее посѣятъ!—подхватилъ въ умиленіи другой.

— Великій духъ можетъ заставить вырости дурру и дать плоды менѣе, чѣмъ въ одинъ часъ, вдругъ послышался чей-то голосъ за спиной солдатъ.

— Кто это говоритъ на языкѣ нашихъ отцовъ? — воскликнулъ Шаака, быстро оборачиваясь.

Передъ нимъ стоялъ Каддуръ все такъ же неподвижно.

— Ты сказалъ великое слово, братъ,—вымолвилъ молодой негръ,—но кто тотъ великій духъ, о которомъ ты говоришь, что онъ могущественненъ и великъ?

— Онъ тотъ, кто вѣчно былъ, есть и будетъ!—отвѣчалъ карликъ торжественнымъ тономъ.

— И ты самъ видѣлъ, какъ онъ это дѣлалъ?

— Не только видѣлъ самъ, но еще получилъ отъ него въ даръ ту-же сверхестественную силу, какою обладалъ онъ самъ!

— Значитъ, и ты можешь заставить дурру вырости и дать плодъ въ одинъ часъ времени?

— Да, даже въ нѣсколько минутъ, если только захочу!

Всѣ негры повскакали съ своихъ мѣстъ и обступили карлика; самое напряженное любопытство читалось на ихъ лицахъ.

— Отецъ,—сказалъ Шаака,—вотъ сѣмена дурры,—пусть они произрастутъ и дадутъ плодъ!

— Для этого мнѣ нужно, чтобы вокругъ меня было не менѣе двадцати человѣкъ, обиженныхъ судьбой и людьми!

— А кто они, эти обиженные?

— Поищи, сынъ мой, поищи!.. Лица у нихъ не бѣлыя!

— Аа! понимаю, — воскликнулъ Шаака, это — черные!.. Позовите нашихъ братьевъ,—приказалъ онъ, указавъ стоявшимъ подлѣ него товарищамъ на казарму, гдѣ находились остальные.

Не прошло и минуты, какъ число зрителей, необходимое, по словамъ Каддура, для осуществленія его фокуса, уже собралось у веревки служившей оградой. Тогда карликъ сталъ отступать задомъ до средины площадки, давъ знакъ неграмъ хранить полнѣйшее молчаніе, не шевелиться и не перешептываться между собой. Послѣ этого, доставъ изъ-подъ складокъ своей одежды ту палочку, надъ которой онъ такъ часто трудился, онъ сталъ потрясать ею въ воздухѣ надъ своей головой, шепча какія-то кабалистическія слова, потомъ начерталъ на землѣ большой кругъ, а въ самомъ центрѣ его присѣлъ на корточки и вырылъ пять или шесть ямочекъ своею маленькой палочкой. Въ эти ямочки онъ положилъ зерна дурры, полученныя имъ отъ Шааки и накрылъ каждое изъ нихъ небольшой пригоршней земли, смоченной собственной слюной.

Была-ли у него во рту какая-нибудь особая ему одному извѣстная трава или какой-нибудь секретный составъ, этого, конечно, сталъ-бы доискиваться докторъ Бріэ, если-бы онъ присутствовалъ при этомъ диковенномъ опытѣ, но, къ несчастію, свидѣтелями этого фокуса были одни только чернокожіе воины, простодушные и легковѣрные, какъ дѣти, слѣдившіе съ напряженнымъ вниманіемъ и затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ за всѣми манипуляціями факира.

Между тѣмъ Каддуръ, поднявшись на ноги, снова принялся размахивать своей маленькой палочкой, описывая ею

круги надъ кругообразной бороздой своего посѣва и бормоча какія-то непонятныя формулы, возгласы и слова.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ земля надъ ямочками, въ которыя вложены были сѣмяна, стала немного подыматься, и изъ этихъ маленькихъ возвышенностей стали показываться молодые зеленые ростки. Ростки эти стали почти незамѣтно увеличиваться, развиваться, вскорѣ приняли видъ молодыхъ тростинокъ и менѣе чѣмъ въ десять минутъ времени, достигли высоты двадцати сантиментровъ

Въ этотъ моментъ чернокожіе воины, будучи не въ силахъ долѣе сдержать свои чувства восторга и удивленія, стали выражать ихъ громкими криками одобренія. Однако, Каддуръ однимъ жестомъ заставилъ ихъ смолкнуть и продолжалъ свои заклинанія. Дурра между тѣмъ продолжала рости и подыматься и вскорѣ стала выше головы карлика, который теперь уже стоялъ на ногахъ. И вотъ на каждой вѣткѣ стали показываться завязи, которыя, минуту спустя, стали набухать и затѣмъ распускаться роскошнымъ цвѣткомъ и превращаться въ плодъ.

— Шааки!—обратился вдругъ къ нему карликъ,—хочешь ты видѣть того человѣка, котораго ты болѣе всего ненавидѣлъ въ своей жизни?

— О, онъ уже давно умеръ!—возразилъ съ торжествующимъ смѣхомъ молодой вождь.

— Мнѣ это хорошо извѣстно. Ты думаешь о сынѣ Зебера, котораго баши-бузуки обезглавили три года тому назадъ!

— Отецъ! —воскликнулъ въ умиленіи Шаака, —ты читаешь въ мысляхъ человѣка!

— Я, кромѣ того, могу вызывать мертвыхъ... и вотъ, если ты хочешь, то сегодня вечеромъ, я покажу тебѣ Сулеймана, сына Зебера, того самаго, который ради развлеченія жестоко сѣкъ васъ при своей жизни. Онъ скажетъ вамъ, какъ теперь страдаетъ въ странѣ вѣчныхъ мученій, и будетъ просить у васъ прощенія въ своихъ великихъ проступкахъ и преступленіяхъ!..

— Да, отецъ, хочу!.. и всѣ мы хотимъ этого!—воскликнулъ Шаака за себя и за своихъ товарищей,—и нервная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ при мысли, что онъ очутится лицомъ къ лицу съ мучителемъ своимъ, отравившимъ ему дни его дѣтства.

— Такъ вотъ, сегодня вечеромъ, въ тотъ часъ, когда луна скрывается за холмами Дарфура, пройдите всѣ мимо моего окна и вы увидите въ немъ Сулеймана!

Только что Каддуръ договорилъ эти слова, какъ на площадкѣ показался Виржиль. Едва успѣли черные воины метнуть въ сторону вновь прибывшаго тревожный взглядъ, какъ всходы дурры безслѣдно исчезли, сорванные, смятые и запрятанные въ складкахъ одежды фокусника. А самъ карликъ, безмолвный и неподвижный, стоялъ, погруженный, повидимому, въ свою обычную задумчивость.

Но уже самыя позы сгруппировавшихся вокругъ веревки площадки, предназначенной для прогулокъ карлика, тревожный и растерянный видъ всѣхъ этихъ подвижныхъ чернокожихъ физіономій достаточно ясно говорили Виржилю, что произошло нѣчто необычайное въ его отсутствіи. Однако, онъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы не подать даже и вида, что замѣтилъ что-нибудь.

Отведя, какъ всегда, Каддура обратно въ его тюрьму, онъ, не сказавъ никому ни слова, удалился, разставивъ часовыхъ по мѣстамъ, но при этомъ далъ себѣ слово строже присматривать за карликомъ и дѣйствительно сдержалъ это слово.

Въ обычный часъ своего вечерняго обхода ему показалось, что чернокожая стража явно взволнована чѣмъ то, что они всѣ какъ будто съ нетерпѣніемъ ждутъ чего то, какого то необычайнаго событія. Видя это, онъ поспѣшилъ приказать гасить огни и сдѣлалъ видъ, будто ушелъ, чтобы тот часъ-же вернуться съ противуположнаго конца круговой дороги и засѣсть тамъ въ засадѣ въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть рѣшительно все, что происходило въ казармѣ и вокругъ флигеля, служившаго помѣщеніемъ карлику.

Ему не трудно было убѣдиться, что въ казармахъ, несмотря на потушенные огни, продолжали не спать, и это еще болѣе утвердило его въ намѣреніи выждать и прослѣдить, чѣмъ именно слѣдуетъ объяснить это совершенно необычайное явленіе.

Луна только что скрылась за горизонтомъ, когда Шаака со своими людьми вышелъ изъ казармы. Всѣ они шли гуськомъ, одинъ за другимъ, осторожно прокрадываясь къ окнамъ заключеннаго. Очевидно, они старались двигаться безъ шума, но ихъ подавленные возгласы и быстрота рѣчей, когда они вполголоса обмѣнивались своими мыслями, достаточно свидѣтельствовали о томъ, насколько всѣ были возбуждены и взволнованы.

Виржилю трудно было видѣть, что именно происходило, потому что было совершенно темно. Но вдругъ яркій свѣтъ освѣтилъ одно изъ оконъ помѣщенія, занимаемаго Каддуромъ, и тогда онъ могъ убѣдиться, что всѣ чернокожіе воины собрались къ этому окну. Очевидно, было и еще что-то, такъ какъ всѣ эти смѣлые и рѣшительные въ минуту самой страшной опасности воины теперь были объяты страхомъ и ужасомъ. Они всѣ сбились въ кучу и какъ будто не смѣли рѣшиться двинуться ни впередъ, ни назадъ.

Глаза ихъ были прикованы къ поистинѣ ужасному видѣнію.

Въ амбразурѣ окна появился простой грубый некрашеный столъ, ничѣмъ не накрытый и безъ всякихъ украшеній. На этомъ столѣ стояло оловянное блюдо и на немъ окровавленная голова казненнаго, въ которой всѣ эти чернокожіе тотчасъ же узнали голову Сулеймана, сына Зэбера! Сулеймана, казненнаго уже три года тому назадъ! И эта голова слегка приподнялась на блюдѣ, раскрыла глаза и смотрѣла на нихъ... Если бы Шаака и его воины бывали въ Парижѣ въ 1864 г. они, конечно, знали бы, что то, что имъ теперь казалось невѣроятнымъ чудомъ, не болѣе, какъ самый простой фокусъ, который получается, благодаря круглому отверстію, продѣланному въ столѣ, и вертикально по-

ставленному зеркалу, которымъ замаскировывается корпусъ человѣка, спрятаннаго подъ столомъ. Но ни Шаака, ни его товарищи никогда не бывали въ Парижѣ и даже никогда не слыхали этого названія.

Они стояли внѣ себя отъ ужаса и удивленія передъ этимъ видѣніемъ. Но вотъ уста мертваго зашевелились сперва беззвучно, но все же какъ будто онъ собирался заговорить, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ голова заговорила тѣмъ самымъ протяжнымъ, гортаннымъ голосомъ, какимъ всегда говорилъ сынъ Зэбера.

— Я заставлялъ васъ мучиться и страдать,—вымолвила она,—но теперь я самъ мучусь и страдаю. Многіе изъ васъ умерли изъ за меня, теперь и самъ я умеръ!... Я никогда не щадилъ васъ, и вотъ, чтобъ заслужить себѣ пощаду, я долженъ сказать вамъ сегодня это слово, какъ отецъ и какъ другъ... Слушайте меня всѣ, сыны страны озеръ: если вы не хотите испытывать тѣхъ же мученій, какія терпѣлъ я, въ подземельяхъ смерти, то должны встать за правое дѣло Пророка!—Вы должны всѣ повиноваться велѣніямъ его вѣрнаго слуги, Каддура, должны перестать служить гяурамъ и пристать къ чернокожимъ братьямъ своимъ, чтобы идти вмѣстѣ съ ними на европейцевъ!... Избейте всѣхъ ихъ—и здѣсь и повсюду! или они овладѣютъ всею пустыней и высосутъ всю вашу кровь!.. Слушайте же меня, сыны страны озеръ, такъ какъ я явился сказать вамъ это слово, чтобы этой цѣной купить себѣ пощаду и прощенье!..

И какъ бы истощенная такимъ усиліемъ, голова смолкла и закрыла глаза... Но спустя нѣсколько минутъ она снова открыла уста и продолжала все тѣмъ же мѣрнымъ, тягучимъ тономъ:

— Если вы не вѣрите мнѣ, то завтра въ это же время отецъ Шаака явится вмѣсто меня, чтобы подать вамъ тотъ же самый совѣтъ!..

Затѣмъ свѣтъ въ окнѣ внезапно погасъ и видѣніе скрылась. Но долгій, протяжный стонъ, похожій на вопль, исходящій изъ самыхъ нѣдръ земли, окончательно повергъ бѣд-

ныхъ чернокожихъ въ невыразимый трепетъ и безпредѣльный суевѣрный страхъ.

Простоявъ еще довольно долго, какъ вкопанные на одномъ мѣстѣ, объятые страхомъ и отвращеніемъ, они молча отправились обратно въ свои казары. Виржиль счелъ однако необходимымъ не терять ни минуты и тотчасъ-же принялъ надлежащія мѣры. Онъ снова зажегъ свой фонарь, который затушилъ было, чтобы оставаться незамѣченнымъ, и поспѣшилъ къ дверямъ временной тюрьмы, ключь отъ которой хранился у него. Войдя, онъ засталъ Каддура, который только что собирался сбросить съ себя тотъ нарядъ, въ который онъ вырядился для своего мрачнаго представленія. Лице его и сейчасъ еще было вымазано известью, соскобленной со стѣнъ; шея обмотана бѣлою тряпкой, измаранной кровью, которую онъ выпустилъ изъ маленькой жилки, надрѣзанной тѣмъ же осколкомъ стекла, который служилъ ему для рѣзьбы фигуръ на бѣлой палочкѣ, умывальный столъ съ отверстіемъ, прорѣзаннымъ въ немъ для умывальной чашки и жестяная чашка, изображавшая блюдо и зеркало изъ комнаты Игнатія Фогель,—все это было тутъ на лицо.

Накинуться на мерзкаго карлика, стиснуть его и повалить на полъ, связать по рукамъ, по ногамъ и завязать ему ротъ,—все это было для Виржиля дѣломъ одной минуты Затѣмъ онъ, не сказавъ никому ни слова, вышелъ, заперевъ за собою дверь на ключъ и, не теряя ни минутки, побѣжалъ къ Норберу Моони, чтобы доложить ему обо всѣмъ случившемся.

— Теперь вы, сударь, сдѣлаете съ нимъ, что вамъ будетъ угодно, — на то, конечно, ваша воля, — но можете мнѣ повѣрить, что смертная казнь—единственное средство, которое можетъ еще остановить бунтъ и возмущеніе этихъ чернокожихъ воиновъ. Если часъ спустя мы не всадимъ этому Каддуру трехъ пуль въ голову, то все пропало!..

Хотя молодой астрономъ былъ принципіально противъ такихъ радикальныхъ мѣръ, но на этотъ разъ и онъ былъ весьма склопенъ думать такъ-же какъ Виржиль. Очевидно,

дѣло было не шуточное; нельзя было терять ни минуты; надо было принять немедленно какое-нибудь рѣшеніе и нанести рѣшительный ударъ. Взвѣсивъ въ умѣ своемъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла, Норберъ пришелъ, наконецъ, къ тому убѣжденію, что карлика нельзя долѣе оставлять въ живыхъ, если только онъ самъ не согласится заявить одураченнымъ имъ чернокожимъ о всѣхъ своихъ мошенническихъ продѣлкахъ и обманахъ.

И вотъ, присѣвъ къ своему письменному столу, г. Моони составилъ смертный приговоръ съ изложеніемъ всѣхъ причинъ и винъ преступника, между тѣмъ какъ Виржиль отправился будить баронета и доктора Бріэ.

— Господа, — сказалъ имъ, Норберъ Моони, — я вижу себя вынужденнымъ, къ немалому моему сожалѣнію, взять на свою отвѣтственность смертный приговоръ надъ человѣкомъ, что для меня ужасно тяжело... Я хотѣлъ сказать, что такого рода рѣшеніе для меня представляется ужаснымъ; тѣмъ не менѣе не считаю себя вправѣ колебаться на минуту долѣе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ тѣмъ самымъ подвергалъ-бы опасности жизнь всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ довѣрили.

— Я намѣренъ представить на судъ мой поступокъ и все мое поведеніе въ этомъ дѣлѣ, какъ только покину эту страну, первому судебному учрежденію, вѣдающему такого рода дѣла... но теперь я послалъ просить васъ сюда, чтобы высказать вамъ мою просьбу — и подписать протоколъ, составленный мной по этому дѣлу.

Баронетъ и докторъ, которымъ сообщили всю суть дѣла, вполнѣ одобрили рѣшеніе молодого ученаго и объявили, что готовы подписать вмѣстѣ съ нимъ не только протоколъ, но и самый смертный приговоръ карлика, что астрономъ, однако, великодушно отклонилъ.

Отдано было приказаніе вызвать всю чернокожую стражу въ полномъ составѣ, но безъ оружія. Затѣмъ всѣ вышли на круговую дорогу.

Наемная стража была уже тамъ, когда туда явились

наши друзья. Всѣ воины стройно выстроились въ четыре боевыя линіи съ Шаака во главѣ.

— Друзья мои!—обратился къ нимъ съ ласковой рѣчью Норберъ Моони. — Этотъ обманщикъ безсовѣстно обманулъ васъ сегодня. Онъ по злобѣ своей пытался пошатнуть ваше довѣріе и доброе чувство ко мнѣ, вашу честь какъ воиновъ, на которыхъ я смѣло могу полагаться, и вашу вѣрность данному слову,—все это онъ хотѣлъ пошатнуть васъ своими низкими происками, которые являются положительнымъ оскорбленіемъ и поруганіемъ такихъ честныхъ и смѣлыхъ воиновъ, какъ вы! Но я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что вы съ презрѣніемъ отнесетесь къ его фокусамъ. Однако, прежде, чѣмъ наказать его, какъ онъ заслуживаетъ того за его намѣреніе вызвать бунтъ, я хочу, чтобы вы сами своими глазами убѣдились, какимъ образомъ онъ старался одурачить васъ и надсмѣяться надъ вами... Шаака, возьми человѣкъ шесть изъ твоихъ людей и пойдемте за мной въ его тюрьму!..

Не говоря ни слова, молодой вождь исполнилъ приказаніе Норбера Моони, но было видно, что ни самъ онъ, ни его воины не были вполнѣ спокойны за послѣдствіе этого посѣщенія тюрьмы.

— Смотрите, вотъ зеркало, вотъ столъ, вотъ жестяное блюдо, а вотъ и испачканныя кровью тряпки, которыми обматывалъ себѣ шею этотъ обманщикъ, чтобы одурачить васъ! — сказалъ Норберъ, объясняя неграмъ, какъ все это дѣлается тѣми, кто желаетъ изобразить голову казненнаго,— поводящую глазами и говорящую, какъ это сдѣлалъ съ часъ тому назадъ Каддуръ.

— Да, но гдѣ-же голова Сулеймана?.. гдѣ она?..—насмѣшливо спросилъ Шаака, какъ-бы не понявъ объясненія и вдругъ замѣтизъ стебли дурры, которыя Каддуръ принесъ въ складкахъ своей одежды.

— А эта дурра, какъ могъ онъ выростить ее менѣе, чѣмъ въ одинъ часъ времени? — продолжалъ спрашивать молодой негръ.—Вѣдь всѣ мы видили это своими глазами!..

Норберъ Моони, которому не было ничего извѣстно объ

этомъ, конечно, не могъ дать никакихъ объясненій. Чернокожіе воины переглянулись по этому случаю и покачали головами.

— Выведите приговореннаго!—сказалъ молодой ученый, выходя вмѣстѣ со своею свитой на большую круговую дорогу.

Вскорѣ появился и Виржиль, ведя за собой карлика, лицо котораго не выражало ни малѣйшей тревоги или безпокойства.

— Встаньте здѣсь! — приказалъ г. Моони, указавъ карлику на мѣсто у стѣны.—Я прочту вамъ вашъ приговоръ.— И онъ сталъ читать громко и отчетливо выговаривая каждое слово, при свѣтѣ горящаго факела, который держалъ Виржиль, длинный рядъ обвиненій, оканчивающійся слѣдующими словами:

„По причинѣ всѣхъ выше перечисленныхъ преступленій— похищенія, самовольнаго плѣненія, попытки на убійство, подстрекательство къ бунту и избіенію, карликъ Каддуръ симъ самымъ приговаривается къ смертной казни черезъ разстрѣляніе,—что и совершится десять минутъ спустя по прочтеніи этого приговора“.

Подписано: Норберъ Моони.

Мабруки перевелъ заключеніе этого чтенія чернокожимъ воинамъ, которые всѣ стояли неподвижно, вперивъ широко раскрытые зрачки на карлика, отъ котораго они, очевидно, ждали новаго чуда, гдѣ-бы проявилась сверхъестественная сила Каддура.

Кругомъ царило гробовое молчаніе.

Тогда Норберъ снова обратился къ приговоренному.

— Вы слышали,—сказалъ онъ,—что вамъ предоставленъ еще одинъ исходъ. Если вы сейчасъ же признаетесь этимъ честнымъ воинамъ, что хотѣли недостойнымъ образомъ обмануть ихъ, и скажете, какими средствами пользовались, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе и овладѣть ихъ сердцами,—я дарую вамъ жизнь!

Изданія П. П. Сойкина.—Спб., Невскій № 96, уг. Надеждинской.

„Полезная Библіотека"

Цѣна каждой книги 50 к.

Драгоцѣнные камни. Сост. *Ив. Святскій.* 1·4 стр. (съ 38 рис.).

Учен. Ком. М-ва Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ ученич. библіот. средн. учебн. завед., учит. инстит. и въ учительск. библ. низш. учебн. завед., а также въ безпл. нар. библ. и чит.

Электричество въ домашнемъ быту. Руков. для любит. электротехн. Сост. *Н. Н. Довяковскій.* 194 стр. (съ 177 рис.).

Пѣвчія птицы (Ловля, содерж. въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. *Ив. Святскій.* 240 стр. (съ 28 рис.). Изд. 2-е.

Изданіе первое Учен. Ком. М-ва Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен., старш. возр., библ. мужск. средн. учебн. завед. и город. учил., а также въ безпл. народн. библіотеки и читальни.

Естественная исторія въ разсказахъ. Соч. *А. Майльса,* пер. съ англ. М. Басанина. 173 стран.

Рыболовъ любитель (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практ. руководство. *Θ. Пескова.* 180 стран. (69 рис.).

Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. **ОДОБРЕНО** для ученич. библ. старш. возраста мужск. средн. учебн. завед., а также и городск. учил. и для безпл. народн. библіотекъ и читаленъ.

Комнатное цвѣтоводство (Руков. для любит.). Сост. *Θ. Медвѣдевъ.* 144 стр. (56 рис.).

Спортъ во всѣ времена года. Состав. *Г. Ф—тъ* (Билліардъ.—Кегли.—Велосипедъ.—Верховая ѣзда.—Плаваніе.—Гребной спортъ.—Устройство «канота».—Лыжи.—Коньки.—Буеръ.—Англ. подвижныя игры). 200 стр., съ 60 рис.

Учен. Комит. М-ва Нар. Пр. **ОДОБРЕНО** для ученич. библіотекъ всѣхъ средн. и низшихъ учебн. завед., а также и для безпл. народн. читаленъ.

Домашній обиходъ (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства). Составилъ *Ф. Г.* 184+XIX стр.

Міры дѣйствительн. и воображаемые. Соч. *К. Фламмаріона.* П р. *И. Святскій.* 192 страницы.

Жизнь земли.—Очерки популярной геологіи. Профессора *Ф. Пуше.* Перев. и доп. *Н. Ляминъ.* 164 стран. (съ 30 рис.).

Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. **ОДОБРЕНО** для учен., старш. возр., библіот. реальныхъ учил. и для учен. библ. учительск. инст., а также для безпл. нар. библ. и читаленъ.

Натуралистъ на Ла-Платѣ. Соч. *У. Хедсона.* Перев. съ 8-го англ. изд. Кн. I. 180 стр. (съ 15 рис.). Кн. II (окончаніе). 200 стран. (съ 11 рис.).

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для ученич., старш. возр., библ. мужск. средн. учебн. завед., для ученич. библ. учит. инстит. и семин. и для безпл. нар. библ. и читаленъ.

Чудеса растительнаго міра. Составилъ *Θ. Медвѣдевъ.* 148 стран. (съ 30 рис.).

Учен. Ком. С. Е. И. В. Канцеляріи **РЕКОМЕНДОВАНО** для учен. библ., старш. и средн. возраста, средн. учебн. завед. Вѣд. учр. Имп. Маріи.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. библіот. и читальни.

Жизнь въ морѣ. *К. Келлера.* Перев. Вл. Шацкаго, подъ ред. проф. *А. М. Никольскаго.* **Кн. I.**—204 стр. (съ 31 рис.). **Кн. II** (окончаніе).—188 стр. (съ 20 рис.). Изданіе 2-е, испр. и доп.

Первое изданіе Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. заведен., учит. инстит. и семин. и гор. учил. и въ учит. библ. низш. учебн. завед., а также въ безпл. народн. библ. и читальни.

Гл. Управл. Военно-Учебн. завед. **РЕКОМЕНДОВАНО** для библ. кадетск. корпусовъ.

Какъ узнать характеръ человѣка? Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія) и по внѣшнему виду головы (френологія). Состав. *Гр. Ф—тъ,* дѣйств. Чл. Граф. Общ. 240 стр. 35 рис. и 50 образ. почер. Изд. 3-е, дополн. и испр.

Подъ водою. — Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. *Л. Фигье.* Пер. подъ редакц. и съ допол. *Гр. Ф—та.* 120 стр. (съ 22 рис.).

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав.

Выписывающіе изданія П. П. Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надежд.), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ тѣхъ изд., за которыя перес. показана особо.